

МЕМОУАРЫ

П. Хадыка

ЗАПИСКИ СОЛДАТА

Издательство „Беларусь“ Минск, 1971

П. Хадыка

ЗАПИСКИ СОЛДАТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛАРУСЬ» МИНСК 1971

Первая империалистическая война много горя и слез принесла трудовому народу. Когда фронт приближался к Барановичам, население эвакуировалось в глубь России. Вместе с семьей выехал и Павел Михайлович Хадька. В Оренбурге 18-летним юношей он добровольно вступает в красногвардейский отряд, затем в Красную Армию и участвует в борьбе против Колчака, в освобождении Кавказа от иностранных интервентов и внутренних контрреволюционеров.

После гражданской войны автор переезжает в Минск и служит в органах ОГПУ — НКВД, активно участвует в подборе и обучении оперативных кадров милиции, в борьбе против политического бандитизма, шпионов и диверсантов.

С первых дней Великой Отечественной войны автор на фронте.

Павел Михайлович Хадька приводит в книге много интересных фактов из своей жизни, тепло пишет о товарищах, с которыми пришлось вместе служить или плечом к плечу сражаться против врагов Советской власти.

ВОРОНИЛОВЦЫ — ПОТОМКИ НИЛА

Деревня Ворониловцы официально называется Ворониловичи. Но никто в той местности не называет ее иначе как Ворониловцы. Когда появилась эта деревня — в XVII или XVIII веке, теперь трудно установить, да, пожалуй, это и не требуется.

По рассказам старожилов, которым, в свою очередь, рассказывали старики, когда-то в этих местах был дремучий лес, составлявший одно целое с Беловежской пушей. Сначала лес отступал перед небольшими полянками, а позже они соединились в значительные поля и луга. Но лес окончательно не сдался, он глубоко пустил свои корни в торфяники, овраги, берега рек и сыпучие пески.

От Воронилович лес отступил на запад на один-полтора километра, на юг — на три-четыре километра, а на север — на девять-десять километров. Многие деревни еще и сейчас расположены на опушках леса или на полянах в его окружении. Деревни в большинстве своем небольшие и находятся одна от другой очень близко, в двух-трех километрах.

Земли у населения было очень мало. В основном она песчаная, требующая много удобрений и тщательной обработки.

Из передававшихся из поколения в поколение рассказов, этих устных архивов древней старины, в здешних лесах когда-то скрывался с отрядом атаман по имени Нил. Выступал он против польских захватчиков, литовских князей или русских помещиков, сейчас трудно сказать. Видимо, против тех и других. Власти именовали Нила вором, как и всех, активно выступавших против эксплуататоров. Позднее, когда Нил погиб, его отряд прекратил активные действия и стал расселяться по деревням. Какая-то часть бывших ниловцев

поселилась в довольно глухом месте, на правом берегу маленькой речки Поплавки, и застроила небольшую деревушку. Впоследствии ее назвали Ниловцы-Воры, а еще позднее — Вора-Ниловцы.

Однажды деревня сгорела, но постепенно вновь застроилась, только в другом месте, на левом берегу Поплавки, где стоит и в настоящее время.

Ворониловичи расположены действительно в отдаленном месте. До железной дороги на север и юг по сорок километров. Районный центр Пружаны тоже в сорока километрах. Ближайший крупный населенный пункт Ружаны, где в воскресные дни бывают базары, в семи километрах.

Хотя Ворониловичи были когда-то отнесены к медвежьему углу, у них сложилась своеобразная география. Деревня разделялась на два поселка со своими названиями — Лопухи и Калачи. Отдельные места речки также имеют свои названия: доли, печи, колена; виры: Москаленки, Сегиня, Ризыки, Лопухов; броды: коханных, попа, козлов, Ковальков, приток Новая; каналы — Новый Пона, воловый грудок, грудок коваля, поплавы, луки и другие.

А какая прелесть эта речка летом! В ней водилась рыба — щука, плотва, головень, налим и особенно много пескаря. В деревне ходила шутливая поговорка, что рыбы в нашей речке больше пуда. Здесь строили водяные мельницы и мололи зерно. У речки веселилась и назначала свидания молодежь, отдыхали старики, женщины стирали белье, белили полотно, мужчины замачивали разошедшиеся бочки, кадки, ушаты. Здесь же купались дети. Вместо бани (а бани в Ворониловичах раньше не было) все мылись в речке. По вечерам с венками из цветов гадали девушки. Пьяные мужья пугали своих жен, что пойдут топиться на речку. В ней многие видели чертей и прочую нечисть.

Поплавка медленно протекает по низким болотистым местам и лишь изредка прорезает сенокосные угодья. Часто встречаются родники с выходящей из земли чистой, холодной водой. Места эти расчищались и иногда вставлялись маленькие деревянные срубики — ящички. Но вода даже в срубиках была проточной и постоянно освежалась. У многих родников на деревьях или вбитых в землю кольях висели изготовленные из

ольховой или березовой коры ковши, которыми можно было зачерпнуть чистую воду и утолить жажду.

Хорошо помнятся пастушьи обеды, когда мы сели у родника, вынимали из своих сумочек хлеб, лук, а кое-кто и шкварку, раскладывали все перед собой и жадно ели, запивая чистой, холодной ключевой водой. Пить полагалось только из одного ковша, который передавался по кругу из рук в руки. Такой обычай мы переняли от старших, а те — от своих предков. В большие праздники, обычно на свадьбах, крестинах, независимо от количества гостей, пили водку из одной рюмки — чарки.

На сдвинутые столы раскладывали и расставляли закуски и ставили только одну рюмку. Ее поочередно передавали из рук в руки по кругу. При большом наличии гостей рюмка вторично попадала в руки пьющего не раньше как через час-полтора. Конечно, при таком темпе питья пьяных было очень мало.

С ранней весны и до поздней осени в речке поили скот, купали лошадей, коров и овец. По берегам росли лоза и верба. Из тонких прутьев этих растений изготовляли корзины и кошелки.

Без речки Ворониловичи немислимы. Поплавка — вечный спутник Воронилович.

В деревне много было фруктовых садов и декоративных деревьев, но культурных — привитых яблонь и груш — очень мало, большинство дички.

Грибов и ягод в лесах — изобилие. Грибы всех сортов и названий. Они росли с мая и до поздних осенних заморозков.

А какие чудесные ягоды! Малина, земляника, брусника, черника, клюква.

Сколько всевозможных птиц! Их не перечить.

Деревню часто навещали лесные друзья: олени, лоси, дикие кабаны, козы. Часто заходил и непрощенный гость — волк.

Хаты в деревне были в основном старые и маленькие, по одной комнате с двумя-тремя окнами. Окна тоже очень маленькие. Крыши хат и сараев соломенные.

Помню, много было хат с топкой по-черному, или, как их называли, курных. В нашей хате стояла огромная русская печь, занимавшая треть площади.

На печи, как правило, осенью, зимой и весной ночью спало по несколько человек. Здесь же постоянно лежала сосновая лучина, служившая для освещения. Она горела в подставке, называвшейся светляком. Керосиновые лампы были тогда в диковинку, на них смотрели как на чудо.

Печь в нашей бывшей курной хате была сделана по-новому, и дым выходил в трубу.

Мебель состояла из двух неподвижных, установленных вдоль стен скамеек, называемых лавами, одной-двух переносных скамеек-услонов, нар в запечке и одного стола.

В потолок был вбит железный крюк, на котором постоянно висела плетеная из лозы детская колыска. Она была очень старая, в ней спали в детстве поочередно четыре моих сестры, я и два младших брата. Дно колыски было очень ветхое, через него всегда сыпалась солома. Колыска висела вблизи постели родителей, ночью мать, не вставая с постели, раскачивала ее ногой или рукой.

В переднем углу на стенах размещались иконы. За ними хранились квитанции об уплате податей и весь домашний архив.

Обстановка была так же стара, как и сама хата. О долговечности мебели можно было судить по столу. В те времена соль продавалась только комковая, не молотая. Ее растирали на столе специально подобранным круглым камнем. Растирали на одном и том же месте, отчего на столе постепенно образовывалось углубление, а потом и круглая дыра. После этой работы переносили в другое место стола. В очень старых хатах было по несколько отверстий в столах.

Пол был земляной. Зимой под печку помещали кур. Свиной зимой кормили тоже в хате. После отела коровы теленка одну-две недели держали также в хате.

Вот так и жили ворониловцы.

Родился я в 1898 году. По рассказам родственников, мое рождение было тяжелым. Я был очень слабым ребенком. Через четыре-пять месяцев забслел корью. В хате очень холодно, и мать для меня создавала особые условия. Еду для семьи она готовила у соседей, а свою печь протапливала специально для меня. Когда жар остывал, мать ложила меня в небольшое деревян-

ное корыто, в котором стирали белье, и засовывала в печь. Кормила и пеленала только перед печью. И получается, что первым моим жилищем была печь.

Долго вспоминали в нашей семье день моих крестин. Причиной послужил печальный случай. К торжествам обряда готовились долго. Приготовили закуску из домашних продуктов, а водку решили купить в «монопольке» (магазине), когда соберутся гости. Денег не хватало, и лишнее покупать не хотелось.

Но вот собрались гости. Подсчитали и решили купить два гарнца (шесть литров) водки. За ней в деревню Щитное послали верхом на коне деда. Тот взял две стеклянных бутылки, вложил их в мешок и перевесил через круп лошади. Сам сел сзади.

Как ехал — шагом или рысью, никто не видел. Но по дороге лошадь споткнулась, мешок упал и бутылки с водкой разбились. Дед вернулся домой с пустыми руками. Денег не было. Тогда он забрался на чердак дома, нашел там веревку, привязал один конец к стропилам, сделал петлю, вложил в нее голову и оттолкнулся. К счастью, кто-то заметил, как дед быстро поднимался по лестнице на чердак, вскочил туда и вовремя снял с петли.

А для второго закупа водки деньги собрали по кругу с гостей, и крестины состоялись.

К этому времени в Ворониловичах уже было 57 домов, школа, церковь и небольшая лавка, где торговали мелкими житейскими предметами. Держала лавку старая еврейка Хава. Семья у нее была большая. Она тайно продавала и водку. В лавке за товары рассчиты-

П. М. Хадыка.

вались не только деньгами. Брали яйца, кур, зерно, сено и даже солому. Лавка служила одновременно и корчмой, где можно было получить закуску и водку на разлив. Это было место уличных и семейных скандалов и драк.

Как правило, в лавку за мылом, солью, спичками мать ходила сама. Рассчитывалась яйцами, курами или льном. Изредка покупала в молочный кувшин селедочного рассола, который назывался «лек». Лек ели с хлебом или картошкой вместо сметаны или молока. Он считался особым деликатесом. В летнее время лек брали даже на полевые работы.

На окраине деревни стоял старый амбар. В нем хранили небольшой запас общественного зерна. Ведал всем староста. Зерно выдавал в виде взаимопомощи особо нуждающимся. Часто в амбар залазили воры, но их никогда не находили.

Деревню, растянувшуюся больше чем на километр, в центре разделял заболоченный луг. Получались как бы две отдельные деревушки. Одна из них называлась Калачи, а вторая — Лопухи. Это были клички. Жителей деревни называли не по именам, а тоже по кличкам. Но вражды между крестьянами не было.

Ворониловичи застраивались не от центра к окраинам, как другие деревни, а от окраин в середину. Вокруг деревни земля принадлежала церкви, и, понятно, никакой застройки там быть не могло. Но и середина являлась непригодной. Весной и осенью, а в период больших дождей и летом там стояли огромные лужи, и проехать можно было только на пустой телеге. Пешеходы шли по колено в грязи, ломая и подкладывая себе под ноги частокол, жерди, палки от заборов. Вслед им лаяли собаки и неслись проклятья и угрозы хозяев. В жаркое время там собиралась масса свиней. Они устраивали себе грязевые ванны.

Вот к этой середине и шла застройка деревни. Болотистая целина осваивалась медленно и с нежеланием. Но прошли десятилетия, и разрыв деревни постепенно исчез.

Школа в деревне была открыта 4 ноября 1864 года. Для обучения детей к ней приписали одиннадцать деревень. Окончивших школу экзаменовали в волости в Ружанах, и за каждого выдержавшего экзамен воро-

ниловичскому священнику и учителю выплачивали десять рублей гонорара. На учебные и наглядные пособия по смете отпускали только шесть рублей в год.

Сначала в школу принимали только мальчиков, и лишь в 1885 году было принято четыре девочки.

Мне также пришлось учиться здесь. Это было в 1909—1910 годах.

Вспоминаются строки стихотворения «Картинка» поэта А. Н. Майкова.

Посмотри: в избе, мерцая,
Светит огонёк;
Возле довочки-малютки
Собрался кружок;
И, с трудом от слова к слову
Пальчиком водя,
По печатному читает
Мужичкам дитя...
Бабы суют детям соску,
Чтобы рот заткнуть,
Чтоб самим хоть краем уха
Слышать что-нибудь.
Даже с печи не слезавший
Много-много лет,
Свесил голову и смотрит,
Хоть не слышит, дед.
Что ж так слушают малютку,—
Аль уж так умна?..
Нет! Одна в семье умеет
Грамоте она...

Воронилевичская церковноприходская школа была трехклассная. Но классов для занятий было только два. Здание школы очень малое. Занятия вел один учитель, Николай Васильевич Симонов. Иногда ему помогала дочь, которая окончила эту же школу.

Тяжело определить, кто старше — деревня Воронилевичи или церковь. Она очень стара. Рублена из толстых сосновых бревен топорами, без применения пилы. В церковной летописи упоминается, что она построена литовским князем Казимиром Сопегой в 40-х годах XVII столетия. Церковь являлась крупным собственником земельных и лесных угодий.

С отменой крепостного права в деревне появились «полные хозяева», имевшие полный надел (12 десятин) земли, «половичники», «третьяки», «четвертаки», «шестухи», «восьмухи». Началось расслоение крестьян на зажиточных и бедноту. Главным сельскохозяйствен-

ным инвентарем всех сословий крестьян были соха, деревянная борона, лопата и коса.

У крестьян существовали различные поверья. В засушливые годы устраивали шествия по полям и молились о ниспослании дождя. Соблюдались культ предков, вера в загробную жизнь. При похоронах грамотным клали в гроб книгу, мыло, курящим — табак и огниво. Мужчин хоронили в шапках, а женщин — в платках.

Но, несмотря на суеверие, крестьяне не верили попам и не посещали церковь. В той же летописи за 1880 год записано: «Здесь простолудин недоверчив и хитер», вместо церкви в воскресные дни ходит на базар в Ружаны. В связи с этим базарный день перенесли с воскресенья на понедельник.

Бесправие и нищета приводили крестьян к пониманию, что бороться за свои права надо организовано. В 1901 году крестьяне Воронилович пытались в судебном порядке отнять у церкви ранее принадлежавшие им пастбища. Хотя суд и узаконил пастбища за церковь, это был случай коллективной борьбы за свои права.

Через этот край, именовавшийся тогда Северо-Западным, не раз вторгались чужеземные захватчики. Шведы, немцы, поляки, французы в поисках кратчайшего пути к сердцу России — Москве, опустошали белорусские земли. Здесь особенно тяжело стонал народ и от феодально-крепостнического гнета помещиков и арендаторов государственных имений. Вот почему среди бесправного, обездоленного народа прежде всего формировалось революционное сознание, делало их стойкими, неподкупными, сильными духом людьми, такими, как Виктор Гельтман, Тадеуш Костюшко, Ромуальд Таугутт, Игнат Домейко, Кастусь Калиновский, Адам Мицкевич, Тадеуш Врублевский.

Возникали тайные общества. «Цели этих организаций сводились к свержению царского самодержавия и ликвидации феодально-крепостнической системы, к борьбе за просвещение и освобождение народа. В основном это были те же идеалы, за которые боролись и русские революционеры того времени, — пишет Б. С. Клейн в своей книге «Найдено в архиве».

Семья наша в 1910 году состояла из восьми человек — отца, матери, трех дочерей и трех сыновей. Хо-

зяйством в основном занимались мать и дети. Отец ходил в заработки — на строительство шоссежных дорог. Нанимался каменщиком. Часто уезжал с лошадью укатывать грунт.

В 1910 году отца укусила бешеная собака, и, несмотря на все старания гадалок и знахарей, на следующий год он умер.

Я бросил школу и как старший стал работать в хозяйстве. Пахал, сеял, бороновал, возил, молотил. Но косить сено еще не мог. Мало было сил.

Многие мужчины из деревни уходили на кожевенный завод, суконные фабрики в местечко Ружаны и особенно на лесные разработки. Но мне это было тоже непосильно.

Побочным заработком для крестьян являлся также извоз на лошадях бревен, шпал и другой готовой продукции из леса в местечко Ружаны для сплава по реке и на железнодорожную станцию Нехачево (Косов-Полесский), что в 40 километрах от Воронилович. Вот на эти работы я нанимался, но тяжелых бревен грузить не мог.

Блиzkих родственников в деревне у нас не было. Рядом с нами жил брат моего деда, Антон. Мы его звали дядей, но он не любил нашу семью, старался нас не замечать и почти ничем не помогал.

Вот я и начал уговаривать мать сходить к нему и попросить, чтобы помог мне в лесу наложить бревен на повозку. Но мать боялась Антона. Она куда-то уходила, а возвратясь говорила, что дядя наотрез отказал в просьбе. Иногда говорила, что дядя согласился взять меня с собой. Но как только Антон замечал, что я еду вслед за ним, набрасывался на меня с криком и уезжал в другую сторону.

Мне было очень обидно за свое бессилие. Но я каждый раз ехал в лес и просил посторонних мужчин наложить первые попавшиеся бревна, которые никто не брал. Тем и подрабатывал.

Поездка на железнодорожную станцию длилась двое суток. Но она была очень выгодна. В Нехачево повозка шла с бревнами, а в обратный рейс на станции какой-нибудь купец загружал ее солью, сахаром, мукой или мануфактурой для доставки в Ружаны. Для меня же эта поездка постоянно сопровождалась неприят-

ностью. Дело в том, что моя лошадь не хотела идти за другими повозками. И пока я шел рядом с ней, она кое-как мирилась с этим и подчинялась мне. Но стоило сесть на повозку, а особенно лечь и уснуть, как моя лошадь старалась обогнать всех и уходила вперед.

На возу между бревен я всегда делал для себя некоторое углубление. Крайние бревна были выше, чем средние, получалось своеобразное корыто. В это «корыто» ложил плетеную кошелку с едой, мешок с сеном, торбу с сечкой и овсом для лошади. Когда темно, сам укладывался между бревен и привязывал себя веревкой, чтобы не упасть на ухабах.

Просыпаясь ночью, всегда обнаруживал, что еду один. Даже не мог понять, куда еду. Мне казалось, что нахожусь в совершенно незнакомом месте. Все мои попутчики были где-то позади. Я останавливал лошадь, но никто не догонял. Было страшно, особенно последние 12 километров. От местечка Косово до станции Нехачево был сплошной массив леса. Я становился на колени, брал в руки топор и настороженно поглядывал по сторонам. Так и сидел до тех пор, пока не показывались огни станции.

Мои попутчики приезжали за мной через три-четыре часа.

Все разгружали бревна и опять загружали повозки товаром для Ружан. Мужчины распрягали лошадей, давали им корм, сами заходили в трактир и отдыхали там до четырех-пяти часов вечера. Я заказывал себе чай. К нему давали два куска сахара. Чай я выпивал, а сахар прятал в карман. Иногда у меня скапливалось 4—6 кусков. Это было в зависимости от количества выпитого чая. Сахар привозил домой, где его делили всем членам семьи.

К ночи отправлялись в обратный путь. Я снова не выдерживал борьбы со сном, залазил на повозку, засыпал и оказывался впереди всех, одиноким. Иногда меня будили встречные знакомые люди и делали наставления, внушая, что нельзя в дороге спать, иначе можно проспаться товар.

В последующие годы по хозяйству и в поездках в лес стал помогать брат Александр, который на три года моложе меня.

Мне было уже 15 лет. Я часто болел. Сильные боли

развивались в пояснице и в области живота. Особенно трудно было в периоды осенних и весенних работ. Очевидно, чрезмерно тяжелый труд давал себя знать.

Конечно, ни к каким врачам меня не возили, а лечили, как когда-то отца, знахарки и гадалки. Одна из наших постоянных «лекарок» была глуха и изречение заговора выговаривала вслух. Я помню и сейчас его содержание: «Излек паренек, не ходи на наш дворок. На нашем дворке ни няnek, ни лялек, ни люлек нет. А иди излек на попов дворок, там тебе и няньки, и ляльки, и люльки есть. Фу, фу, фу, пю, пю, пю». Три раза дула и три раза плевала. Это было лечение от всех болезней.

Ближних друзей у меня не было. Правда, когда учился в школе, подружился с одноклассником Павлом Туром. Но тот был заинтересован в нашей дружбе. Учился он плохо, и я часто помогал ему, а на уроках подсказывал. Отца Павла называли уланом. Прокофий Игнатьевич Тур более двадцати лет отслужил в армии, в уланском полку в Петербурге.

Одновременно с П. И. Туром в том же полку служил и мой дядя, родной брат отца,— Петр Самусевич Хадыка. Но со службы домой дядя не вернулся. Деда и отца вызывали в уездный город Слоним, где полиция вела дознание. Но никаких разъяснений насчет сына и брата им не дали. Ходил слух, что дядя Петр умер в полку. Его сослуживец П. И. Тур отговаривался, что ему якобы ничего неизвестно. Так мы ничего и не узнали о судьбе дяди.

Тур был кавалером георгиевских крестов, имел медали. Его боялись все, даже местные власти. Жил он очень хорошо. Меня часто угощали Павел и его родители куском вкусной булки или конфетой.

Однажды зимой на уроке закона божьего произошел такой случай. Священник вызвал Павла к столу для ответа по заданному уроку. Но Павел не выучил домашнего задания и нес какую-то чушь. Тогда священник заставил Павла читать церковные каноны по-славянски. Павел читал плохо, произносил многие слова неправильно, частью умышленно искажал. В классе смеялись. Священник злился.

В нашем приходе он был новым человеком. Вел себя высокомерно, был нелюдим, зол, носил черные

длинные волосы. Звали его — отец Иван Заустинский. Хотя он и мало был в нашей деревне, но уже успел проявить себя с худшей стороны. Из револьвера ранил в своем огороде лошадь одного крестьянина, избил женщину. В общем, стал притеснять население. Все его боялись.

В классе за неправильные ответы по закону божьему у отца Заустинского были два особо болезненных вида наказания. Первый — за волосы или ухо резкий рывок вверх. Второй — стоять на коленях на планке, скрепляющей ножки стола.

Помню, в тот раз священник остановил чтение Павла на таком предложении: «Озлоблен бых и смирихуся до зела». Священник выждал некоторое время, кого-то спросил, как перевести со славянского на русский язык какое-то предложение, а затем внезапно предложил Павлу перевести на русский последнее только что прочитанное предложение. Павел поспешно ответил:

— В оглоблях бык и побегал до села.

В классе поднялся смех, шум. Вышедший из себя священник схватил Павла за воротник и поставил в угол. Но Павлу надоело стоять, он повернулся назад, сделал гримасу священнику, тот заметил. Схватил за воротник и поставил на планку стола.

Стоять на коленях под столом было неудобно. Надо было, чтобы голова находилась на уровне стола, а не под столом. В таком случае приходилось выгибаться назад. Кроме коленей очень болела спина.

Павел такого позорного наказания не ожидал. Он был баловень родителей. И вдруг под столом! Конечно, стал сопротивляться. Тогда получил удар по затылку, от которого носом и зубами ударился о край стола. У Павла показалась кровь. Раздетый, он бросился бежать домой.

Минут через двадцать — тридцать в школе появился его отец, в уланском мундире, при всех регалиях. Ругаясь на ходу, П. И. Тур быстро подошел к попу, размахнулся и ударил его рукой по лицу. Отец Заустинский, в свою очередь, замахнулся на улана, но не ударил, Тур выставил грудь и закричал:

— А ну, ударь! Ударь! Попробуй, черт долгогривый! Я научу тебя, как над детьми издеваться.

И сам еще несколько раз ударил попа. В класс вбежал учитель Симонов, его жена (квартира Симонова была в школе) и помешали дальнейшей потасовке, стали просить успокоиться.

Мы, ученики, сидели ни живы ни мертвы. Нас немедленно распустили по домам, и три дня в школе не было занятий.

Для выяснения обстоятельств драки в деревню приезжала полиция, но ни к кому никаких мер не приняла. Сам же улан ездил в Слоним или Гродно, где ему писали жалобу на попа какому-то высокопоставленному лицу. Тяжба между попом и уланом затянулась на долгие годы и была прервана в 1914 году, когда началась первая мировая война.

Скоро я на долгие годы уйду из Ворониловцев. Надо еще раз вспомнить, какая она тогда была, моя родная деревня.

Хата моей семьи стояла в конце Калачей. Они были беднее Лопухов. В Калачах семь хат было курных, а в Лопухах — только две. В Лопухах стояла церковь, были школа, лавка, амбар с общественным зерном. Там жили поп, улан.

Сразу за церковь проходила широкая дорога — гостинец. Она вела из Слонима через Ружаны и Кобрин на Украину. По этой дороге в 1787 году проезжала императрица Екатерина Вторая. Дорога в четыре ряда была обсажена березами, а Лопухи являлись одной из «потемкинских деревень».

Совсем другой была наша часть деревни — Калачи. У нас никаких примечательностей. Разве только то, что в конце деревни стоял высокий крест. На кресте очень часто сидел кот, а под крестом лаяли на него собаки.

Наша хата стояла второй с краю деревни. Последней была хата дяди Антона. У него кроме жены Гапуси — три сына и две дочери. Всем домашним хозяйством ведал сам Антон. Он и печку топил, и кушать варил, одним словом, вел всю мужскую и женскую работу по дому. Гапуся пряла лен, ткала полотно, работала в поле и на огороде. Топила печь и готовила кушать только в отсутствие дома мужа.

Дядя Антон каждую субботу ездил в местечко Ружаны, там обслуживал каких-то зажиточных евреев

и привозил домой куски белого хлеба, сахару. У него была керосиновая лампа, но зажигали ее редко.

С другой стороны нашей хаты жил Осип Степанович Бондарец. Семья его состояла из десяти человек. Хата отапливалась по-черному. Земли у него было много, но обрабатывал три-четыре гектара, остальная лежала целиной. Весь корм, даже солому, переносил в лавку к Хаве или перевозил в Ружаны. А весной лошадь и корову поднимал на веревках. Семья жила впроголодь, сваренную в кожуре картошку делили по штукам. Ходили полураздетые, босиком.

Следующий сосед — Матвей Фомич Козел. У него пять сыновей и две дочери. Три сына работали в Ружанах в пекарне. Говорили, что они там ели белый хлеб и булки. Я очень завидовал им. Всем хозяйством дома ведала жена. Сам Матвей торговал лошадьми, рогатым скотом. Он постоянно разъезжал по базарам, бывал не только в Гродненской и Минской губерниях, но и на Украине. Его часто навещала полиция, разыскивая краденый скот, но он был честным торговцем.

Дальше — хата Андрея Петровича Ахрамени. Семья большая, но сыновья уже взрослые. Земли мало. Работали на отходах. В 1908 или 1909 году Андрей умер. Хозяйством стал заниматься старший сын Григорий. Он часто помогал мне в лесу грузить бревна на повозку.

Дальше стояли хаты Петра Мартыновича Тура, Павла Ивановича Тура, Луки Гиляровича Рудого. Жили они лучше нас.

Затем шла разветвленная семья Суходольских. Дед, Василий Мартынович Суходольский, и бабка жили более ста лет. Семья расселилась по всем Калачам. Земли у них очень мало, и делили ее не в длину полос, а отрезками. Все мужчины Суходольских находились постоянно на побочных заработках.

Посередине Калачей жила семья по фамилии — Руссак. Николаю Осиповичу такую фамилию дали потому, что кто-то из его предков ездил на заработки в Россию.

Николай Руссак был единственным человеком в деревне, который имел бритву. Бритва обыкновенная, опасная.

Ножницы имела каждая семья. Ими раскраивали

полотно для пошива белья и верхней одежды, стригли овец, детей и взрослых.

В канун больших праздников — пасхи или рождества — к Руссаку собирались бриться почти все мужчины деревни. Бежали и мы, мальчишки, посмотреть на чудо-бритву, преображавшую мужчин в молодых. Мы подсчитывали, сколько у кого оставалось порезов на лице. Специалистов по бритью в деревне не было. Бритва уже стала очень тупой. И поэтому все мужчины в праздники ходили с порезами лица, как клейменные.

Жили в нашем конце Гацуки, Коханые, Труссы, Дурдины — в старых, курных хатах. Жили бедно. Причина — чрезмерно малые участки пригодной для обработки земли или отсутствие взрослых мужчин в доме.

Лучше всех в Калачах жил Максим Великий с хромой женой Екатериной. Детей у Максима не было. Сам он работал на кожевенном заводе в Ружанах. Мой младший брат пас его корову. Максим кроме платы иногда давал пастуху в поле сала или белого хлеба.

Пожилые мужчины в вечернее время часто собирались в какой-либо хате, рассаживались на скамейках, запечку, а то и прямо на полу, курили и вели неторопливый разговор о житье-бытье. Главным образом, о своих полях, посевах, урожаях, намолотах, сенокосах, о домашнем скоте. Кто ездил на заработки в другие места или был в солдатах, рассказывал о городах, походах и войнах. Особенно много и путано говорили о русско-японской войне 1904—1905 гг. Все это для меня было интересно, слушал я с большим вниманием. Но никак не укладывалось в голове, зачем нужна царям война, когда они и так хорошо жили.

Девушки зимой собирались на посиделки, пряли лен, пели песни. Работы у женщин было не меньше, чем летом. Пряли простым веретеном. Потом ткали полотно, которое шло на верхнюю одежду, нательное белье. Ткали скатерти, полотенца, матрацы и даже одеяла. Одежда для семьи изготавливалась трудом хозяйки, трудом женщины.

Летом реже собирались вместе, только иногда по праздникам. Запомнились мне вечера Купалы. Взрослые парни, да и женатые выезжали в лес, рубили сучистой, кустарник можжевельника, свозили все это

в огромную кучу на развилках дорог вблизи деревни, а вечером поджигали. Пели песни. Гулянье длилось до утра.

В начале жатвы хлебов играли на трубах. Называлась эта игра тримбитой. Из легкого дерева изготавливались трехметровые трубы, конусом сужающиеся к одному концу. Играть на таком инструменте мог не каждый. И вот трубач становился на возвышенности на краю деревни или на просторном месте среди домов и выводил известные мелодии. Звуки трубы слышались далеко.

Я любил вечера Купалы, любил и игру на трубе. Мечтал сам стать трубачом.

Но это не сбылось. Жизнь внесла в мечты коррективы, и довольно существенные, направила по другому пути.

Однако все, пережитое в детстве, навсегда осталось в памяти.

Меня часто били, по поводу и без повода.

Помню, как за что-то побил меня, еще очень маленького, дед. Бил жгутом соломы, вытянутым из необмолоченного снопа ржи. Усы от колосьев так глубоко вошли под кожу, что я не мог ни сидеть, ни лежать. Мать двое суток иглой вынимала их из-под кожи. Все избитые места были черными.

Балуясь, я однажды разбил икону. Боясь взбучки от отца, ушел в Ружаны наниматься на работу. В Ружаны не попал и к ночи, усталый, вернулся домой, забрался на чердак и лег спать, но был кем-то замечен. Отец водворил меня в дом и основательно всыпал за икону.

Особенно обидны побои соседей. Я был тогда беспомощным сиротой и с трудом справлялся с лошадьёю. Она иногда заходила на чужие посевы. Побои, даже незначительные, очень задевали за живое, травмировали душу.

Наконец наметилось облегчение в семье. Одну сестру выдали замуж, вторая ушла работать на суконную фабрику в Ружаны. Я с братом Александром уже начал управляться с хозяйством. Подрабатывал извозом. Этого хватало на уплату податей. Самый младший брат, Лука, стал подпаском чужого скота и подручным зимой.

В базарные дни мать часто уходила в Ружаны, а если ехала на повозке, обязательно брала и меня. Она сидела позади меня и всю дорогу держала в руках в белом головном платке 15—20 куриных яиц, собранных за неделю. Это был ее главный товар. Продав их, ходила по лавкам (магазинам), делала свои обязательные, ставшие традиционными, покупки. Брала один-два фунта соли, кусок хозяйственного мыла, бутылку керосину, коробку спичек. А если позволяли средства, покупала один-два фунта селедки и фунт-полтора баранков, чему я был очень рад. Изредка покупала фунт-два мясных обрезков. Это кости, жилы, кровяные куски шеи и другие отходы. На большее у нас денег не хватало. Но и этому мы, дети, радовались. Ведь мясного у нас ничего не было. А без жиров ох как трудно было жить!

В доме появилась керосиновая лампа. Хотя зажигали ее не каждый вечер, но по праздникам стала заменять лучину, и мы любовались ее приятным, белым, бездымным светом.

Керосиновые лампы стали появляться и в других хатах, но далеко не во всех.

Теперь собирались девушки на посиделки с рукоделием только в тех хатах, где горели лампы.

Как чудо из чудес, у Александра Мартыновича Суходольского появились даже настенные часы — ходики. Где и на какие средства он их приобрел, уже не помню. Они были с цепочкой и гирей, похожей на еловую шишку. Мы часто забегали к дяде Александру полюбоваться их ходом.

Но часы часто причиняли и неприятности хозяевам. Все, кому нужно было выезжать или выходить ночью из деревни, обязательно шли к дому Суходольского и стучали в окно:

— Скажи, Александр, который час?

И, услышав ответ, еще раз спрашивали:

— Это после первых петухов или вторых?

В деревнях испокон веков время отсчитывали ночью по пению петухов, а днем — по солнцу. И на первых порах людям трудно было сориентироваться по часам.

В нашей семье уже начали поговаривать, как перекрыть в доме крышу, и о покупке нового топора. Топо́ра у нас не было и вот по какой причине.

Как-то с братом Александром мы заехали на повозке в лес, принадлежащий церкви, и стали собирать хворост, вырубать сухие пни. Вдруг появился священник — отец Иван Заустинский и отнял у меня топор, опрокинул воз и прогнал нас из лесу. Никакие мои и брата просьбы и слезы вернуть топор не помогли. Не отдал он и матери, хотя она ходила к нему домой раза три или четыре. Так топор наш и остался у священника. Не помогли обращения матери и к богу, а она была верующей, регулярно ходила в церковь, на исповедь, платила попу за богослужения. И несмотря на это служитель культа не простил ни от себя, ни от имени бога. Он готов был задушить любого, кто посягнет на его или церковную собственность. Задушить, невзирая на то, что с амвона читал прихожанам проповеди о необходимости всепрощения, о доброте бога и любви к ближнему. У самого ни всепрощения, ни доброты, ни даже самого простого уважения к ближнему, не говоря уже о любви, не было. Да и вряд ли могло быть!

После этого случая я потерял всякое уважение к священнику и подумал: «А есть ли на самом деле бог? Если есть, то почему он так несправедлив, жесток к людям? Почему одни живут богато, хотя таких и мало, а другие, их абсолютное большинство, постоянно голодают, раздеты, разуты, обречены на вечную бедность?»

Но долго раздумывать над этими вопросами не пришлось, как и горевать о потере топора.

Началась война...

БЕЖЕНЦЫ

Быстро стал изменяться привычный уклад жизни. Деревня как-то помрачнела, праздники превратились в обыденные дни. Началась мобилизация. В домах стоял плач, крик. Провожали людей на войну.

Брали подводы для доставки к железной дороге призванных в армию. Объявили обязательную сдачу сухарей, хлеба. Все это свозили на станцию Нехачево.

Как-то мать послала меня на три дня в Слоним с подводой. Я должен был завезти туда и обратно хозяина мельницы, что в трех километрах от Воронилович. В Слониме видел погром ларьков призывниками, разбитые окна домов. По железной дороге в сторону фронта шли поезда с солдатами, лошадьми, орудиями. На станции стояли поезда с крестами на вагонах, с фронта в тыл везли раненых. Я впервые был в таком большом городе. Но Слоним показался мне мрачным, неинтересным.

Во время возвращения в Ружаны мельник лежал в повозке, зарывшись в солому, а сверху я положил мешок с ячменем. Хозяин мельницы боялся, что его убьют призывники. Он был еврей.

В Ружанах тоже были разгромлены ларьки. Погромы магазинов, ларьков и даже квартир случались и раньше. Их считали обычным явлением. Но погромы происходили только в городах. В деревнях хотя никто и не осуждал эти беспорядки, однако евреев не трогали.

Винные лавки и трактиры были закрыты. В Ружанах, для порядка, по улицам прохаживались полицейские, но на погромщиков они не обращали внимания.

К концу 1914 года и в нашей деревне появились раненые солдаты, мобилизованные в начале войны. Но пока фронт от нас был далеко. К весне 1915 года

мы слышали оружийный гул. Летом появились казачьи и пехотные части. Они располагались по деревням.

С запада на восток сплошным потоком начали двигаться беженцы. Уже объявили жителям и нашей деревни готовиться к отъезду куда-то в тыл, подальше от фронта. Но крестьяне не спешили, убирали хлеба, косили сено, полагая, что наши разобьют немцев и все останутся на месте.

В конце августа — начале сентября в деревню прибыл специальный отряд казаков. Сначала они установили трехдневный срок подготовки, затем в принудительном порядке заставили всех жителей выехать из деревни.

Я с братьями оборудовал свою телегу по образцу цыганских повозок. Загрузил вещами первой необходимости. А все, что оставалось дома, то есть плуг, борона, косы, серпы, ткани и другие предметы крестьянского обихода, зарыл в землю. Всей семье предстояло выехать со двора, приняв новое название — беженцы.

Тяжело было расставаться с родным домом, бросать все нажитое и устраивать свою жизнь в пути на дорогах, даже без крыши над головой. Дом казался таким уютным, обжитым. Хотелось подставить под него колеса и пуститься в путь вместе с ним.

Клуныя и гумно оставались заполненные немолоченной рожью, овсом, гречкой, горохом. Год выдался урожайным. Кто будет пользоваться теперь этим добром, с таким трудом выращенным и собранным?

Хлеб! Это второй продукт питания после молока матери. Чудо земли — хлеб. Мать разжевывала его в жидкую кашу, завязывала в уголок старенького головного платка или в какую-нибудь тряпицу и засовывала в рот плачущего ребенка. Пососав такую суслу, он успокаивался и засыпал.

Хлеб лежал всегда на почетном месте на столе, а в кладовке — в особой кадке. Он редко был в доме, потому так и дорожили им, потому и казался особенно вкусным. День выпечки его назывался хлебным днем.

Как сложится теперь жизнь? Какой дом нас приютит? С какого гумна будем есть хлеб? И будет ли он? Такие невеселые мысли приходили мне в голову.

Тяжело было уходить от прекрасного садика, столетней груши с гнездом аиста наверху, от березки над колодцем. Все здесь было таким милым и до боли родным.

Всех нас, плачущих, поднимали солдаты с пола и выдворяли за деревню на дорогу. И сколько раз за существование деревни уходили от врагов ниловцы? Они пережили татаро-монгольское нашествие, войны со шведами, немцами, поляками, французами. А сколько было смертельных схваток на полях ниловцев?! Кто копал ямы и скрывался в них, в «Ямнике», кто падал в битвах и похоронен в курганах, в «Падовнике», кто пел и радовался победе в лесу — «Пель»? География Воронилович — это живая история.

Сколько пережито горя и страданий, сколько пролито слез и крови на полях ниловцев! А какой чудесный народ здесь! И незаслуженно ему дали имя Вора-Ниловцы. С большой буквы они — Ниловцы.

Мы свою родную землю, свою Родину всегда берегли и будем беречь. Мы еще вернемся в деревню ниловцев. А сейчас в путь, на дорогу беженцев.

Когда отъехали от Воронилович четыре-пять километров, мать заставила меня вернуться домой за документами, которые забыли взять. Я с охотой побежал назад. Но от пустого дома и безлюдной деревни повеяло каким-то холодом. Быстрее собрал забытые документы и — вдогонку за семьей. А документы были о наделе нашего «рода» земель и квитанции об уплате податей.

Документ о наделе земель считался очень важным. Он выдан был в 1871 году на основании царского указа от 19 февраля 1861 года. Землей наделялись бывшие государственные крестьяне деревни Ворониловичи, в том числе мой прадед Степан Антонович Хадька. Земля выкупалась с 1871 по 1913 год «в постоянном и неизменном размере по 10 рублей 78 копеек в год». Кроме того, за выпасную землю, принадлежавшую всему обществу деревни, уплачивалось крестьянами по одному рублю 78 копеек. Итого 12 рублей и 56 копеек в год.

С 1871 по 1913 год, то есть за 42 года, нашим родом — прадедом, дедом, дядей, отцом и матерью было выплачено 527 рублей 52 копейки. Но «выкуп» про-

должался и в 1914 и 1915 годах. В том же «постоянном и неизменном размере». Видимо, выкуп становился бессрочным.

Выкупной документ хранился в иконе «Богоматери», а квитанции по оплате его — за балкой у потолка. Их там было более ста штук. На квитанциях стояли расплывчатые жирные пятна. Это были печати старосты, собиравшего подати. Металлическая печать вместо мастики обмакивалась в колесную мазь, что была на оси телеги, и прикладывалась на квитанции. Потому они пахли дегтем, были страшно запылены и стали желтыми от времени.

Отбежав километра два от деревни, я оглянулся назад. Деревни уже не видно. Впереди на дороге потоки беженцев. Скоро я догнал своих.

В нашей семье уже не было малых детей. Самому младшему, Луке, исполнилось 9 лет.

Повозка была перегружена продуктами, одеждой, фуражом. За ней привязаными шли коровы. Свинью и овец гнали отдельным табуном рядом с повозкой. Дорога была забита скотом, народом.

Ночевали, где заставала ночь. У дорог валялся дохлый скот. Часто встречались бугры свежeverытой земли. Это могилы людей.

Прошел слух, что в местечке Жирово, в шести — восьми километрах от Слонима, у населения принимают рогатый скот и деньги оплачивают на месте. У нас было две коровы. Сдать их мать поручила мне и сестре Варе. Вместе с другими односельчанами мы угнали коров в местечко Жирово. Мать с остальными детьми и подводой поехала дальше, на Барановичи. Мы с сестрой возились со скотом более недели. Коров, к счастью, сдали и получили деньги, но семью найти по пути до Баранович не смогли.

У нас с сестрой были деньги, но купить продуктов не могли. Их никто не продавал. И мы вынуждены были выпрашивать куски хлеба у населения и солдат. В Барановичах мы встретили односельчан и присоединились к ним. Но семьи нашей там не оказалось. Видимо, привычка лошади быть всегда впереди всех и на этот раз обернулась для меня неприятностью.

До Баранович мы уходили от войны, которая страшным раскатом орудийных залпов надвигалась

на нас. В Барановичах война нас все же догнала. Она атаковала с воздуха.

Немцы ночью с цеппелинов бомбили город и станцию. Конечно, бомбили вслепую, на улице была осенняя темнота. Но бомбы с воем летели, казалось, прямо на нас, хотя рвались где-то на окраинах. Поднялся страшный переполох. Огромная масса народа в темноте заволновалась и бросилась в поле. Стоял невероятный шум, слышались крики, плач детей.

Выбраться по узким, заполненным людьми, скотом и транспортом улицам было тяжело. Многие потеряли свои семьи, детей.

Кому удалось выбраться из города, пошел на восток. Это была настоящая дорога горя.

Семью разыскали лишь под Минском. Все были очень рады нашему появлению. Я был доволен тем, что лошадь везла наши скудные пожитки. В Минске мы продали ее за бесценок, бросили телегу, а сами вместе с другими односельчанами погрузились в товарные вагоны. Беженцев целыми эшелонами направляли куда-то в глубь России.

По каким дорогам мы ехали тогда, теперь рассказать не могу. Помню только несколько больших станций — Смоленск, Калугу, Сызрань, Самару. В Калуге мы покупали тесто из пшеничной муки не на вес, а на меру локтя. Кусок теста растягивался и отмеривался на длину руки. Потом от него отрезали столько, сколько просил покупатель. Для нас это было чудо.

Вторым памятным местом были Батраки. Еще в Сызрани все устроились сидеть и стоять в дверях вагона, чтобы посмотреть мост и реку Волгу. Но, к нашему огорчению, на последнем разъезде в вагон зашел солдат с винтовкой, приказал всем отойти от дверей и окон. Волгу мы видели в Батраках только издалека, а мост совсем не видели.

Эшелон двигался очень медленно. По несколько дней он стоял на каких-то станциях. Народ голодал. Продукты были очень дорогие. Деньги, что выручили от продажи коров, мы давно израсходовали. В вагонах было тесно, грязно.

Сначала в нашем вагоне было холодно, но парни где-то на станции стащили железную печку, установили ее, и у нас стало тепло.

В вагонах было много больных, часто снимали мертвых. Были случаи, когда мертвых выносили за станцию в поле и там оставляли, не похоронив, или клали в пустые вагоны проходящего поезда. Хоронить было некому и нечем.

Наш эшелон долго стоял в Самаре. Некоторые вагоны отцепили и отправили с другими поездами. Еще до Самары часть беженцев ссадили на станциях и оставили в деревнях.

В конце ноября или в начале декабря наш вагон тоже отцепили от поезда и загнали в тупик, предложив всем выгружаться. Мы оказались на станции Раевка Самаро-Златоусской железной дороги. Действительно, нас увезли очень далеко от фронта.

Временно нам предоставили барак. Приняли, разместили и заботились о нас какие-то дамы из так называемого «Пленбежа», т. е. учреждения, которое ведало пленными и беженцами. Нам стали выдавать хлеб и горячую пищу.

Однажды днем появились какие-то неизвестные люди — мужчины и женщины — и стали нас разбирать по семьям. Меньшие семьи куда-то увозили в деревни. А три семьи из Воронилович еще на несколько дней остались в бараке. Мы были многосемейные и без взрослых мужчин. Наконец пришла и наша очередь. Мою семью погрузили на сани к какому-то бородатому мужчине. Остальных разместили на другие подводы.

Все три семьи привезли на хутор Симоновка, что в 10—12 километрах от станции Раевка. Хутор состоял из восьми или девяти домов с довольно большими усадьбами. Фамилии всех хозяев были Тародайко. Дома различались на хуторе по солидности хозяев, которых звали по имени и отчеству или по кличкам, как в Ворониловичах. Хутор возник от одной семьи, переселившейся из Украины.

В отличие от Воронилович дома на хуторе были расположены только с одной стороны улицы, а с другой был пруд. Глубокий овраг когда-то перекрыли навозно-земляной дамбой, собралась вода, и здесь с весны и до поздней осени поили скот. На пруду до его замерзания плавали сотни гусей и уток. Летом здесь купались и стирали белье.

Во дворах хуторян стояли амбары для зерна и дру-

гих продуктов и теплые сараи для лошадей. Дальше в специальных загонах, обнесенных плетеными из хвороста стенами, находились рогатый скот и овцы. Загоны зимой покрывали соломой и засыпали снегом. Так и зимовал скот.

За этими постройками стояли огромные скирды сена, мякины и соломы.

Никаких фруктовых и декоративных деревьев на хуторе не было.

Разговаривали на хуторе только на украинском языке. Нас они звали кацапами, считали людьми второго сорта, бобылями.

Два семейства, привезенных вместе с нами в Симоньку, оказались в лучших условиях. Нас поместили в доме Тародайко Якова Павловича, на кухне. Спали на специально приспособленных нарах. Хотя дом был большой, мы претендовать на лучшее не могли.

Земли у нашего хозяина было много. Стояли хорошие надворные постройки. Но нам он ничем не помогал, да и не обращал на нас никакого внимания. Мы для него были тени.

Однако жить надо было: есть, одеваться. Самотканая одежда наша и лапти обносились. Купить новые не могли. На работу сестер и нас, мальчишек, никто не брал. Стояла холодная зима.

Мать почти с первых дней нашего нового жительства пошла по деревням собирать куски. Мы, пять человек детей, сидели в своем новом гнезде и никуда не выходили. Не знаю, было это связано с рождественскими и новогодними праздниками, редкой встречей в деревнях нищих или там живут действительно добродушные люди, мать постоянно приносила много кусков хлеба, мяса, а иногда мелкие деньги и старые предметы одежды. Поборы матери — это был главный источник существования нашей семьи.

На хуторе было очень много полудиких голубей. Я с братом в вечернее время пробирался в отдаленные холодные постройки, где устраивались на ночевку голуби, и брал по пять и более штук. Потом, чтобы не видел хозяин, готовили их на завтрак и обед. Голуби были жирные и очень вкусные.

Наконец улыбнулось счастье. Меня взяла на работу батраком соседка Тародайко-Степанова.

Это была вдова, уже старая женщина. Два ее сына находились на войне. Семья большая: две невестки, три дочери, человек десять детей. Да еще семья беженки Баран. В общем, всего восемнадцать — двадцать человек.

Мне дали валенки, полушубок, теплые штаны и другую зимнюю одежду.

Хозяйство было большое. Двести гектаров земли, двадцать лошадей, до сорока голов крупного рогатого скота, овцы, свиньи, гуси, утки, пять-шесть собак. Работы больше чем достаточно.

Весь скот стоял в сараях и в специально приспособленных на зиму крытых загонах. Корм подвозили на санях. Уходом за ним занимались две дочери, одна невестка и я.

Особенно тяжело было поить скот. Имеющиеся вблизи пруды зимой замерзали, и поить приходилось из колодца во дворе. Вода выкачивалась в корыто ведром на веревке. Эта обязанность полностью лежала на мне. Скот поили один раз в сутки, но и за этот один раз я вытаскивал более ста ведер воды. Ежедневно в часы водопоя мой полушубок, ватные брюки и валенки покрывались сплошной коркой льда. Меня немедленно раздевали и меняли одежду.

Я был рад, что получил работу, мне платили, кормили. Изредка помогали матери мукой, крупой, а иногда и куском мяса.

Батраком у Тародайко-Степановой я работал до лета 1916 года.

Очень тяжело было и весной. На одном двухлемешном плуге-буккере пахали две дочери хозяйки — Мария и Дора, а на втором — я один. В плуг впрягали четыре лошади, и мне одному очень тяжело было управляться с ними, одновременно следить за плугом, очищать его от травы и направлять вдоль борозды.

Нелегко и накладывать возы навозом, сваливать его в кучи для изготовления кизняка. Поля черноземные и навоза не требовали. Навоз шел на изготовление топлива.

Кроме полевых работ рано утром и вечером нужно было кормить и поить рабочий скот, грузить на повозки тяжелые мешки с семенами и выполнять все то, что велели хозяева дома. Я очень уставал и часто болел.

Летом 1916 года моя семья переехала в поселок Ольшеево, где жили на частной квартире. В этом поселке, находившемся рядом со станцией Раевка, я устроился кучером к владельцу огромной мельницы Мясникову.

На мельнице мололи зерно для армии. Мясников почти ежедневно получал его от поставщиков. Муку отгружали вагонами. В мою обязанность входило возить на пролетке хозяина, его жену, хромого сына и дочерей, которые учились где-то в Петербурге, а летом жили при родителях. Выездных лошадей было три. Ухаживать за ними и запрягать помогал мне другой работник — татарин Фекташка. С Фекташкой я очень дружил. У него никого не было, и он часто давал мне деньги на покупку крайне необходимого для моей семьи.

Немного легче стало лишь после того, как брат Александр устроился работать батраком у одного домохозяина в Ольшеево.

Живя в Раевке, мы обратились в «Пленбеж» с просьбой помочь разыскать односельчан, которых мы именовали родственниками. Получили ответ, что «родственники» живут в Оренбурге. По настоянию сестры Вари мать согласилась отпустить ее в Оренбург с целью узнать, можно ли там устроиться на работу.

Письмо от Вари пришло радостное. В Оренбурге жило много наших односельчан. Сестра устроилась работать на кожевенном заводе и звала нас переехать в Оренбург. И хотя была уже зима, мать решила ехать всей семьей. Я и брат уволились с работы. Свои пожитки упаковали в узлы, купили железнодорожные билеты и выехали.

Пересадку мы делали почему-то в Самаре. Наконец прибыли в заманчивый Оренбург. Но в многообещающем городе нас встретила неприятность. Нам, как самовольно переехавшим, отказали в праве жить в беженских бараках. Мы оказались на улице. Обратились в «Пленбеж». Там объяснили, что переезд беженцев запрещен. Нам посоветовали снять частную квартиру и жить как придется.

Для размещения беженцев в 1914—1915 годах в Оренбурге построили барачный городок. Врытые в землю бараки внутри имели вид старых военных казарм.

Барак был метров сорок в длину и пятнадцать в ширину. В каждом два яруса нар, печное отопление. Ночью освещались керосиновыми фонарями «летучая мышь».

Беженцы жили на нарах. Семьи отгораживались друг от друга старыми одеялами и другой ветошью. В одном бараке помещали до шестидесяти семейств, т. е. не менее двухсот человек. В каждом из них назначался староста, который следил за порядком, чистотой, отоплением и освещением.

В бараке постоянно слышались шум, плач детей, непрерывное хлопанье дверями. Но мне казалось, что жизнь в бараках — это рай.

Всего было сорок барачков. Их выделили семьям с учетом национальности беженцев. Белоруссов поместили в одни бараки, русских, поляков, немцев — в другие. Каждой нации — свои бараки.

В городке были свой медицинский пункт, школа, церковь, полицейский участок, прачечные и что главное — кухни, в которых ежедневно бесплатно выдавали по два фунта хлеба на человека, немного сахара и горячую пищу в обед. Кое-как жить можно.

И во всем этом нам отказали. Узлы с вещами отдали на хранение знакомым в бараках, но самим жить было негде. Ютились по разным баракам среди односельчан по одному человеку. Снять частную квартиру не могли, у нас для этого не было средств. Мать неделями ходила от одного начальника к другому, но все напрасно. Она опять надела суму и пошла собирать куски.

Кто-то подсказал, что разрешение поместиться в бараках на правах беженцев может дать только губернатор. Мать надела свои лучшие самотканые наряды, обула кожаные лапти и белые портянки, взяла с собой двух младших сыновей и пошла в Караван-Сарай, где размещалась канцелярия губернатора. В Караван-Сарай она прошла, но в здание канцелярии ее не пропустили. Хождение на прием к губернатору затянулось более чем на неделю. Но вот однажды кто-то пропустил ее и провел в большой, богато обставленный зал.

Не знаю, была она у самого губернатора или у какого-нибудь чиновника, но, по рассказам ее и моих

братьев, их кто-то принял, мать стояла на коленях, плакала. Долго не могли понять ее белорусского языка, вызывали кого-то и с его помощью с трудом разобрались в просьбе. Приказали выдать распоряжение в «Пленбеж», чтобы поместили нас в беженских бараках и обеспечили продуктами питания.

Нам отвели угол в бараке № 13. Здесь было много односельчан. Они находились также в третьем, седьмом, четырнадцатом бараках. А мой старый дружок, уланчик Павел Тур, жил с родителями в бараке № 27.

Мне исполнилось 18 лет. Одна сестра работала на кожевенном заводе. Скоро устроился на работу, тоже на кожевенный завод, и я. Младший брат пошел учиться в мастерскую плести корзины. Эта специальность была тогда модной. Чемодан популярностью еще не пользовался и стоил очень дорого. По соседству на кожевенных заводах Цайгера, Галина работали тоже только беженцы. Они были как рабочая сила более выгодны потому, что оплачивались дешевле.

Февральская буржуазно-демократическая революция взбудоражила Оренбург. Начались демонстрации. Но на улицах среди демонстрантов можно было видеть наших хозяев завода, купцов с зелеными и даже красными бантами на груди. Однако, несмотря на революцию, власть и порядки в городе остались прежними. Лишь беженцам прекратили выдачу продуктов.

Приезжали к нам на побывку инвалиды войны и раненые. Они рассказывали, что хотя царя и свергли, но войне конца не видно. На заводах и в бараках началось брожение. Бараки за три года без ремонта стали гнить. Крыша пришла в негодность и во многих местах начала протекать. Двери перекошились и плохо закрывались. Зимой было холодно.

Ухудшилась дисциплина, старосту никто не слушал и не подчинялся. В бараках были грязь, вонь.

Завод, на котором я работал, располагался в 5—6 километрах от бараков. На работу ходил пешком. Такое расстояние мне казалось тогда небольшим. Работал я в сухом отделении по выработке шагреновых и платовых голенищ, передов, вытяжек, хромовых кож из опоек, т. е. из молодого скота, коз и овец.

Все делали вручную. Сначала я был разнорабочим,

но скоро освоил специальность платировщика и ролевщика. Работа ролевщика (это нанесение рисунка на шагреньевые голенища) очень тяжелая. Она выполнялась на специальном приспособлении, состоящем из пружинных досок, стола и тяжелой металлической болванки-рольки. Работа с ролькой требовала физической силы и ловкости. Малейшая оплошность могла окончиться серьезной травмой руки или другим увечьем. Шестьдесят пар голенищ за рабочий день — такая была моя норма.

Освоил и другие смежные специальности. Работа мне нравилась, думал в будущем быть мастером, если не вернусь в Ворониловичи.

На заводе работал фальцовщиком пожилой рабочий по фамилии Корень. Он был молчалив, замкнут. Но когда из цеха уходил мастер, Корень нам рассказывал, как и почему свергнут царь, что труд наш полностью не оплачивается. Поговаривали, что он революционер и живет не под своей фамилией. Вскоре Корень куда-то исчез, и на заводе больше мы его не видели.

Февральская революция не только ничего не дала народу, но еще больше ухудшила его положение. Зато укрепилась в Оренбурге власть имущих классов и особенно золотопогонной части казачества. Народ роптал.

Как-то в середине лета из госпиталя в наш барак вернулся солдат Тимофей Ерш, затем матрос Игнат Козловский, брат по матери Павла Тура — подпоручик Юлий Мошко. Возвращались инвалиды и на короткую побывку солдаты и в другие бараки. Многие из них отказывались возвращаться в свои части. Они рассказывали, что, хотя война и продолжается, армия устала. Не хватает оружия и боеприпасов. В армии распространяются листовки с призывом кончать войну, брататься с немцами. В Петрограде, Москве и других городах проходят демонстрации против буржуазного правительства. Говорили, что в России скоро будет другая власть.

Эти разговоры распространялись очень быстро. Им народ верил. Он ждал перемен.

Меня интересовали разговоры об отъезде домой.

Вторым моим желанием было посмотреть город. В таком большом городе я был впервые. Смоленск, Ка-

лугу, Сызрань, Самару я проезжал по железной дороге и видел только из вагона. Хотелось пройтись по Оренбургу.

Я любовался большими мощеными улицами: Николаевской, Гостинодворской, Орской, Гришковской и другими, каменными домами. Помнятся дом Панкрата, здания кадетских корпусов. Дома по Николаевской улице казались мне небоскребами.

Изредка я посещал кинотеатры. Их в городе было два — «Палас» и «Аполо». Приключенческие кинокартины, такие как «Вампиры» и им подобные, смотрел с замиранием сердца.

Но чаще всего я оказывался на галерках цирка Камухина, особенно любил французскую борьбу. Иван Поддубный, Иван Каин, Иван Крылов и Василий Буревой были моими кумирами. Я подражал им.

Однако ходить по городу, да к тому же еще в вечернее время, было очень опасно.

В городе свирепствовал казачий атаман Дутов. Всякое неповиновение властям жестоко подавлял. Но, несмотря на это, рабочие на заводах продолжали бастовать. На улицах часто возникали демонстрации. На демонстрантов обрушивались с плетьюми конные казаки. Им давали отпор. Был конец 1917 года.

СЛУЖУ ТРУДОВОМУ НАРОДУ

Весть об Октябрьской социалистической революции, как и о Февральской, пришла в Оренбург несколько позже, чем в другие города, расположенные ближе к центру России.

В Оренбургской губернии значительная часть казачества жила зажиточно и потому была на стороне контрреволюции. Все лучшие земли находились в руках богатых, обрабатывались наемной силой. Взрослые батраки выращивали хлеба, дети их пасли скот и смотрели птицу хозяев.

«В среднем на каждый казачий двор приходилось в Оренбургском уезде 56,8 десятины удобной земли. Из всей надельной земли 71,8% принадлежало казачеству.

По данным переписи 1897 года, в губернии 15 395 хозяйств имели от 2 до 10 батраков, но зато 22,9% крестьянских дворов в 1913 году были безлошадными»*.

В самом городе было много богатой знати — фабрикантов, заводчиков и особенно купцов, таких, как Панкратов, Заривнов, Брагин, Галин, Хусаинов, Серов, Аюпов, Юров, Гусев и другие.

«Ощутительную помощь оказала Дутову местная буржуазия. Страх перед революцией объединил и русского промышленника Юрова и татарина Хусаинова, и конкурировавших между собой торговцев Панкратова и Заривнова. Только по подписке было собрано для белогвардейцев более 2 миллионов рублей и большой запас одежды и обуви.

Сразу же после свержения Временного правительства оренбургские меньшевики и эсеры создали так

* В. Ф. Воробьев. Оборона Оренбурга. Воениздат, 1938, стр. 7.

называемый «комитет спасения родины и революции», который объявил себя единственной властью в городе. На самом деле все члены этого «комитета» были пешками в руках атамана Дутова, располагавшего реальной военной силой. Рабочие называли этот орган власти комитетом спасения... от революции»*.

Всю контрреволюцию возглавил Дутов, захвативший 8 ноября 1917 года власть в Оренбурге. Казачьи части стояли не только в Форштадте, но и в других частях города. Конные патрули разъезжали даже по окраинам, таким, как Оренда, Новостройка, железнодорожные мастерские, беженские бараки. Всякие рабочие выступления немедленно подавлялись.

Но оружие на заводы, несмотря на сильный контроль, все же поступало, и рабочие тайно вооружались.

Об одной доставке оружия рассказывает машинист Оренбургского депо, член партии с 1917 года, Федор Григорьевич Кравченко. «20 декабря (1917 года) в Бузулуке я получил от Кобозева три пулемета, 89 винтовок, несколько ящиков патронов и лент, погрузил все это в тендер паровоза и повел товаро-пассажирский поезд в Оренбург. Опасность была велика: Дутов выставил четыре вооруженных заставы в Платовке, Переволоцке, Сырте и Каргале. На всех заставах юнкера и казаки осматривали паровоз, но оружия не обнаружили»**. И это был не единственный случай, когда с большим риском для жизни доставлялось оружие в город.

В ноябре начали создаваться на заводах красногвардейские отряды. Особенно хорошо были вооружены рабочие железнодорожных мастерских.

Со дня захвата власти Дутовым заводы не работали, рабочие бастовали. Но наш завод мы, молодежь, посещали почти каждый день. На заводе был создан профсоюз.

Скоре записались в Красную гвардию Михаил Кудрявцев, Павел Тур, Александр Ерш, Илья Ринг, Иван Ахраменя и я. Винтовки и патроны нам дали прибывшие с фронта солдаты. Многие захватывали

* «Комиссары». Издательство политической литературы. М., 1964, стр. 138.

** «За власть Советов». Чкаловское книжное изд., 1957, стр. 154.

Участники обороны гор. Оренбурга в 1917—1919 гг.
Слева направо: Павел Тур, Павел Хадыка, Андрей
Ерш, Александр Ерш. (Снимок 1919 года).

оружие на складах. Часто обезоруживали небольшие группы казаков и полицейских. Оружие мы хранили в бараках, а в ночное время с помощью старых солдат изучали устройство его и тактику боя.

Руководителей большевистской организации Оренбурга лично я не знал, но слышал о революционных делах таких товарищей, как С. М. Цвиллинг, А. А. Коростелев, Кичигин, А. Е. Левашов, К. Н. Котов. Они входили в Революционный комитет и возглавляли борьбу за установление Советской власти в Оренбурге.

Вспоминается арест дутовцами почти всех депутатов первого, только что созданного Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов и членов Революционного комитета прямо на заседании. В связи с этим началась всеобщая забастовка. К бастующим ранее дружно присоединились рабочие мелких предприятий, таких, как парикмахерские, кино и другие.

Затем город облетела радостная весть о побеге из тюрьмы 32 заключенных членов Революционного комитета и руководителей Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. В числе бежавших были С. М. Цвиллинг, А. А. Коростелев.

Борьба за установление Советской власти в Оренбурге не прекращалась ни на один день. Вместо аре-

стованных руководителей из рабочей среды выдвигались новые организаторы. Создавались красногвардейские отряды.

Рабочие понимали, что одной стачкой завоевать победу не удастся. Слишком неравными были силы. В Оренбурге находилось до 7 тысяч казацких войск. Вместе с Дутовым активно действовали меньшевики и эсеры.

В ноябре 1917 года оренбургские железнодорожники направили делегацию в Петроград к Ленину. Владимир Ильич 26 ноября 1917 года принял ее. Делегаты изложили Ильичу свою просьбу. Ленин тут же написал записку:

«В штаб (Подвойскому или Антонову)

Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется *экстренная* военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить *практически* поскорее. А мне черкнуть, как решите. Ленин»*.

Вскоре к формирующимся красногвардейским отрядам в городе Бузулуке, которыми командовали Петр Алексеевич Кобозев и перешедшие линию фронта С. М. Цвиллинг и А. А. Коростелев, начало подходить пополнение. Из Петрограда, Самары, Казани, Челябинска, Перми, Уфы на помощь отрядам Кобозева прибывают вооруженные рабочие, доставляют патроны и снаряды.

В январе 1918 года на подступах к Оренбургу развернулись ожесточенные бои. А в конце месяца город был освобожден. В Оренбурге впервые устанавливается Советская власть.

На заводах и улицах города возникают митинги и демонстрации. Начали работать заводы. Но на работу и с работы все выходили с винтовками.

Вскоре нашей шестерке — Михаилу Кудрявцеву, Павлу Туру, Александру Ершу, Илье Рингу, Ивану Ахрамене и мне — предложили перейти на казарменное положение. Поместили нас в здании бывшего Неплюевского кадетского корпуса, где организовали роту из рабочих-кожевников. Здесь проводили с нами занятия по изучению материальной части винтовки, а во

* В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 36, стр. 415.

дворе, в тире, учили стрелять. Кушать ходили домой, ночевали в казарме. Иногда патрулировали по городу.

Рядом с пирамидами из винтовок стоял пулемет. Мне разрешили присутствовать на занятиях с пулеметом. Это был «кольт». Я очень интересовался им и не пропускал ни одного занятия.

Примерно в марте нас распустили по домам, обязав по тревоге немедленно явиться в казарму.

В это время в моей семье случилось большое горе — от тифа умерла сестра Наталья. Ей было всего 22 года.

В начале апреля белоказаки неожиданно ночью ворвались в город. На заводах и паровозах загудели гудки — тревога. Поднялась стрельба. Казаки захватили казарму на Сенной площади вблизи Форштадта. Там размещался один из красногвардейских отрядов. В бою погибло более ста двадцати человек.

Казаки пытались захватить весь город. Но сокрушительный отпор им дали железнодорожники у пассажирского вокзала. В бой вступили красногвардейские отряды с Новостроек, железнодорожных мастерских, добровольческий отряд мадьяр. К концу дня казаков выбили из города.

В свою казарму мы с товарищами сумели пробраться лишь тогда, когда в городе утихла стрельба. Оружие наше стояло в пирамидах.

После нападения белоказаков на Оренбург из рот кожевников, железнодорожников, рабочих мельниц и других сформировали 1-й Оренбургский красногвардейский полк. Им командовали рабочие железнодорожных мастерских Андриан Ефимович Левашов и Константин Назарович Котов. Из состава полка выделили специальный отряд, погрузили в оборудованный тюками из ваты поезд и направили по так называемой Орской железной дороге. В отряде было два орудия и два или три пулемета. Орудия установили на платформах, которые так же, как и крытые вагоны, по краям обложили прессованными тюками ваты. Получился своеобразный бронепоезд. Тюки ваты предохраняли от пуль и осколков снарядов.

Первый бой с белыми произошел на станции Сакмарская. На телеграфных столбах вблизи станции висели трупы рабочих железной дороги, казненных белы-

ми. Казаки отступили в станицу Сакмарскую, но через два-три часа мы их выбили и оттуда.

Это был мой первый бой. Шел в цепи вместе с другими такими же, как и я, стрелял из винтовки по конным и пешим казакам. Хотелось догнать кого-нибудь из белых и отомстить за повешенных.

Помнятся станции Саракташ и Кувандык. Дальше к Орску железной дороги не было. Наш поезд курсировал между станциями Сакмарская и Кувандык. Особо сильных боев не случалось, но перестрелки с применением пулеметов и орудий были часто.

В Оренбург отряд вернулся в конце мая или в начале июня и почему-то был распущен. Зарплату нам выплачивали на заводе, где мы работали раньше.

В июле белогвардейцы захватили Оренбург. Многие рабочие отступили на Актюбинск, но я и мои товарищи остались в городе. Почему нас не собрали всех и не предложили отступить, я и теперь объяснить не могу. Тому, что мы остались, способствовали и наши семьи, которые нас не отпускали от себя и уверяли, что скоро уедем домой. Винтовки мы зарыли под нарами в бараках. Здесь было много участников боев с белыми.

Вместе с беженцами жили два друга — Таранко и Сирота. Они и после занятия города белыми действовали активно. За ними охотилась охранка Дутова, но не могла поймать.

В бараках часто происходили аресты участников боев с белыми. Мне приходилось скрываться. Иногда уходил с товарищами ночевать в Пугачевские пещеры на Маяках, что в двух с половиной-трех километрах от города.

После одной из очередных облав в начале сентября я с группой товарищей пришел домой. Решили провести несколько дней с семьями. И как раз в первую ночь белые вновь провели облаву. Меня и Ивана Ахраменю схватили. Многих тогда арестовали. Всех нас под конвоем привели в город и посадили в так называемый 3-й участок полиции на Хлебной площади. Здесь я просидел более месяца.

Меня допрашивали, в какой части служил и где участвовал в боях. Я упорно твердил, что в Красной гвардии не служил и в боях не участвовал. За такие ответы каждый раз получал увесистые оплеухи. В ка-

меру приходил с разбитыми губами и носом. Одежда была в крови.

Многих товарищей перевели в тюрьму за Урал. Перевода ожидал и я, чего очень боялся — всех переведенных там расстреливали.

На помощь пришла моя добрая мать. После моего ареста она ежедневно ходила к хозяину кожевенного завода Кабалкину и упрашивала его поручиться за меня, сказать, что я с января по июль работал на заводе. Просьба матери, видимо, подействовала. Меня освободили. Но это освобождение было недолгим.

Осенью в наш барак явился наряд полиции и казаков, и после проверки документов взяли под конвой меня, Ивана Ахраменю и других. Александра Ерша почему-то освободили, возможно, из-за физических недостатков — у него на обеих руках было по шесть пальцев. Позже его арестовали, но он бежал и скрывался на мыловаренном заводе за Уралом.

Видимо, такая же проверка документов шла и в других бараках. Среди задержанных оказался и мой друг Павел Тур (уланчик).

Нас, более двадцати человек, доставили в какие-то казармы в районе Ташкентской улицы, переодели в старое солдатское обмундирование и стали обучать военному делу. Мы с Павлом Туром решили бежать, но выйти со двора не могли — в воротах стояла охрана.

Как-то с нами разговорились работавшие на кухне женщины, мы почему-то поверили им и признались, что хотим бежать. Они одобрили наши намерения. Через несколько дней побывали в наших семьях и принесли нам гражданскую одежду. Предупредили, что бежать надо только днем, и немедленно. В тот же день мы забрались в углу двора в уборную, переоделись и перелезли через забор.

Одна из наших знакомых прошла через ворота и подождала нас за забором. Звали ее Соней, фамилию не знал, но ее доброе дело помню всю жизнь. Была она лет тридцати, уроженка Оренбурга. Жила в пригороде Новостройка.

Побег удался. Соня завела нас в поселок Нахаловку в дом Тетюшкина. С хозяевами она заранее обо всем договорилась. Вдвоем мы начали жить нелегально. Сам хозяин, Дмитрий Васильевич Тетюшкин, ушел из

Оренбурга еще летом, и где он был, семья не знала. В доме остались хозяйка, Наталья Григорьевна, дочери — Лена лет двадцати, Таня лет восьми и сын Федор лет двенадцати.

О моем тайном жительстве в Нахаловке кроме моей семьи знали лишь некоторые соседи Тетюшкиных. Например, Меньчаковы, Аришевы, Скачковы. Все они помогали мне скрываться, особенно во время облав. Часто меня уводили ночью в другие дома или погреба.

Нахаловка. В настоящее время Красный Городок. Здесь жил пролетариат. Это — обездоленные люди, в поисках какого-нибудь заработка осевшие вблизи железнодорожных мастерских.

Поселок состоял из трех улиц, застроенных в ночное время, когда полиция спала. Он ночами строился, а днем разрушался властями. Но победа осталась за упорными переселенцами. Здесь чередовались домики-хатки бревенчатые, каркасно-дощатые засыпные, глинобитные, полуземлянки и настоящие землянки.

Это — пригород Оренбурга, но пригород организованных пролетариев. Он не похож на Новостройку, где землю покупали, на Оренду и совершенно противоположен пригороду Форштадт, где жили богатые казаки.

Нахаловка располагалась в 200—250 метрах западнее беженского городка и выглядела более убого, чем наши бараки. Здесь не было садов и огородов, все жители безземельные.

Хозяева, приютившие меня и спасшие от верной смерти, жили очень бедно. На их «усадебке» стоял старый бревенчатый домик. Не было сарая и даже погреба. Сам дом был разделен на две части. Одну занимала кухня, в которой стояли огромная русская печь и двухметровый самодельный стол-верстак. Вторая часть, в свою очередь, делилась на две комнаты, разгороженные низкой дощатой перегородкой. Одна комната называлась залом, вторая — спальней. В зале стояли самодельный стол, накрытый чистой скатертью, три переносные скамейки и две табуретки. В спальне были две самодельные кровати, сундук и ящик для верхней одежды и белья. На окнах висели белые занавески.

У хозяев не было ни скота, ни запаса овощей. Уголь для отопления добывали на свалке возле железнодо-

Семья Тетюшкиных, укрывавших автора в 1918 году.

рожных мастерских, а хворост и бурьян носили за два-три километра от речки Сакмарки.

Нахаловка — настоящий интернациональный поселок. Здесь жили русские, украинцы, белорусы, татары, мордвины, чувашаи, казахи и даже китайцы. Жили дружно, помогали друг другу всем, чем могли.

Мои хозяева были мордвинами. В поиске лучшей доли в 1906 году они переселились в Нахаловку из села Семилей Кочкуровского уезда Пензенской губернии — ныне Мордовская автономная республика. Люди в высшей мере честные, гостеприимные, делились последним куском хлеба.

Нахаловка имела еще одну особенность. Там почти отсутствовали мужчины. Они ушли в степи, в красногвардейские отряды, сражались за Советскую власть.

Павел Тур часто уходил домой и по нескольку дней не являлся. Его отец и в Оренбурге был уланом. Я в бараках бывал очень редко, хотя для меня там имелось надежное убежище под нарами.

В период моего нелегального положения я один раз был на подпольном собрании вблизи железнодоро-

рожных мастерских. Там говорили о наступлении Красной Армии и о подготовке к восстанию в Оренбурге.

В декабре мы уже услышали артиллерийскую стрельбу, а в январе 1919 года Оренбург снова освободили, но уже войска Красной Армии.

Еще до вступления передовых частей Красной Армии в Оренбург рабочие подняли восстание. Они захватили город и помешали вывозу ценностей. Все поезда, подготовленные к отправлению, остались в Оренбурге. Я, Павел Тур и несколько железнодорожников охраняли брошенные белыми поезда.

Одновременно с Красной Армией в город вступили войска и вооруженные рабочие, отошедшие в июле 1918 года в сторону Актюбинска. В Оренбурге была восстановлена Советская власть. Я опять стал работать на кожевенном заводе Кабалкина и Шапиро.

Март 1919 года в Оренбурге был не спокоен. К городу приближались войска Колчака. Снова появились белые казаки.

Оренбург готовился к длительной обороне. В помощь частям Красной Армии в городе формировались полки из рабочих. Шла эвакуация семей активистов партии и Советской власти.

Готовились к отъезду и беженцы. Они заготавливали продукты на дорогу. В конце марта наконец подали железнодорожные составы. Вагоны захватывали односельчане силой и грузили свои пожитки. Никто не хотел ожидать своей очереди.

В один из вагонов погрузилась и моя семья. В первых числах апреля наш поезд отправили в направлении Самары. Однако многие мужчины не поехали с семьями, оставались в Оренбурге и добровольно записывались в ряды Красной Армии. Остался и муж моей сестры Михаил Баран.

Я выехал вместе с семьей, но мне хотелось вернуться в Оренбург. Уговаривал моих друзей — Павла Тура и Александра Ерша. Но они не решались. Моя семья состояла из матери и нас, троих братьев. Мне было уже 20 лет, среднему брату — 17, младшему — 14 лет. Мать очень плакала, уговаривала меня не оставлять ее. Но я на станции Ново-Сергеевская ночью вышел на перрон, забрался на крышу вагона встречного поезда и уехал в Оренбург.

По приезде сначала пошел в беженские бараки. Там было еще много беженцев. Но товарища себе не нашел и направился в город. Разыскав дом, где записывали добровольцев в 3-й Оренбургский рабоче-крестьянский полк, рассказал, кто я, и попросил направить меня в пулеметную команду. Формировалась она в доме бывшего богача Ромеева. Писарю пулеметной команды почему-то не понравилась моя фамилия — Хадыка. Он заверил, что таких фамилий не бывает, и записали меня — Ходаков. Документов я никаких не имел и потому не мог оспорить писаря. Таким образом, я не только ушел от семьи, но и потерял свою настоящую фамилию.

Меня определили подносчиком патронов к пулемету «максим», познакомили с расчетом и зачислили на все виды довольствия. Так по велению сердца я стал солдатом Красной Армии.

В пулеметной команде был один из моих товарищей по кожевенному заводу — Михаил Кудрявцев, беженец из Слонима. Здесь находилось еще несколько беженцев. Команда подобралась разношерстная не только по возрасту, но и по знаниям военного дела. Потому приходилось много заниматься.

Мне очень нравился пулемет «максим», я изучал его с большим желанием. Все бумаги в моих карманах были исписаны названиями частей пулемета.

Я очень любил машины и завидовал тем, кто на них работает. Но паровоз, автомобиль, аэроплан для изучения были мне недоступны. На кожевенном заводе, где я раньше работал, машин не было вовсе.

Первой, да к тому же еще автоматически самозаряжающейся и производящей выстрел чудо-машиной был пулемет. Вот почему за освоение его я так страстно и взялся.

Изучению пулемета способствовало то, что я жил в помещении пулеметной команды и в вечернее время мог посещать дополнительные занятия. Иногда мне разрешали самостоятельно разобрать и собрать пулемет, лечь за него и целиться в какую-нибудь точку.

Многие пулеметчики в ночное время уходили домой к семьям. Мне идти было некуда. И я все свое свободное время уделял пулемету.

Но наша учеба была непродолжительной. 12—15

апреля вместе с одним батальоном, а возможно, и всем полком (об организации полка я тогда не знал), пулеметная команда выступила за Урал в район станции Донгузская, где вскоре начались бои с белогвардейцами. Они сразу же приняли упорный характер, обе стороны несли большие потери.

Особенно запомнился мне бой 29 апреля. Наступление белоказаков началось ночью. Пьяные, шли они во весь рост на наши позиции. Пулеметы стреляли длинными очередями. Стволы нагревались так, что вода закипала в кожухах и пар, выходящий через отводное отверстие, был виден издали. Недостаток воды вынуждал наводчиков на время останавливать стрельбу. В цепи тогда кричали:

— Давай пулемет! Почему он молчит? Сапожники!

И пулеметчики вынуждены были стрелять. В батальоне было четыре пулемета. В цепи главным образом шел залповый огонь.

С рассветом наступление белых возобновилось, но нас хорошо поддерживал бронепоезд со станции Донгузская. Он очень метко бил по целям казаков, и они, не выдержав, оставляли убитых и раненых и откатывались назад.

Но силы были неравные, противник в несколько раз превосходил нас. Наши открытые и загнутые в тыл фланги все сужались, цепь становилась похожей на огромную подкову.

Наш пулемет стоял на возвышенности в 200—250 метрах от железной дороги. Отсюда очень хорошо было видно передвижение белоказаков.

Вскоре по цепи передали команду — медленно отходить к Уралу, но не бежать.

Мы оставили Донгузскую, затем 20-й разъезд, а к ночи отошли за Меновой Двор. По железнодорожному мосту перешли через Урал и заняли позиции на правом берегу реки в самом городе Оренбурге.

Люди очень устали. Но бой продолжался всю ночь. Часть дощатого настила мы сняли с моста. Белоказаки пытались снова настлать, но под нашим пулеметным и ружейным огнем отходили. Однако стоило хоть на минуту прекратить стрельбу, как они лезли вперед.

К мосту подошел 217-й стрелковый полк и занял оборону. Сюда прибыл начальник обороны города Ми-

хаил Дмитриевич Великанов. Здесь же находились руководители местной власти во главе с председателем губкома партии Иваном Алексеевичем Акуловым.

В ночь с 30 апреля на 1 мая я стал помощником наводчика пулемета, или вторым номером.

1 мая в 5 или 6 часов утра два батальона 217-го полка и наш батальон неожиданно перешли железнодорожный мост и повели наступление на Меновой Двор, к 12 часам мы взяли его.

Белоказаки, видимо, не ожидали, что защитники Оренбурга нанесут удар с этой позиции, да еще в праздник, и не оказали организованного сопротивления. Их отбросили от Оренбурга на 20—25 километров.

Наш полк был сформирован в конце марта — начале апреля 1919 года исключительно из добровольцев. Один батальон состоял из городской милиции. Полком командовал оренбургский казак из бедняков Александр Степанович Шереметьев. Комиссаром был рабочий Ефим Андреевич Башилов. Начальником пулеметной команды — Крапивин. В ходе боев наш полк переименовали в 218-й, а дивизию — в 49-ю Оренбургскую.

Всего в обороне города участвовало пять стрелковых полков и отдельный кавалерийский эскадрон. Соотношение сил было далеко не в нашу пользу. Более чем в четыре раза белые превосходили нас в штыках и саблях, в три раза — в пулеметах и в пять раз — в артиллерии.

Вот против каких сил стояли защитники Оренбурга!

Еще 18 апреля Оренбургский губком партии направил Владимиру Ильичу Ленину телеграмму, в которой, излагая значение обороны Оренбурга для победы советских войск на Восточном фронте, обрисовал тяжелое положение защитников города. Вскоре прибыла помощь. Оборона Оренбурга стала значительно прочнее.

22—26 апреля произошел вдохновляющий нас бой северо-восточнее Оренбурга. Наши 211-й и 277-й стрелковые полки при поддержке одного батальона 217-го стрелкового полка и кавалерийского полка 20-й дивизии, дав возможность противнику переправиться на паромках через разлившуюся от весеннего паводка реку

Салмыш, внезапно атаковали 2-ю и 5-ю стрелковые дивизии 4-го армейского корпуса белых и с близкого расстояния артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем расстреляли их.

Наши взяли в плен более 1500 солдат и офицеров противника, захватили всю его артиллерию, 20 пулеметов, массу патронов и канцелярии штабов дивизий. На поле боя насчитали более 300 убитых, в том числе 28 офицеров и одного генерала. Остальные белогвардейцы утонули в реке Салмыш. Лишь отдельные разрозненные группы белых без оружия вплавь сумели перебраться через широкий разлив реки.

4—5 мая наш полк перебросили на 30—40 километров восточнее Оренбурга на помощь 210-му и 216-му стрелковым полкам. Там шли бои за станицы Каменно-Озерную и Нежинскую. Но удержать станицы мы не смогли и отошли. Закрепились в районе так называемого Святого Креста, что в семи километрах от Оренбурга. В период отступления от Нежинской я стал первым номером пулемета. Чурилова ранило в обе ноги, и его отвезли в госпиталь.

Стрелять хорошо из пулемета я еще не мог. Особенно трудно было устранять задержки. Но старался показать, что все знаю и все могу. Очень боялся, чтобы меня не заменили. Но, видимо, заменить было некем.

Отходя, я попал в какое-то болото и, вытягивая ноги из грязи, потерял один сапог. Пулемет спасли, но сапог отыскать не сумели. Мешали наседавшие белые. Часто приходилось останавливаться и ложиться за пулемет. Несколько дней пришлось ходить в одном сапоге. Вторую ногу обмотал какой-то ветошью. А весна была на редкость дождливой и холодной.

Бои продолжались. Белые часто переходили в атаки с целью прорваться в город. Но сломить сопротивление наших частей они не смогли. Пытались перейти Урал в районе Форштадта, но и там их не пустили.

В это время у белых появились «союзники». В один из дней вместо чубатых казаков мы увидели перед собой солдат в синих мундирах. Сначала приняли их за японцев. Когда же захватили в плен первых «синих», оказалось, что это насильно мобилизованные крестьяне Уфимской, Тургайской, Челябинской губер-

ний, одетые в японскую военную форму. Они при первом удобном случае переходили на нашу сторону целыми взводами.

Оренбург почти полностью был окружен белыми. По всему фронту шли упорные бои. В этот период погиб мой товарищ по кожевенному заводу Михаил Кудрявцев. Его похоронили в Оренбурге.

Было воскресенье. Из города к нам на передовую пришло много женщин. Они принесли продукты своим мужьям, отцам, знакомым. Жители часто приходили к нам, особенно по воскресеньям. К Михаилу пришла мать. Она побывала и у меня, угостила пирожками. А спустя 2—3 часа после ее ухода мне передали, что Михаил убит. Я очень плакал по нем.

В тот же день произошел трагический случай с рабочим нашего завода Коренем. Он был поваром в одной из рот нашего полка. Ночью в походной кухне повез ужин на передовую и заблудился. Белые схватили его. Вылив пищу, они разрубили Кореня на куски, сложили в котел, залили водой, подожгли топку и лошадей направили к нашей передовой.

Это дикое зверство возбудило в нас еще большую ненависть к белым. Мы упорнее стали защищать Оренбург.

Тяжелые бои вокруг осажденного города продолжались и в мае. Положение защитников, не получавших подкреплений, с каждым днем ухудшалось.

В половине мая наш пулеметный расчет сняли с передовой и на двуколке направили в Оренбург для ночных патрулирований по городу. Там ночами было неспокойно, особенно в казачьей части города — Форштадте.

Двуколка хотя была и на рессорах, но по мощным крупным камнем улицам создавала такой шум, что было слышно за несколько кварталов. Сидеть за пулеметом было неудобно. Я очень жалел, что меня сняли с передовой.

Иногда пулемет простаивал всю ночь у штаба обороны Оренбурга в ожидании выезда в какой-нибудь район города. Особенно часто приходилось курсировать по Форштадту.

В конце мая объявили, что меня посылают на курсы пулеметчиков при штабе обороны Оренбурга. Здесь

часто видел начальника обороны Михаила Дмитриевича Великанова, больше узнал о нем. В Красную Армию он вступил в марте 1918 года в Москве. Дрался с белыми в Пензенской, Симбирской, Самарской, Уральской и Оренбургской губерниях, командовал 2-м полком 24-й Симбирской железной дивизии, позже 25-й Самарской — Чапаевской дивизии. Это был умный, грамотный и решительный военачальник. Его видели и знали в лицо почти все защитники Оренбурга. Он часто бывал на передовой и не раз брал в руки винтовку, вместе с бойцами отбивал атаки белогвардейцев.

Выше среднего роста, стройный, он был всегда опрятно одет, подтянут. Лицо чистое, красивое с приятной, располагающей улыбкой. В обращении прост, доступен. Он внушал доверие к себе, его уважали и беспрекословно подчинялись.

Умение правильно управлять и маневрировать пятью плохо обученными и плохо вооруженными полками позволяло удерживать Оренбург, противостоять многочисленным войскам Колчака.

Курсы размещались в том же доме Ромеевых. К моему прибытию там уже было сформировано два взвода. Начальником курсов был морской офицер, фамилию забыл. Мне предложили командовать третьим взводом, вооруженным иностранными пулеметами. Я сначала отказался, но меня обязали.

В занятиях по материальной части мне очень много помог мой лучший друг Тимофей Ермолаев. Иностранных пулеметов мы оба не знали. А к занятиям готовились так. В вечернее время вдвоем разбирали пулемет, называли и записывали части применительно к пулеметам «максим» и «кольт», которые мы знали. На следующий день уже занимались с людьми. Пособий по французскому пулемету «гочкис» и английскому «викерс» не было. Руководство курсов знало, как мы готовимся, иногда посещало занятия и считало нашу методику удовлетворительной.

В июне курсы переехали в село Сорочинское, что в 180—200 километрах от Оренбурга в сторону Самары. Там мы находились до октября 1919 года. В Сорочинском стоял штаб 1-й армии, которой командовал Г. Д. Гай (Бжишкянц).

В октябре курсы снова перевели в Оренбург. В городе уже было спокойно. Бои отодвинулись далеко от Оренбурга. Население мирно трудилось. Дымили трубы в железнодорожных мастерских, на заводе «Орлес», на кожевенных заводах, мельницах. Гудки заводов возвещали утреннюю зарю, обеденный перерыв и окончание трудового дня.

Вскоре походным маршем с пулеметами на повозках мы переехали в занятый нашими войсками Актюбинск. Здесь состоялся первый выпуск курсантов. Выпускники и командиры взводов убыли в полевые части. Меня с Тимофеем и Петром Ермолаевыми, Шки-тиным, Ювинальевым направили в 434-й полк 49-й стрелковой дивизии. Это был тот же 218-й стрелковый полк, в котором служил до курсов. Теперь я уже имел военную подготовку и прибыл на командную долж-ность.

Полком командовал все тот же Шереметьев. Он был рад нашему прибытию. Всех направил в пулеметную команду. Начальником ее был Пospelов из Москвы. Меня назначили его заместителем. Тимофей Ермолаев стал командиром 1-го взвода, Петр Ермолаев, Шки-тин и Ювинальев — командирами отделений.

В октябре наша 1-я бригада под командованием комбрига Кашина была направлена на ликвидацию остатков белых, возглавляемых генералом Толстовым. Походным маршем мы двинулись вдоль железной до-роги через Акбулак, на Соль-Илецк, затем свернули влево на Куспу (Уил) и дальше пошли на Гурьев.

Через пятнадцать — двадцать километров от Соль-Илецка начались бои с белыми. Особо сильные развер-нулись в районе Покровска, Григорьевска, Куспы. В Куспе стояла ханская ставка.

Сплошного фронта как у нас, так и у белых не бы-ло. Полк двигался по дороге, преследуя отступавших белоказаков. Бои шли главным образом за населенные пункты. Справа и слева от нас, в пяти-шести километ-рах, двигались колоннами другие полки.

Отсутствие сплошного фронта давало возможность проникать конным подвижным группам белых в наш тыл. Были случаи захвата белыми наших посыльных с донесениями и приказами. Так белые перехватили и угнали транспорт с зимним обмундированием. В свою

очередь, наша конная разведка хозяйничала в тылу у белых.

Части отходившего противника состояли главным образом из оренбургских и уральских казаков. Отступая, они везли с собой семьи, гнали скот. Поэтому они отходили медленно, оставляя в деревнях много больных тифом и даже раненых казаков. Переполненные людьми населенные пункты и отсутствие медикаментов создавали условия для вспышки эпидемии. Сыпным тифом болело и местное население.

Мы вынуждены были во избежание заболеваний размещаться в сараях и других холодных постройках. Но все равно не убереглись. В период боев в районе Покровское — Куспа заболел и убыл на лечение Поспелов. Меня назначили начальником пулеметной команды.

На первых порах мне было трудно, допускал ошибки. Ночью при взятии села Покровское я приказал открыть огонь из всех пулеметов. Командование полка строго отчитало меня за это. Огонь из пяти-шести пулеметов выдал противнику нашу огневую мощь, была потеряна внезапность нападения.

Но и противник обнаружил все свои огневые силы, открыв огонь по вспышкам наших пулеметов. В пулеметной команде убитых не было, и это смягчило мою вину. У противника потери были значительные. Он в панике бежал, оставив большой транспорт и два орудия.

В последующих боях я был более предусмотрителен.

Самый тяжелый бой мы держали за село Царьградское. Приказ о наступлении наш полк получил своевременно, а посыльных в 433-й и 435-й полки перехватили белые. Оставив транспорт в селе Покровское, рано утром мы повели наступление на Царьградское, полагая, что справа и слева пойдут в атаку наши соседи. Мы оказались одни против трех полков белоказаков. К пяти-шести часам вечера мы все же выбили противника из Царьградской, но к белым подошла помощь, и наш полк оказался в окружении.

Начали пробиваться назад в Покровское. Но в чистом поле нас прижали к земле. Образовав круговую оборону, мы изо всех сил отбивались. Не знаю, кто

командовал полком, но я видел Шереметьева в цепи с винтовкой в руках. Он командовал «рота пли» и сам стрелял по наседавшей коннице белых.

С боем, тесня цепи белых, мы медленно продвигались к Покровскому, которое, в свою очередь, было окружено казаками. Там все штабные командиры и писаря, а также повозочные отбивались из винтовок. В Покровском полк снова занял круговую оборону. Бой прекратился только ночью.

Мы не досчитались многих своих товарищей, но артиллерия и большинство пулеметов были с нами. В этом бою ранило Шереметьева, но из полка он не убыл.

Через несколько дней бригада выбила противника из Царьградской и погнала его дальше.

Интересный эпизод произошел при взятии Джембиты. Шел сильный снег. Полк сбился с направления и вышел в тыл казаков. Разобравшись в обстановке, мы подошли к Джембите с противоположной стороны. Белые ожидали нас с другого направления и перевели за реку Уил все свои части, тыловые подразделения и уничтожили за собой мост.

Наше появление в тылу вызвало у белых панику. Река была покрыта еще тонким льдом, он не выдерживал тяжести даже одного человека. Вновь строить мост не было времени. Тогда казаки соорудили живой мост. Они распрягли из повозок тридцать — сорок верблюдов, ввели их в реку, поставили в два плотных ряда головами наружу, привязали их друг к другу, а на спины положили доски и плетеные заборы, снятые ворота.

Через такой мост переправили на другой берег повозки, верховых лошадей, людей, а орудия в исправном состоянии опустили в реку. Мост оставили нам.

Во многих местах подо льдом стояли груженные повозки, лежало имущество.

В декабре заболел тифом наш командир полка Александр Степанович Шереметьев, его отправили в госпиталь. Больше я с ним не встречался. Шереметьева в полку очень любили. Он был исключительно смелым в бою и хорошим товарищем вне боя. Он часто бывал у нас в команде, но больше всего любил конную разведку, во главе которой стоял лихой оренбургский

казак Гусев. Шереметьев часто сам выезжал в разведку, после чего принимал решения.

В декабре 1919 года белогвардейцы на Уральском фронте были разбиты и фронт ликвидирован. Нашу бригаду перевели в город Уральск.

В Уральске свирепствовал тиф. К счастью, мы были там недолго. По железной дороге нас перевезли к Волге, в город Владимировка. Был декабрь. Стояли сильные морозы.

Паровоз нашего поезда обслуживали мы сами: ежедневно выделяли наряды людей пилить дрова и носить воду из колодцев или рек.

Пилили все, что предлагала администрация станций. Запас шпал, телеграфно-телефонные столбы из запаса штабелей и даже разбирали железнодорожные сараи и небольшие складские помещения. Пил было мало, и те сильно затупленные, поэтому часто меняли людей.

Воду из колодцев или речки передавали в ведрах по цепочке. Иногда цепочка была очень длинная, и к паровозу доходило не более полведра воды, а на одежде людей образовывался лед.

На новом месте встретили нас недружелюбно. Кулачество и церковники собрались с хлебом и солью, подготовили хоругви и колокола, намереваясь встречать белогвардейского генерала Мамонтова. Но вместо него приехали мы.

Здесь наши полки получили пополнение людьми, дали нам транспортные средства, зимнее обмундирование. Готовили к переброске вверх по Волге, к Царицыну.

Однако в начале февраля 1920 года вместо Царицыны штабы, людской состав полков и артиллерию по железной дороге направили в Астрахань. Из санного и колесного транспорта составили гужевой эшелон. Начальником назначили меня. Для охраны оставили мою пулеметную команду и конную разведку полка под командованием Гусева. Транспортный эшелон своим ходом двинулся в Астрахань. Предстояло пройти более 300 километров.

Волга была замерзшей и занесенной снегом. По ней прокатали хорошую санную дорогу. Местами встречались высокие снежные заносы — перекаты, вблизи

сел — проруби, в них поили скот и ловили рыбу. Зачастую от села к селу дорога шла берегом. В некоторых селах мы останавливались на отдых и пополняли запасы фуража.

Все обошлось благополучно. К месту расквартирования прибыли в середине февраля. Наш полк разместился в селе Черепаша, за Казачьим Бугром Астрахани.

Полком теперь командовал Астрелин, тоже оренбургский казак. Фамилий всех комиссаров не помню, они почему-то часто менялись. Дольше всех комиссарами были Башилов и Сериков. Командиром 1-го батальона был астраханский рыбак Бугров. Остальных командиров не помню.

Пулеметная команда состояла из четырех взводов, по два пулемета в каждом. Командиром 1-го взвода был Тимофей Ермолаев — человек атлетического телосложения. Поговаривали, будто он готовился выступать борцом в оренбургском цирке. Был он уроженцем села Георгиевское Чернявского уезда Сырдарьинской губернии, ныне Чимкентской области. В 1916 году участвовал в восстании местного населения против мобилизации в царскую армию, затем бежал в Оренбургскую губернию, где и жил до революции. Хорошо владел восточными языками.

Командиром 2-го взвода был Мясников из Пензенской губернии, 3-го взвода — Шаров из Вятской губернии. Фамилию командира 4-го взвода запомнил, знаю, что родом из Харьковской губернии. Большинство пулеметчиков являлись коренными жителями Оренбурга. Но были саратовцы, пензенцы, астраханцы и даже армяне.

Штаб пулеметной команды состоял из одного писаря — Григория Черкасова из Саратовской губернии и посыльного Ивана Панфилова — уроженца Оренбургской губернии. Должность старшины занимал Колков, фуражира — Захаров. Оба сибиряки, солдаты царской армии из пулеметных частей. Старшина отвечал за материальное и боевое обеспечение людского состава, а фуражир — конского состава. Они умело обеспечивали команду всем необходимым, даже в самые тяжелые времена.

Тачанок было мало, пехоту они не устраивали. Пу-

леметы перевозили на пароконных, облегченного образца повозках-фургонах, очень удобных и вместительных. Патроны перевозили на двуколках.

Расчет пулемета состоял из шести-семи человек. Им придавалась пароконная повозка. Лошади подбирались самые сильные.

Я любил пулеметную команду. Это был дружный, спаянный коллектив, никогда не подводил в бою.

В период стоянки в Черепаше пополнился людской состав полка, увеличилось количество лошадей. Подразделения усиленно занимались боевой подготовкой, готовились к новым боям и походам. Наша бригада здесь вошла в состав 11-й армии, которой командовал М. И. Василенко, а членом Военного совета был Сергей Миронович Киров.

Остались в памяти налеты деникинских самолетов на Астрахань и стрельба из пулеметов по ним. Для меня это было первое крещение с воздуха.

В начале марта, как только тронулся лед в низовьях Волги, на одной из пристаней Астрахани нас погрузили на баржи и под пыхтение маленьких буксиров отправили на станцию Оля. Начался новый поход.

Полк занял самый левый фланг 11-й армии, а возможно, и всего Южного фронта. Левее нас было Каспийское море. Предстояло пройти примерно 800 километров от Астрахани до Баку. Сначала шли по территории Астраханской губернии с русским населением, а затем — по калмыцким степям с очень редко встречающимися населенными пунктами.

Шли в полной боевой готовности, но противника перед нами почти не было. Изредка где-то возникала перестрелка, возможно, конной разведки с незначительными белыми бандами, но артиллерия и пулеметы в бой не вступали. Еще в январе—феврале группы войск 11-й армии прошли впереди нас и вели бои за освобождение Ставрополя.

Иногда мы останавливались на ночевку или дневку в калмыцких кишлаках. На наши вопросы, сколько километров до того или другого населенного пункта, калмыки обычно отвечали:

— Два вода, три гора и еще два ровный места,— или вытягивали вперед губы и говорили: — Вут, вут, вут,— скоро.

Как мы позже стали понимать, каждый «вут» был примерно равен десяти километрам. Мы считали, сколько раз он скажет «вут», а затем определяли расстояние. Второй вариант ответа для нас был более понятным.

Однажды, когда остановились на ночевку, хозяин калмык показал нам своих богов. Из угла юрты он извлек ящик, в нем хранилось несколько десятков небольших кусков досок, на которых были изображены красками фигурки человека, рыб, зверей. Все они имели какое-то название и подразделялись на хороших и плохих богов. Каждый раз, когда хозяин отправлялся на

рыбную ловлю в Каспийское море или продолжительную охоту, он брал с собой соответствующего бога и в зависимости от успеха в будущем считал его хорошим или плохим. Хорошие боги в праздники смазывались жиром и были промаслены, а плохие боги были сухие и никакими почестями не пользовались.

Иногда командование полка брало калмыка проводником. Он всегда был верхом, очень тепло одет и босиком. Бесперывно бил пятками по бокам лошади, видимо, согревая этим ноги, но лошадь никак не реагировала и шла шагом. Проводниками они всегда были честными.

Переход оказался тяжелым. Из-за недостатка продовольствия и усталости появились больные, отстающие. Их ложили на повозки и без того загруженные. В результате лошади тоже обессиливали и не могли тянуть по пескам тяжелые грузы. Зачастую пулеметчики впрягались в повозки и перетаскивали их через песчаные барханы, ручьи и речки. Дорог не было. Одни пески и пески.

Это был тот же путь, по которому год назад шла и погибла от холода и тифа 11-я армия, коварно преданная изменником Сорокиным. Но тогда она шла с Северного Кавказа в Астрахань. Мы же шли в обратном направлении — из Астрахани к Северному Кавказу.

По войскам отдали распоряжение, если встретятся останки людей, предавать их земле. В пути находили заржавевшие орудия, кухни, железные части повозок и стрелковое оружие. Все деревянное было сожжено отступающими.

Положение наше значительно улучшилось, когда подошли к Черному Рынку, Святому Кресту (Прикумск) и затем к Кизляру. По рассказам местных жителей, в Святом Кресте в 1919 году белогвардейскими бандами был повешен герой гражданской войны Иван Антонович Кочубей, который во главе кавалерийской бригады прикрывал отход 11-й армии к Астрахани. В январе 1919 года, больной тифом, он попал в руки белых. Деникинцы предложили ему на выбор — или перейти на службу к ним, или его повесят. Кочубей умер, но не изменил Родине. После Кизляра стали часто встречаться мелкие и крупные реки, они тоже затрудняли наше движение.

Особенно тяжелой оказалась переправа через Терек. Паром связали из деревянных пивных и винных бочек. Быстрое течение реки часто разрушало его.

На подступах к Порт-Петровску мы увидели чудо. В обгороженном каменными стенами небольшом квадрате горел огромный костер. Особенно волшебным было зрелище ночью. Когда-то пробившийся через земную кору нефтяной газ был кем-то, а возможно и грозой, зажжен. И вот горит десятилетиями, а может, и сотнями лет никем не использованный природный газ. Единственное, что сделал человек,— это огородил его каменной стеной. Мы долго любовались фейерверком и грелись здесь.

В Порт-Петровске произошли важные события. Нашу бригаду расформировали и передали в известную нам еще по Оренбуржью 20-ю стрелковую дивизию. Наш 434-й полк мало кто знал. Он просуществовал только один год. Это был самый обыкновенный, без громкого имени, но и не имевший поражений полк. Сюда я вступил рядовым бойцом, а вырос до начальника пулеметной команды. В совершенстве овладел пулеметом «максим». У меня о полку сохранилось самое хорошее воспоминание.

Дивизией командовал бывший начальник обороны Оренбурга Михаил Дмитриевич Великанов. Комиссаром был Карл Карлович Ратнек, член партии с 1910 года, начальником штаба — Борис Владимирович Майстрах.

Мы были очень довольны, что вошли в известную дивизию. В ее составе насчитывалось девять стрелковых полков, от 172-го до 180-го. Кроме того, сюда входили кавалерийский полк, артиллерийские и другие подразделения.

20-я стрелковая дивизия была сформирована в 1918 году в Пензе и сначала носила название 1-й Пензенской пехотной дивизии. В составе 1-й армии Восточного фронта вместе с 24-й Симбирской-Железной и 25-й Чапаевской дивизиями она сражалась с белочехами на Волге и белогвардейцами на Южном Урале. В сентябре 1919 года ее перебросили на Юго-Восточный фронт, где вошла в состав 10-й армии и громила денкинские войска. В апреле 1920 года ее передали в состав Кавказского фронта, которым командовал М. Н. Тухачев-

ский, а членом Военного совета был Серго Орджоникидзе.

Наш 434-й полк тоже расформировали, а личный состав передали 176-му стрелковому полку. Командиром его назначили Астрелина. Из командиров батальонов остался только один наш Бугров, остальных заменили. Произвели замену многих командиров рот, хозяйственных и штабных работников. В полку стало много незнакомых людей. Меня оставили начальником пулеметной команды.

Вскоре мы начали новый поход в направлении Баку. Он был тоже тяжелым, но улучшилось снабжение продуктами и фуражом.

В Дербенте остановились на продолжительный отдых. Разместили нас по частным квартирам. Я попал к кавказскому еврею, очень разговорчивому человеку. Он рассказал, что на окраине Дербента одна из скал повернута отвесно к городу. Еще из глубокой старины для бездетных мусульманских женщин эта стена является священным местом. Сюда совершают паломничество не только бездетные женщины Дагестана, но и Азербайджана. Обряд заключается в том, чтобы утром, до восхода солнца, голыми руками, без дополнительных предметов, вбить в эту стену гвоздь. Только тогда можно рассчитывать на то, что будут дети. Неудачницы часто тут же кончали жизнь самоубийством, спрыгнув в пропасть.

Местное население, среди которого было много русских, особенно рыбаков и нефтяников, относилось к нам очень хорошо. Они радостно встречали нас и помогали всем, чем могли. Особенно мы нуждались в ремонте и замене обуви, и местное население оказывало нам в этом большую помощь.

3 мая 1920 года дивизия прибыла на станцию Баладжары, что в двенадцати — четырнадцать километрах от Баку. Наш полк разместили в аулах Сарай и Мастакриз. После длительного перехода Астрахань — Баку мы получили наконец долгожданный отдых для себя и лошадей, а главным образом, возможность помыться, заменить белье, произвести ремонт одежды, обуви, упряжи.

Местное население встретило нас хорошо, помогало продовольствием и материалом для ремонта. Просто-

Начальник пулеметной команды 434-го (176-го) стрелкового полка П. М. Хадыка. (Снимок 1921 года).

яли мы здесь около двух недель. 15—16 мая полк погрузили в вагоны и по Закавказской железной дороге отправили в город Ганджу (бывший Елизаветполь, ныне Кировабад). Здесь расквартировали штаб дивизии и два полка. Наш полк доставили на станцию Акстафа, а затем пешим порядком перебазировали к грузинской границе. Штаб полка расквартировали в городе Казах, батальоны — по аулам. Пулеметную команду разместили в ауле Дашсалаглы. Однако вскоре взводы отправили по батальонам. Со мной остался только один взвод.

Разместились мы по частным домам. Надо сказать, что большинство жителей аула относилось к нам очень хорошо. Хотя мы питались отдельно, почти ежедневно наша хозяйка давала нам буйволиного молока, очень густого и жирного. Мы ели его впервые. Расходовали на приготовление супа и каши. Есть его цельное с хлебом, как коровье, мы не могли. Часто нас угощали брынзой, которую я ел тоже впервые.

Хотя женщины аула носили чадру, но в присутствии нас они ходили без нее. В Казахе, а затем и нашем ауле Дашсалаглы я услышал интересный анекдот, рассказываемый азербайджанскими женщинами: «Стоит группа женщин с опущенными с головы на шею чадрами. Вдали показалась группа идущих мужчин. Одна женщина громко говорит: «Закройтесь, идут мужчины». Другая, посмотрев в ту сторону, отвечает: «Нет, это не мужчины, это русские».

В двадцатых числах мая нам стало известно, что в Баку готовилось восстание мусаватистов — членов мусульманской националистической партии крупной

буржуазии, помещиков и духовенства. Но там быстро навели порядок.

26 мая произошло восстание в Гандже. Мусаватисты захватили большую часть города. В наших руках оказалось лишь несколько кварталов и станция Ганджа.

В наших аулах и в городе Казах стало тоже беспокойно.

30 мая полк сосредоточили на станциях Акстафа и Тауз, а ночью погрузили в вагоны и направили в Ганджу. Пулеметы распределили по ротам. У меня в резерве остался только 1-й взвод, который и раньше бывал в моем распоряжении и вводился в бой в самый ответственный момент или на решающем участке, где надо было взять укрепления врага или удержать свои позиции.

Всю ночь в пути не спали, были готовы к отражению нападения. Командир полка с охраной ехал на паровозе.

До станции Шамхор доехали благополучно. Начало светать. На перроне нас ожидал представитель от командира дивизии. После короткого совещания командир полка отдал приказ — в бой вступим немедленно, разгрузку лошадей и повозок произведем при помощи подручного материала. Приспособим даже двери от вагонов. Предстояло только преодолеть последний участок между станциями Шамхор и Ганджа.

Шамхор стоит значительно выше Ганджи, и наш поезд очень хорошо виден повстанцам. Случилось так, как мы и ожидали. Как только поезд прошел несколько километров, мы подверглись интенсивному артиллерийскому обстрелу.

Вся артиллерия дивизии, размещавшаяся в Гандже, была захвачена мусаватистами. Часть артиллеристов попала в плен. К орудиям мятежники насильно ставили наших пленных, а когда те отказывались или плохо стреляли, их тут же расстреливали и сбрасывали в глубокий колодец. Я потом видел этот колодец, из него было извлечено более 20 трупов. И все же ни один снаряд в наш поезд не попал.

На станции мы разгрузились в течение 2—3 минут, поротно, развернулись в цепи и пошли в наступление. Я на некоторое время задержался у поезда и руководил

разгрузкой лошадей и повозок. Их тоже быстро, без всяких трапов, спустили на землю и направили в ближайшие дворы и укрытия у вокзала.

Вслед за нами прибыл еще один полк. Всего наступление повели пять пехотных полков и шесть кавалерийских. Их поддерживали огнем 57 орудий и две бронемашинны.

На стороне мятежников было 10—12 тысяч человек и 1800 солдат и офицеров из 1-й Азербайджанской дивизии, составленной преимущественно из людей, служивших в мусаватистской армии.

Вскоре усилилась винтовочная и пулеметная стрельба с нашей стороны. Полк вошел в соприкосновение с повстанцами. Он наступал в первом эшелоне. Открыли огонь артиллеристы.

Мы оказались в новых для нас условиях. Между городом и станцией находились сотни небольших индивидуальных виноградников, огородов и садов, и каждый такой участок был огорожен каменными или глинобитными дувалами, своеобразными стенами. Для противника они служили исключительно удобными оборонительными укреплениями. Для нас же — препятствиями, взять которые можно было только с помощью артиллерии или штурмом. Но штурм был сопряжен с большими потерями.

С вокзала в город через все эти своеобразные крепостные лабиринты вела только одна дорога или улица. Противник держал ее под непрерывным ружейным и пулеметным огнем. Других дорог или проездов не было, вернее, — мы их не знали. В бой ввели и мой последний резерв, 1-й пулеметный взвод Тимофея Ермолаева. Я находился в одном из взводов на передовой. Правда, часто выходил в тыл, откуда проверял обеспечение боеприпасами пулеметов.

Кто-то передал, что меня вызывает командир полка. Я доложил о делах в пулеметной команде. После этого он познакомил меня с двумя командирами, которые окончили Астраханские пулеметные курсы и прибыли в наш полк для дальнейшего прохождения службы. Здесь же Каверина определили моим помощником, а Петрунина — командиром взвода, хотя пока вакантной должности не было. Каверину я поручил обеспечивать доставку патронов, а с Петруниным про-

брался в 1-й взвод. Здесь действовало около шести пулеметов.

Самым трудным было столкнуть повстанцев с первых укреплений вблизи вокзала. Когда их выбили отсюда, наши войска, под прикрытием дувалов, стали, хотя и медленно, продвигаться вперед. Потери несли обе стороны. Мы применили гранаты для разрушения препятствий.

В середине дня тяжело ранило в ногу Тимофея Ермолаева. Командование взводом я передал Петрунину. Спустя некоторое время навестил Ермолаева в вагоне, приспособленном для раненых. Он громко стонал, скрежетал зубами, просил крепкого табака, хватался руками за спинку кровати, гнул ее на себя.

К вечеру мы достигли города Ганджа. На центральной площади захватили все орудия нашей дивизии. Часам к одиннадцати ночи полк вышел на противоположную сторону города. Из-за темноты и усталости преследовали повстанцев недалеко.

Подразделения провели ночь там, где она их застала. На следующий день на более опасных участках были оставлены заставы, а остальные подразделения сняты и отведены на отдых. Преследование врага продолжали только кавалерийские части.

Пулеметная команда разместилась на Елизаветинской улице в здании бывшей гостиницы «Лондон». Мы не досчитались многих своих как старых, так и новых пулеметчиков и командиров.

Состоялись похороны погибших.

Ганджа разделяется горной речкой Ганджинкой на две неровные части — большую мусульманскую и меньшую армянскую. Это две вечно враждовавшие нации. Во время восстания один полк нашей дивизии стоял в армянской части города, своевременно занял оборону по реке Ганджинка и удержал свои позиции. Население помогало бойцам.

Ганджа — один из самых древних городов Азербайджана. Здесь сохранилось много памятников старины. Промышленности никакой не было. Правда, некоторая часть населения занималась выращиванием коконов для шелковой нити. Но это оказывалось под силу только зажиточной части населения. Была сильно развита торговля.

В городе много мечетей. Существовали старинные фанатические обычаи и обряды. Об одном хочется рассказать. Этот культ носит название «шахсей-вахсей».

Как-то вечером вскоре после подавления восстания мы услышали на улице сильный шум, крик и бой барабанов. Все вокруг осветилось факелами. Я подал команду тревоги и позвонил в штаб полка, откуда мне передали, что это идет какой-то праздничный обряд, вмешиваться нельзя и на улицу рекомендовалось не выходить.

Шествие двигалось по нашей улице, мы начали наблюдать из окон. Огромная масса мужчин, одетых в белые штаны и рубашки, построенная в колонну по 10 человек, с зажженными факелами, в ногу, под бой барабанов шла по мостовой и громко кричала: «шах Хусейн, вах Хусейн». В такт шага с полного размаха мужчины ударяли себя то одной, то другой рукой в грудь.

Это изуверское самоистязание в память о каком-то великомученике Хусейне продолжалось в течение трех дней. Наиболее фанатически настроенные участники, а некоторые за плату от богачей и духовенства первый день били себя руками в грудь, на второй день — специальными цепями по спине, а на третий — кинжалами в лоб. После такого «праздника» больницы оказывались переполненными искалеченными людьми.

В 1929 году правительство Азербайджана категорически запретило эти фанатические шествия и обряды как на улицах, так и в закрытых помещениях.

В Гандже мы много ели турецких орехов, их привозили повозками из гор. Недозревшие, они находились в скорлупе, как в футлярах. Скорлупа с внутренней стороны содержит какие-то дубильные вещества и сильно красит. Наши руки поэтому были окрашены и долго не отмывались.

На базаре было много помидоров. Их очень хорошо приготавливал мой помощник Каверин. Одессит, до революции беспризорный, он в 1917—1918 годах подростком торговал газетами. Был исключительно находчив, весельчак, знал много анекдотов. Очень быстро вошел в семью пулеметчиков и стал всеобщим любимцем.

Простояли мы в Гандже месяц. Полк нес гарнизонную службу и занимался учениями. Хорошо запомнилась стрельба из пулеметов в десяти — двенадцати километрах от города в горах. На стрельбе присутствовали командир дивизии М. Д. Великанов и командир полка. Попадания из пулеметов были точными. Многие пулеметчики получили тогда благодарности. В заключение провели стрельбу по мишеням одновременно из 20 пулеметов. Результат был исключительным.

В начале июля полк погрузили в вагоны и вновь перебросили к грузинской границе. Расквартировали в тех же аулах Дашсалаглы и Капаклы, а один батальон — в Караджемерлы.

Однажды я поехал к пулеметчикам, которые стояли в Караджемерлы. Аул этот находится в десяти — двенадцати километрах от станции Акстафа. И вот здесь я увидел невероятное. В ауле стоял классный железнодорожный вагон на колесах, под ним было только одно звено рельсов со шпалами.

Как попал вагон в аул? Один из местных жителей рассказал, что зимой 1917/18 года вагон доставили со станции Акстафа путем перестановки двух облегченных звеньев железнодорожных рельсов. Тянули его быки. Живет в вагоне очень важный мулла.

Здесь в районе Акстафы произошло большое событие в моей личной жизни. Во время проведения партийной декады или месячника меня вызвал комиссар полка и после беседы о моем прошлом и на другие темы предложил вступить в РКП(б). Должен сознаться, что в политических вопросах я тогда разбирался слабо. Лишь усвоил хорошо, что Октябрьская революция под руководством большевиков, во главе которых стоит В. И. Ленин, свергла царизм, буржуазию, помещиков и всю власть и богатства в стране передала народу. Вот за эту народную власть мы воюем. Меня вскоре приняли в ряды партии большевиков.

В конце сентября — начале октября полк снова погрузили в вагоны и по железной дороге направили в Дагестан. Прибыли в Порт-Петровск (Махачкала); а оттуда направились в Темир-Хан-Шуру. Из-за большой крутизны и изгибов железной дороги к паровозу цепляли только по шесть — восемь вагонов.

Пулеметная команда разместилась в здании быв-

шей женской гимназии. Темир-Хан-Шура (теперь Буйнакск) — маленький городок, но он был административным центром Дагестана. Здесь наш полк пополнили кубанцами и бывшими «зелеными».

Кстати, о гимназии. Здесь была хорошая библиотека, и я впервые прочитал «Войну и мир» Толстого. Затем стал читать все, что находил в библиотеке. Увлёкся Толстым. После «Войны и мира» прочитал «Воскресенье», военные рассказы. Моя общеобразовательная грамотность началась со Льва Николаевича Толстого.

Вторым событием в Темир-Хан-Шуре было то, что ко мне в пулеметную команду впервые прибыл политрук. Фамилии его теперь не помню. До революции он работал приказчиком на каком-то рыбном промысле в Астрахани. После — администратором там же. Добровольно ушел в Красную Армию. Между нами как-то сразу возникли натянутые отношения. Но военная служба есть служба, нравится товарищ или нет, а приказ надо выполнять. После первого боя политрука перевели в стрелковую роту, и я потерял его из виду.

Наш полк состоял из двух батальонов. В 1-м батальоне было 350—400 человек, во 2-м — 200—250. Полковая артиллерия — четыре орудия, пулеметная команда — восемнадцать — двадцать станковых пулеметов. Конная разведка — шестьдесят — восемьдесят человек.

В начале октября были получены тревожные сведения из крепости Гуниб, которая находится в 115—120 километрах от Темир-Хан-Шуры, в глубине Кавказских гор. Через два-три дня в район Гуниба выступил 1-й батальон под командованием Бугрова. Батальон усилили двумя полковыми орудиями и восемью станковыми пулеметами. С пулеметчиками уехал мой помощник Каверин. Батальон благополучно прибыл в Гуниб, по пути были лишь небольшие стычки с повстанцами. Комбат проинформировал по телеграфу командование полка о положении в районе. Одновременно просил ускорить высылку продовольствия, так как на месте обеспечить им батальон нет возможности.

Вскоре под охраной конной разведки в Гуниб направили продовольствие и фураж. Из Гуниба навстре-

чу транспорту выслали роту. Она и приняла транспорт. Конная разведка вернулась в Темир-Хан-Шуру. Но на следующий день из Гуниба получили неприятное сообщение: между аулом Хаджал-Махи и Георгиевским мостом, на последнем переходе к Гунибу, роту охраны разбили и продовольствие отняли. В Гунибе батальон находится на осадном положении.

Девятого или десятого октября из Темир-Хан-Шуры выступил 2-й батальон и все остальные службы полка. Через аулы Дженгутай, Урма и до Левашей мы прошли без боя. Но в ауле Леваше нас встретили враждебно.

Староста аула предложил разместить людей на ночь по домам. Но командование отказалось. Полк расположился в двух дворах на окраине аула и на каком-то пустыре. Часть пехоты и пулеметов расположили вокруг транспорта. Орудия сняли с передков. Все приготовили к бою. Ночь прошла в тревоге и почти без сна.

На предпоследнем переходе между Левашами и Хаджал-Махи нас несколько раз обстреливали с гор, но до аула дошли более-менее благополучно. Сильные бои развернулись по выходе из Хаджал-Махи и особенно у бывшей почтовой станции Салтынская.

Расстояние между Салтынской и Гунибом около пятнадцати километров, но путь нам преграждали Гергебильские горы с малодоступными вершинами, на которых засели повстанцы и метким огнем не давали возможности продвигаться вперед. Здесь сама природа создала удобное место для обороны. Нагромождение непроходимых гор, дикие ущелья, бездорожье. Впереди нас горы разрезает быстрая река Каракойсу, вдоль которой по левому берегу проложена на протяжении шести-семи километров полутунельная дорога в Гуниб. Ширина ее четыре-пять метров. Дорога высечена в скале. Слева — стена с закруглением сверху, а справа — река Каракойсу с пятидесяти — шестидесятиметровым обрывом в глубину. Только слышно — где-то внизу шумит река, а воды не видно.

В ущелье через реку переброшен железобетонный крытый мост, который называется Георгиевским или Салтынским. У моста шоссе раздваивается. Одна дорога идет через мост в аул Карадах и дальше в кре-

пость Хунзах, а вторая — по левому берегу в крепость Гуниб.

Но вершины Гергебильского хребта и мост заняты повстанцами. Противник обстреливает нас из пулеметов и винтовок. Подо мной уже убили лошадь. Бой затянулся до самой ночи. Мост, в целях его сохранности, обстреливает наша артиллерия только шрапнелью. С наступлением темноты мост взяли и ночью прибыли в Гуниб, освободив наш 1-й батальон от осады.

Река Каракойсу очень быстрая, как и все горные реки. Она почти на всем своем протяжении скрыта в глубоких горных ущельях, а в районе Гуниба выходит на низкое плато и образует брод для проезда в крепость транспорта и перехода пешеходов. Здесь стояла водяная мельница, которая молола для нас зерно.

В 20-х числах октября в Гуниб прибыл один батальон 285-го полка 32-й стрелковой дивизии. Штаб самой дивизии разместился в Темир-Хан-Шуре, а полки — в аулах. Наш полк перешел в подчинение 32-й дивизии, которой командовал Александр Иванович Тодорский.

Восстание в Дагестане возглавили некий «имам» Гацинский и белый полковник Алиханов, а политической ширмой был присланный из Турции внук Шамиля Саид-Бей.

Бои с повстанцами Гацинского и Алиханова вокруг Гуниба шли до второй половины декабря. Сначала мы занимали аулы Леваши, Хаджал-Махи, Карадах, Кула, Бацада, Унти, Чох, Шалани и особо памятный Ругуджа.

Аул Бацада находится в восьми — десяти километрах от Гуниба в горной местности. К нему через реку Каракойсу проходит единственная тропа. В аул мы пробирались пешком. Пулеметы и патроны везли на ишаках. Тропа настолько узка, местами так крута и проходит по каменным выступам над такими обрывами, что мы зачастую передвигались на четвереньках, а еще более опасные места переползали по-пластунски. Местные же джигиты на своих кавказских красавцах конях по таким тропам проезжали смело, даже рысью.

В некоторых аулах улиц совсем нет, и издали кажется, что дома расположены в беспорядке. Но это не

так. Такие аулы, как Чох, Бацада, застроены пирамидально на склонах гор, и их панорама очень красивая. В каждом доме есть свой подъезд и двор. Стены каменные, а многие врублены в скалу. Крыши плоские, глинобитные с незначительным покатом в одну сторону и плотно укатаны. На крышах кроме людей часто можно видеть домашних животных.

Почти каждый дом состоит из двух частей: зимней с камином в стене или железной печкой и летней террасы. Летняя половина дома имеет только три стены. С южной стороны ничего нет. На этой террасе семья и проводит большую часть дня.

Дом, в котором я останавливался, стоял над обрывом глубиной не менее 100 метров. Мне казалось, что вот-вот отколется скала и вместе с домом опрокинется в пропасть. Мусор во время уборки в доме заматался в один угол, где под каменной плитой была пробита в пропасть дыра. Туда и сметался мусор, сливалась грязная вода, помои и сбрасывались всякие отходы. Почти в каждом доме была такая «канализация». От этого угла мы ложились спать подальше.

В Ворониловичах, преимущественно по праздникам, мужчины собирались в каком-нибудь доме в вечернее время. В Бацаде почти ежедневно мужчины сходились на крыше любого дома с утра, садились в круг и вели неторопливые разговоры до обеда. После обеда повторяли свой сбор. Вечером являлись в огромных тулупах из овечьих шкур. Всю верхнюю часть тулупа закрывал огромный, шерстью наружу, воротник. Служил он только для украшения. Рукава, как и тулуп, шили длинные, до самых пят. В плечах они были очень широкие, а ниже пояса сужались конусом и оканчивались пушистыми концами из бараньих хвостов.

Женщины зимой носили очень короткие и узкие овчинные полушубки с узкими, торчащими в стороны, рукавами. Длина их была не больше одной четверти нормального рукава. Они служили только для украшения. Руки туда не проходили. Человек в таком полушубке издали казался крестом.

Для любых работ, как женские, так и мужские, тулупы совершенно неудобны. Зато они незаменимы в дальней дороге и для сидения на крыше.

Все работы, как дома, так и в поле, выполняли, главным образом, женщины. Они переносили на себе и урожай с поля.

У беднейших жителей аулов посевы в большинстве случаев расположены небольшими площадками на склонах и у подножий гор. Зачастую землю наносили мешками на расчищенную площадку на голой скале. Такие «поля» требовали очень много полива. Вода доставлялась туда тоже вручную.

Приходилось слышать рассказы о спорах и даже судах за землю, которая была похищена и вынесена за ночь с одного участка скалы на другой. Даже в Гуниб, оказывается, была нанесена земля.

Под нажимом многочисленных повстанцев мы постепенно оставили все аулы и отошли в крепость Гуниб.

Наступил 1921 год. В наших руках оставался еще аул Ругуджа, где стояла рота пехоты. Но в январе Ругуджа восстала и присоединилась к повстанцам Алиханова. Наша рота в бою полностью погибла. Мы оказались окончательно отрезанными от внешнего мира.

Гуниб — это тоже чудо природы. Крепость расположена на высоте около двух с половиной тысяч метров над уровнем моря. Длина и ширина ее несколько километров. Восточная сторона метров на 200 ниже, с довольно ровной площадкой. Здесь и построен крупный населенный пункт городского типа, со значительным количеством чисто европейских домов. Выше — хорошая березовая роща, небольшой аул и старинный памятник — мемориальная чугунная плита на каменном пьедестале. На ней отлиты имена особо отличившихся офицеров и солдат — участников штурма 25 августа 1859 года крепости Гуниб и пленения руководителя реакционно-националистического движения Шамиля. Внизу от реки Каракойсу проложена зигзагообразная крутая дорога, которая и служит единственным проходом в крепость. Отвесные обрывы вокруг Гуниба достигают от 30 до 300 метров глубины. Они защищают крепость со всех сторон. При входе в Гуниб сооружены железные ворота. По краю нижнего Гуниба построена каменная стена. Она имеет военное значение. Кроме того, предохраняет людей и животных от падения в пропасть.

Местное население на 90 процентов ушло из Гуниба еще в период осады нашего 1-го батальона. Органы местной власти бездействовали. Большинство служащих и даже руководящего состава бежало к повстанцам. Ушел к ним и военком Гунибского округа полковник старой армии Пиралов. В крепости осталось только несколько человек из руководящего состава органов местной власти, а из ЧК — лишь одна сотрудница Осипова. Осталось 15—20 семейств бедняков и мастеровых, у которых в аулах не было земли.

Я с писарем Черкасовым и посыльным Панфиловым квартировал в доме портного, вблизи тропы от крепостных ворот на верхний Гуниб. Мой хозяин был уроженцем аула Бацада. С ним жила дочь лет 17—18. И отец и дочь владели русским языком, были общительными, разговорчивыми. К сожалению, не помню их фамилии. Они часто беседовали с нами, иногда делились кое-чем из продуктов, особенно солью.

Девушка была стройная, очень красивая. Как-то она мне открылась, что является невестой довольно пожилого горца, даргинца или кумыка из дальнего аула, и должна уехать к нему, иначе ей грозит опасность от родни жениха и даже ее отца. Вскоре она из Гуниба уехала, и больше я ее не видел.

Помнится рассказ моего хозяина, что в Дагестане живет очень много национальностей и этнических групп. Но особенно много наречий, даже у одной национальности. В горной местности вокруг Гуниба и Хунзаха население аулов даже в пяти-шести километрах зачастую не знает языка друг друга.

Больше, чем с другими, я подружил и часто встречался с бывшим заведующим земельного отдела, к сожалению, фамилии его тоже не помню. Это был высокий, красивый мужчина, лет 55—60, по национальности аварец. Он хорошо знал жизнь народов Дагестана. Особенно любил рассказывать о жизни аварцев. Не раз вспоминал Шамиля, который происходил из очень воинственного племени аварцев. Интересными были его рассказы о войнах, местных обычаях.

В вечернее время он приходил в огромном овчинном тулупе без рукавов, с большим воротником. Он очень любил оружие, особенно пулемет, и неплохо знал его. Часто просил меня взять его с собой на огневую позицию.

И когда замечал на Гергебильских горах повстанцев, горячился и просил разрешения сделать несколько выстрелов в их сторону. Когда ему разрешали, был очень доволен и оделял пулеметчиков початками кукурузы.

В мое дежурство по гарнизону он, как правило, всю ночь не спал и ходил со мной проверять посты. Его хорошо знали все солдаты полка. Иногда приносил мне сушеной баранины и три—пять граммов соли и просил передать это раненому моему помощнику Каверину, которого ни разу не видел, а знал только по моим рассказам.

К себе домой он никогда меня не приглашал. Я знал, что в Гунибе вместе с ним живут его жена и одна дочь. Вторая, старшая, бежала с бывшим уполномоченным ЧК к повстанцам. Однажды на мой вопрос — почему его дочь бежала к повстанцам, он ответил, что у него никогда не было двух дочерей, его единственная дочь живет с ним и без его разрешения даже солнце смотреть на нее не имеет права. Он очень обиделся на меня за мой неуместный, как я потом понял, вопрос, и в наших отношениях явно почувствовался холодок.

Из местных был у меня еще один приятель, фамилию его тоже не помню. Кроме рассказов об оружии, я от него больше ничего не слышал. Как-то он пригласил меня к себе на квартиру и показал на стене ковер, на котором было развешено разное старинное оружие. Он брал в руки какой-нибудь кинжал и рассказывал, сколько с ним его прадед, дед, отец и он сам были в дальних походах, сколько баранов и другого скота убито этим оружием. Рассказ был долгим, со всеми подробностями. Экскурсия по ковру заняла несколько часов.

О пристрастии горцев к оружию мы знали из личного наблюдения.

Однажды при передвижении нашего подразделения из аула в аул его обстреляли повстанцы. Проводник тут же подошел к командиру и начал жаловаться на боль в желудке, голове и ногах. Командир сказал ему, что до следующего аула он отпустить его не может. Заболевший заявил, что он не хочет уходить, а очень просит дать ему винтовку, чтобы вместе с бойцами стрелять в повстанцев. И когда его просьба была удовлетворена, он долго лежал в цепи, внимательно смотрел вперед

и произвел несколько прицельных выстрелов. После боя сообщил, что он совершенно здоров. Таких просьб — разрешить пострелять — было много.

Местное население в Гунибе относилось к нам хорошо и очень боялось, чтобы мы не ушли из крепости, тогда им грозило полное уничтожение повстанцами.

Гуниб и Гергебильские горы разделены пропастью в 1000—1400 метров по прямой, и в период осады хождение по крепости было опасным. Нас обстреливали с горных вершин. Войска размещались в нижнем Гунибе, а на верхнем находился только один взвод, который следил за всеми подступами к крепости с тыла, а особенно за одной довольно крутой тропой. По ней, как рассказывали местные жители, кто-то раньше пробирался в Гуниб. Этому трудно было верить, но на всякий случай тропу охраняли. На верхнем Гунибе паслись наши лошади и быки.

Между нижним и верхним Гунибом была только одна, довольно крутая тропа. Она причиняла нам много неприятностей. Тропа простреливалась с Гергебильских гор, с нее срывался и погибал наш скот и даже люди. В январе сорвался с лошадьёю и погиб комиссар 285-го стрелкового полка Пономарев. Он находился здесь с тремя своими ротами.

Боеприпасов у нас хватало, но очень плохо было с продуктами. Мы получали 150—200 граммов кукурузной муки и 200 граммов конины в день. Крупы, овощей, и особенно соли, совершенно не было. Из кукурузной муки варили мамалыгу, резали ее в холодном виде ниткой и солдатским способом «кому» раздавали по куску. Очень мучил голод. Особенно тяжело было раненым. Я часто посещал своего помощника Каверина. Он был ранен в челюсть и не мог есть даже кукурузной похлебки.

Как ни странно, но воды на такой высоте было более чем достаточно. Непонятно как, но вода в очень многих местах как на нижнем, так и на верхнем Гунибе выходила родниками из скал и образовывала значительные арыки и даже речки. Вода была очень чистая и холодная.

Аул Ругуджа находится в пяти-шести километрах от Гуниба. Будучи в осаде, мы дважды пытались взять его, но безуспешно. Последнее наступление на аул со-

вершили в первых числах января. Создали отряд из добровольцев. Из пехотинцев отобрали 200—250 человек, из пулеметчиков укомплектовали два взвода по два пулемета в каждом. Одним взводом командовал Дулембо, вторым — я. Нас хорошо поддерживала из крепости артиллерия. Отрядом командовал командир 1-го батальона Бугров. Я с пулеметным взводом шел в цепи ближе к левому флангу, Дулембо — ближе к правому. Наш левый фланг заканчивался рекой Каракойсу.

По мере продвижения вперед вдоль реки Каракойсу через определенные промежутки оставлялись небольшие заслоны. Но все наши предосторожности были тщетны. При входе в аул наш правый фланг был смят. Пятьдесят — шестьдесят повстанцев пробрались по реке к нам в тыл и неожиданно открыли стрельбу. Повстанцы были от меня не дальше 150—200 метров. Я тут же повернул пулемет назад и в две-три минуты расстрелял противника. Пулеметчики моего взвода отходили последними. В бою полностью погиб пулеметный взвод Дулембо.

Дулембо по национальности был венгр, из бывших военнопленных. В 1919 году добровольно вступил в ряды Красной Армии. Среднего роста, хорошо сложен, 25—26 лет. Владел русским языком, отлично знал пулеметы, метко стрелял. Был дисциплинирован. Его уважали в полку. Жаль, что не помню его имени и адреса семьи.

Значительные потери были и в пехоте.

После этого боя к нам в Гуниб приходили от повстанцев Алиханова две парламентарские группы, первая — три человека, вторая — два. Нам предлагалось немедленно сложить оружие и сдаться. Обещали продукты и свободный выход из Дагестана. Дальнейшее сопротивление повстанцы считали бессмысленным, уверяли, что нас ожидает неминуемая гибель. Парламентары рассказывали, что не только Дагестан, но якобы Азербайджан и весь Северный Кавказ очищены от Красной Армии.

Командование полка не поддавалось на провокацию, и мы продолжали защищаться в Гунибе.

В январе к нам в крепость со стороны аула Чох с боями пробилась группа местных партизан. Сначала мы

отнесли к ним с недоверием, а затем, убедившись, что это действительно свои люди, очень обрадовались. Они рассказали, что скоро Гуниб будет освобожден.

В середине января мы слышали артиллерийскую стрельбу, а к концу месяца были освобождены частями 9-й армии, которой командовал М. К. Левандовский.

В начале февраля к нам в Гуниб прибыли две наши роты из крепости Хунзах и небольшое количество бойцов из Темир-Хан-Шуры, которые с невероятными трудностями сумели пробраться по горам к своим из разбитых гарнизонов в аулах Хаджал-Махи, Леваша и других. В феврале наш полк участвовал во взятии Георгиевского моста, аулов Ругуджа и Бацада.

В конце февраля 1921 года распоряжением Военного совета Кавказского фронта и армии, которой командовал А. И. Геккер, а членом Военного совета был Ш. З. Алиава, наш полк отозвали из Гуниба. Мы отбыли в свою 20-ю дивизию. Она находилась в Грузии.

Первой продолжительной остановкой была станция Баку. Здесь полк пополнили людьми. Выделили небольшое количество лошадей и повозок.

Второй, более продолжительной остановкой (шесть — восемь дней) была станция Тифлис. И здесь полку, в том числе и пулеметной команде, прислали пополнение. Укомплектовали три пулеметных взвода. Прибыли новые командиры взводов: Грицай из Харьковской губернии и Орлов из Астраханской. Одним взводом командовал Мясников. Выдали новое обмундирование, чему мы были очень рады.

Из вагонов полк не выгружался. Батальоны занимались строевой и боевой подготовкой где-то за станцией, а пулеметчики и артиллеристы — прямо в вагонах. Полк готовился к новым боям. Нормальное питание мы начали получать еще с Темир-Хан-Шуры, а здесь даже усиленное.

Город Тифлис мне очень понравился. Большой, благоустроенный, с прекрасными парками и аллеями. Головинский, Михайловский проспекты, многие улицы произвели исключительно хорошее впечатление.

В конце марта полк по железной дороге был перебросен в Армению для освобождения ее от дашнаков. Дашнаки — это члены армянской буржуазно-националистической партии Дашнакцутюн и поддерживавшие

ее. Они в блоке с феодалами, меньшевиками и эсерами с оружием в руках выступили против Советской власти в Армении.

В 1920 году дашнаки воевали с Турцией. Турки захватили значительную часть Армении, в том числе Карскую, Сарыкамышленскую и Александропольскую области. Захватив Александрополь (Ленинакан), турки перерезали единственную железную дорогу, связывающую Тифлис с Эриванем (Ереваном). Железнодороги Баку — Нахичевань вдоль реки Аракс в то время еще не было.

Полк прибыл на станцию Караклис (Кировакан). Вблизи города находились турецкие позиции, против них стояли наши части. Боев с турками не вели, шли переговоры с Кемаль-Пашой о заключении мирного договора.

На второй или третий день мы двинулись из Караклиса на город Делижан. Вначале стычки с дашнаками были незначительные, но после Делижана, и особенно в районе деревни Еленовки, вблизи озера Севан, бои развернулись довольно сильные. Дашнаки стали применять артиллерию. Но перевес сил был на нашей стороне.

Полк продвигался вдоль шоссе и реки Зангу (Раздан) на Эривань. Упорное сопротивление дашнаки оказали в одной малоканской деревне (названия не помню) севернее деревни Сухой Фонтан. Выбив противника из этих населенных пунктов, полк повернул к южному берегу озера Севан через труднопроходимую горную местность. Дашнаки же начали поспешный отход в южном направлении, к Ирану. Их преследование было передано другим частям.

Вскоре наш полк подошел к Эриваню. Столица Армении уже была освобождена. Мы разместились в пригороде — в деревнях Норк и Канакир.

В период боев за Армению часто приходилось ночевать в деревнях. В Армении с давних времен живет много малокан и других сект. Из-за неподчинения новым церковным обрядам и упразднения самостоятельной духовной власти часть верующих переселилась из России в Армению и обосновалась в больших населенных пунктах с русскими названиями. Эти населенные пункты были точной копией наших деревень, только из-за

недостатка леса дома, сараи и заборы строились из камня.

Многие старинные обряды у них сохранились. Всех не помню, опишу только некоторые. Так, мужчины совершенно не брились и все ходили с длинными бородами. Нельзя было курить и пить спиртные напитки, носить оружие и служить в армии.

Но последний обычай не соблюдался. Когда мы пришли, почти все мужчины были вооружены. Они оказали упорное сопротивление дашнакам, а нам помогали. Надо полагать, что оружие они приобретали заблаговременно и тайно хранили или захватили в боях. Тайно пили и спиртные напитки.

Во многие дома хозяева нас не пускали, считая наше посещение осквернением. Стакан или кружку, которые давали нам попить воды, тут же выбрасывали, как негодные к употреблению. Многие имели «оскверненную посуду» и сохраняли ее специально для нас.

С таким русским населением я встречался впервые. Их отношение к нам производило неприятное впечатление. Рассказывали, что у нас так вели себя старообрядцы, или, как их называли в народе, староверы.

В армянских же деревнях, наоборот, относились к нам хорошо, делились лавашом с квашеными овощами и травами, брынзой и другими продуктами, были к нам более гостеприимны.

Дома совершенно не похожи на европейские. Большинство их врыто в землю, изнутри похожи на маленькую копию цирка. Жилая площадка круглая с проходами в стенах, ведущими по тоннелю в сараи, где размещался скот. Куполообразная крыша одновременно является и потолком, опирается на стены и деревянные столбы, установленные внутри дома. Одно или два окна выходят на крышу.

Посредине дома в земляном полу на метр в глубину вырыта круглая яма, называемая «тундыр». Стены в тундыре выложены отшлифованными каменными плитами или кирпичом, а щели гладко промазаны глиной. Тундыр — единственный отопительный очаг в доме. С улицы под землей к его дну проведена труба — поддувало. Приготовление пищи, выпечка хлеба (лаваша) производится здесь. Сверху над тундыром подвешивается на металлической треноге казан

(котел), в котором варится утром завтрак, днем обед, а вечером ужин.

Лаваш выпекается приклеенным к стенкам тундыра, а не посаженным на его дно. Хлеб, то есть лаваш, в каждой семье выпекается на продолжительное время, примерно на две недели и больше. Одна хозяйка с этим делом не может управиться. Поэтому в день выпечки в дом к хозяйке собирается пять-шесть соседей, и они, распределив обязанности, коллективно принимаются за работу. Одни тесто готовят (его не солят), другие раскатывают листами, как для домашней лапши, третьи накладывают их на специальные, в виде выпуклых решет, приспособления и ударяют тестом о стенку тундыра. Лист теста наклеивается на горячую стенку. Кто-то один следит за топкой и специальным крючком извлекает пропеченные лавашы. Готовые, они складываются в кладовке. Там засыхают и затем долго хранятся. При употреблении слегка смачивают водой, и они становятся мягкие.

Я очень любил армянский бутерброд. Он приготавливается из брынзы или сыра, трав тархун и реган. Их заворачивают трубкой в лаваш, как колбасу. Такие бутерброды очень вкусны с горячей пищей, чаем и как отдельная закуска.

Вокруг хорошо натопленного тундыра в вечернее время расстилают постели. На тундыр ставится широкий столик и накрывается большим ковром. Концов ковра хватает и для постели. Благодатное тепло идет под ним на спящих.

Единственный недостаток — это выход дыма из тундыра в жилое помещение, как в курных хатах моих Воронилович. Но армянские дома выше наших хат, дым стоит сверху и через специальный люк в крыше выходит наружу.

Зажиточные и особенно богатые строили дома европейского типа, с каминами, изразцовыми печами и хорошей мебелью.

Город Эривань мне не понравился. Улицы были узкими, грязными, большинство домов одно- и двухэтажные, мрачные. Зато хороша эриванская питьевая вода. По специально проложенным трубам она самоотеком за 20—30 километров из-под горы идет в Эривань, где по водопроводной сети обеспечивает город

чистой, холодной, вкусной водой. Лучше эриванской воды я не встречал нигде.

В июле или августе 1921 года полк расквартировали в курортном поселке Дарачагаг, что выше деревни Сухой Фонтан, на правом берегу реки Зангу. В Дарачагаге полк стоял до 1923 года.

Курортный поселок Дарачагаг славился минеральными водами, особенно нарзаном. Здесь были хорошие дома, в которых раньше отдыхала и веселилась богатая знать.

Война в Закавказье подходила к концу, и наш полк, как другие части, перешел на мирное положение. Частично проходила демобилизация старых возрастов, шло пополнение молодыми. Полк проводил положенные занятия, а в августе или сентябре в районе озера Севан заготавливал сено. Мы косили траву, сушили ее, складывали в копны.

В апреле 1922 года полк начал готовиться к параду в Эриване. Подгонялось обмундирование, снаряжение, проводились строевые занятия.

Мне уже было 23 года. Очень хотелось знать, что будет дальше, как сложится мирная жизнь. Как и где искать свою семью: мать, братьев, сестру, выехавших из Оренбурга в 1919 году? И вот в это время меня постигла одна из самых тяжелых неприятностей в моей жизни.

На рассвете 1 мая полк прибыл в Эривань и остановился на одной из улиц на трехчасовой отдых. Пулеметчики где-то достали свежих огурцов, угостили и меня. Ели огурцы многие. Конечно, без хлеба и соли. А через несколько часов у меня поднялась высокая температура, началась рвота. И меня прямо с парада доставили в госпиталь. Здесь установили диагноз — холера. Страшная по тем временам болезнь, а лечения почти никакого.

Госпиталь, видно, был создан недавно, возможно, временно. В отделении, где меня поместили, не было кроватей, тумбочек. Матрацы, набитые соломой, разложены рядами прямо на полу, на больных наброшены одеяла. Насколько я понимал, большинство больных было в тяжелом состоянии.

Я пробыл в госпитале, видимо, больше месяца. Что видел и перенес, тяжело вспомнить. Особенно угнета-

ла смерть товарищей по палате. В госпитале я был впервые за всю войну, ранений не имел. Тифа избежал.

Палата, куда меня поместили,—прямоугольная. Больные лежали в два ряда головами к стене, в ногах был проход. Всего больных размещалось 18—20 человек. Как-то утром в моем ряду стали умирать — один, второй, третий, четвертый. Очередь подходила ко мне. Я испугался. Схватил за угол свой матрац и перетащил в другой ряд. Там на меня шумели, но я втиснулся среди больных, заявив, что назад не пойду, и остался на новом месте. Мне казалось, что я ушел от смерти.

Однажды объявили, что нас эвакуируют в Тифлис. Наконец долгожданный день настал. В каком это было месяце, точно не помню. Группу больных, в том числе и меня, погрузили в санитарные вагоны. В Тифлисе нас перевезли в 4-й сводный госпиталь, который размещался в Навтлуге. Сколько я пролежал там, не помню, но думается, что пробыл несколько месяцев. Тифлисский госпиталь был хорошо оборудован, было достаточно медицинского персонала, медикаментов. Хорошее питание, уход и лечение быстро поставили меня на ноги.

Здесь меня посетил писарь моей пулеметной команды Григорий Черкасов. Он рассказал, что командирован на учебу. Стал часто посещать меня.

Когда я окончательно выздоровел и выписался из госпиталя, Черкасов с разрешения своего командования временно поместил меня в своей комнате. Там я прожил несколько дней. Врачи дали мне месячный отпуск с выездом на родину, но ехать мне было некуда. Хотелось узнать, где моя семья. Черкасов уговаривал остаться у него, но я решил поехать в Оренбург, где учился в военном училище муж моей сестры. С ним я изредка переписывался.

Путь из Тифлиса в Оренбург в те времена был очень тяжелым. Пришлось ехать на крышах и буферах вагонов, по несколько дней сидеть на станциях пересадок. Особенно запомнилась станция Кинель. В одну из ночей я там крепко уснул и, когда проснулся, обнаружил, что у меня из-под головы кто-то вытащил вещевой мешок с пожитками, а из карманов документы,

в том числе и партийный билет. Это для меня было не меньшим горем, чем перенесенная болезнь.

Остался единственный документ — отпускное свидетельство из госпиталя. Его нашел в одном из пустых карманов. Продуктового аттестата тоже не было. На обращение к военным властям получил ответ, что не надо зевать и помочь ничем не могут.

Без документов и продуктов более суток я добирался до Оренбурга. Но и там меня тоже ожидала неприятность. Михаил Баран, на помощь которого я надеялся, к этому времени окончил училище и выехал по назначению куда-то в Среднюю Азию.

Я оказался в безвыходном положении. Правда, разыскал нескольких старых знакомых, которые поддерживали меня продуктами, да и питательный пункт кое-чем помог. Но на продолжительную помощь рассчитывать не приходилось. В Оренбурге, как и в Поволжье, еще был голод.

Дня через два-три пустился в обратный путь.

Опять поддержал меня Черкасов. Прожил у него в Тифлисе несколько дней, привел себя в порядок.

В полк прибыл только к осени. Там произошли большие изменения. За мое отсутствие многие из моих сослуживцев демобилизовались, некоторые уехали на учебу. Полк стал трехбатальонного состава. Именовался он теперь 8-м Пензенским стрелковым полком, а дивизия — 3-й Кавказской. Великанов убыл в Москву на учебу. Командовал полком А. В. Ключков. Астрелин, как мне объяснили, умер. Комиссара Серикова куда-то перевели. В полку из старых служащих осталось очень мало.

Здесь уже побывали шефы из Пензенской губернии. Они привезли два вагона лаптей, плетенных из липового лыка. Я тоже получил две пары.

Меня временно назначили начальником пулеметной команды 3-го батальона, который, как я понял, не так давно передали нашему полку из какой-то расформированной части. Батальон находился в Нахичеванской автономной республике и был разбросан вдоль реки Аракс от станции Шахтахты до населенных пунктов Ордубад и Мегри. До организации пограничных войск батальон нес пограничную службу. Командовал им Трицкий. Оказалось, что начальник пулеметной

команды Морозов никуда не убывал и мое назначение было совершенно ненужным. После соответствующего запроса меня временно оставили его заместителем.

Хорошо запомнились мне бои с курдами у станции Шахтахты, в ущелье Волчьих Ворота и с контрабандистами в районах городов Ордубад и Мегри.

Еще до революции курды нападали на наши пограничные посты. В районах бывших застав сохранилось много могил пограничников. По горе Арарат проходила государственная граница между Персией (Ираном), Турцией и Россией. На персидской стороне Арарата жили кочевые племена курдов. Они были объединены в военные организации, имели своих генералов. Главным источником их жизни было скотоводство и грабеж.

Как-то они прислали нашему командиру батальона Трицкому письмо с ультимативным требованием предоставить возможность свободного перехода в Армению и обратно. Цель нам была известна, и поэтому любая их попытка перейти границу пресекалась. Не получив ответа на свой ультиматум, курды начали выслеживать наших пограничников и обстреливать из винтовок через реку Аракс. А ночью при попытке перейти границу завязывались бои.

Я часто бывал в Джульфе, где находился наш таможенный пост. Помнится, наши паровозы иногда проезжали мост через Аракс и заправлялись водой в персидской Джульфе. На нашей железной дороге от Эривани и до Джульфы все водокачки были уничтожены еще в 1920—1921 годах.

В Нахичевани населения было еще мало. До прибытия туда Красной Армии там между армянами и тюркским населением происходили национальная междоусобица, убийства, поджоги и даже бои. Много населения ушло в горы.

Постепенно налаживалась мирная жизнь. Было открыто несколько частных лавок, ларьков, работал небольшой базар.

Однажды сосед-армянин пригласил моего начальника Морозова, меня и еще двух-трех командиров на свадьбу своего сына. Было много народу, приезжали даже гости, жившие за пределами Армении. Раньше я никогда не был на праздниках у местного населения.

Лишь слышал рассказы о похищении девушек, о кровной мести, о примирении обиженного. Поэтому я с интересом смотрел, как шла невеста в дом жениха, как угощали всех встречающих на улице. Мы сидели за столом в комнате для мужчин. Женщины веселились в другой половине дома, куда мужчины не входили. Стол по тем временам был богато накрыт, достаточно было разных вин и закусок. Пели армянские и русские песни, танцевали. Исполнялись танцы разных народов Кавказа. Веселились до утра. Это была чудесная свадьба. После нее у нас появились новые друзья из местного населения.

Были у нас друзья и тюркской национальности.

В нашем доме, как и в других, особенно в разрушенных, ползало много скорпионов. Мои сослуживцы ставили ножки кроватей в банки с водой. Некоторые вскакивали ночью, им казалось, что в кровать забрался скорпион. Вскоре и я начал в ужасе вскакивать. По совету местных людей мы стали спать на кошме или бурке, у кого, разумеется, они были. У скорпиона мягкое брюшко, и он не терпит щекотания шерсти.

В Нахичевани я встретил 1923 год. А весной заболел малярией. Приступы ее повторялись через день.

Малярией болели многие наши товарищи. Кто-то рассказал, что если во время приступа окунуться в холодную воду, то сразу прекратится болезнь. У нас во дворе находился небольшой бассейн, он всегда был наполнен проточной водой из арыка. В нем многие купались. И вот однажды летом, когда стояла сильная жара, в момент приступа малярии я разделся, залез в бассейн и начал окунаться в воду. Она была не очень холодной. У меня появился еще больший озноб, и с этого времени приступы малярии стали ежедневными и очень сильными. А через некоторое время началась тропическая малярия. Я совершенно слег в постель.

В профилактических целях больным прописывали хину. От приема ее многие из нас были полуглухие и желтые. Так выглядел и я.

Меня положили в медчасть батальона, затем перевели в санчасть полка в Дарачагаг. Изредка навещали друзья. От них мне стало известно, что я должен уехать на учебу в Москву. Но малярия не проходила,

я совершенно обессилел. Дали отсрочку. Но и это время истекло.

Кто-то из штаба полка посоветовал подать рапорт об увольнении из армии. Я так и сделал. И вот наконец последовал приказ о моей демобилизации.

Но теперь стал вопрос, куда ехать. Я знал, что в Оренбурге моей семьи нет. Кто меня поддержит на первых порах трудоустройства? Куда податься?

Выбрал город Минск. Думалось, что отсюда легче будет разыскать семью.

Итак, окончилось мое участие в гражданской войне, служба в Красной Армии. Остались позади напряженные, кровопролитные бои. Я ехал в родную Белоруссию.

Поезд отстукивал километры, я приближался к Минску.

ОТ ВОЙНЫ И ДО ВОЙНЫ

Ну вот и Минск. Вернее, станция Минск. Поезд дальше не идет.

Где же устроиться на ночлег? Пожалуй, на вокзале. Города не знаю, знакомых здесь у меня нет. Выхожу на перрон. Ко мне подходит женщина и спрашивает:

— Может, нуждаетесь в ночлеге? Я живу рядом с вокзалом, на Петроградской улице, могу предоставить на ночь койку.

Конечно, я согласился. Дом деревянный, довольно вместительный. Там уже несколько заезжих, таких, как я. Комнат хозяйка не сдавала помесечно, а принимала нуждающихся в ночлеге только на одну-две ночи и за это брала довольно большую сумму. Это ей более выгодно, чем сдавать жилье на более длительный срок. Поэтому на мою просьбу она ответила категорическим отказом.

Ну что же — утро вечера мудренее. На следующий день после завтрака на вокзале занялся отыскиванием себе жилья. В первые два-три дня ничего не нашел. И только на третий или четвертый день удалось снять угол с койкой по Бобруйской улице в квартире сапожника.

Дом коммунальный. Комната, где стояла моя кровать, служила хозяину мастерской, столовой и приемной. Одним словом, это была главная жилплощадь в квартире. Комната маленькая, и зачастую посетители садили на мою кровать. Вторая комнатка служила спальней семьи хозяев. Сколько условился платить, теперь не помню, но у меня уже свой угол, и я был доволен.

Подыскав квартиру, сразу же стал на военный

учет. Мне выдали справку, что я нуждаюсь в работе. На бирже труда зарегистрировался по специальности — рабочий-кожевник. Конечно, работу сразу не получил, а мои скудные запасы требовали ускорить устройство на работу. Я начал ежедневно ходить на биржу труда и по учреждениям.

Как ни странно, но после проезда Ростова у меня ни разу не было приступа малярии. Я стал поправляться. Появился хороший аппетит.

Наконец биржа труда направила меня на работу на частный кожевенный завод по Старо-Виленской улице. Я был очень доволен. Завод оказался очень маленьким, только с зольным и дубильным отделениями. Здесь работало четыре-пять человек — семья хозяина. К моему огорчению, хозяин предложил работу только один день в неделю. Он даже высказался так:

— Поскольку тебя прислала биржа труда, скандалить с властями я не намерен. Буду платить за один рабочий день в неделю, но работы для тебя на заводе нет.

Конечно, я отказался от такой работы и вновь вернулся на биржу. Меня очень упрекали, что не сумел устроиться работать, и поставили на учет как штрафника, предложив явиться через неделю.

Но я все же ходил туда каждый день. Прислушивался, спрашивал о беженцах, думая найти кого-либо из своих Воронилович или хотя бы встретить знакомых прошлых лет. Но ни родных, ни знакомых не встретил.

К моему большому огорчению, я уже знал, что моя родина по Рижскому мирному договору еще с октября 1920 года отошла к Польше, что граница между Советским Союзом и Польшей — в сорока километрах от Минска. Из разговоров со случайными людьми на бирже и в квартире узнал, что в 1920—1922 гг. много бывших беженцев возвратилось в Западную Белоруссию. Считал, что, возможно, моя семья живет в Ворониловичах, хотя в этом уверен не был.

Прошел месяц. Работы по-прежнему нет. Семьи своей не нашел. Не было и знакомых. Мои скудные сбережения подходят к концу. Надо искать выход.

Выехать в Ворониловичи — это означало поселиться в Польше. В принципе выехать мог. Но там не мое

государство. Польша Пилсудского враждебно относится к Стране Советов, которую я с оружием в руках защищал. За станцией Негорелое мне делать нечего.

Решил обратиться в городскую парторганизацию. Рассказал там о своем положении. Меня направили в городской военкомат с предложением устроить на работу вне биржи труда, как командира Красной Армии. Военкомат, в свою очередь, направил меня в штаб 2-й Белорусской дивизии, которой командовал тогда А. Д. Локтионов. А из дивизии направили военруком в 6-ю городскую еврейскую среднюю школу.

Итак, я получил работу. Школа размещалась по Комсомольской улице. Директором ее был Капчиц. Это одиннадцатилетка, специальная школа для детей, родители которых лишены по Конституции права голоса, то есть не имели права избирать и быть избранными в Советы депутатов трудящихся.

Это было какое-то особое учебное заведение. Окончившие школу не имели права поступить в высшее учебное заведение.

Почему в такой школе проводилась военная подготовка, зачем учили детей военному делу, сказать трудно. Но я стал готовиться к занятиям и полностью включился в работу.

Занятость моя в школе была небольшой, оставалось много свободного времени. Начал знакомиться с городом, его достопримечательностями, посещать кино, изредка театр. У меня появились знакомые. Стал постепенно привыкать к своему положению, новой жизни.

Недостаточная занятость на работе толкнула меня обратиться снова в штаб 2-й дивизии с просьбой направить еще в одну школу и таким образом дать мне полную нагрузку. В штабе посоветовали обратиться в отдел школьной сети Наркомата внутренних дел, что я и сделал. В скором времени меня зачислили в одну из школ инструктором пулеметного дела. Теперь я был удовлетворен — нагрузка полная.

Для занятий выделили отдельное помещение — стрелковый кабинет. Кроме того, переселили с частной квартиры в общежитие школы. Стал получать военный паек. Как говорится — не было ни гроша, да вдруг алтын.

Мое второе место работы стало для меня главным.

Занятия в школе я считал продолжением службы в рядах Красной Армии. Это была школа, где готовились кадры для охраны революционного порядка и интересов трудового народа, строившего новую, социалистическую жизнь.

Я понимал, что врагами моего Советского государства, тружеников городов и сел являлись не только внутренняя контрреволюция и иностранная интервенция, которых Красная Армия разгромила и изгнала с нашей земли, но и уголовники, бандиты, воры, спекулянты, контрабандисты, взяточники и другие опасные элементы. Это — наследие прошлого, порожденное свергнутыми эксплуататорскими классами. Как черная оспа, оно гнездилось в молодом Советском государстве. И с ним надо было вести непримиримую борьбу.

Великая Октябрьская социалистическая революция одержала победу. Но завоеванием политической власти революция не была завершена. Перед страной встали новые задачи: закрепить завоевания пролетарской революции, подавить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, защитить республику от иностранной интервенции и внутренней контрреволюции. Необходимо было сломить старый буржуазно-помещичий государственный аппарат — аппарат угнетения и насилия трудящихся — и заменить его новыми, подлинно демократическими народными органами государственной власти и управления. Владимир Ильич Ленин в своей работе «Государство и революция» писал, что «...все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве».

Слом старой государственной машины, по идее В. И. Ленина, нужно было начинать с армии, полиции, жандармерии и суда, так как именно эти органы были оплотом буржуазной реакции. Их нужно было уничтожить прежде всего, чтобы обеспечить и закрепить успехи социалистической революции. И революционные массы трудящихся под руководством большевистских организаций ликвидировали полицию и жандармерию и на их месте создали новый подлинно народный орган охраны революционного правопорядка,

способный защитить их интересы. Пролетарскую милицию В. И. Ленин называл действительной классовой и революционной силой, «...способной *внушить доверие* всем беднейшим слоям населения, составляющим огромное большинство его, *помочь им организоваться*, помочь им бороться за хлеб, за мир, за свободу».

Падение царского правительства в феврале 1917 года и приход к власти Временного буржуазного правительства не изменили государственного аппарата, он лишь совершенствовался. Временное буржуазное правительство учредило «народную милицию», подчинив ее городским думам и ведомствам. На службу в «народную милицию» принимались бывшие полицейские, реакционные офицеры и студенты. Естественно, эта милиция была оплотом капиталистов и помещиков в борьбе с нарастающим революционным движением трудящихся масс.

Борьба с уголовной преступностью почти не велась. За первые шесть месяцев после образования Временного правительства число уголовных преступлений в Москве возросло в четыре раза. Очевидный рост уголовной преступности был и на местах. Так, по данным бывшего уголовного розыска города Витебска, рост преступности и ослабление борьбы с ним характеризуют следующие данные:

Виды преступлений	Июнь 1916 г.		Июнь 1917 г.	
	общее количество	раскрыто	общее количество	раскрыто
Кражи простые	71	52	179	36
Кражи на сумму свыше 300 руб.	10	6	144	41
Кражи со взломом	14	10	179	33
Разбой	—	—	7	2
Убийства и т. п.	—	—	3	1

Наследие прошлого, порожденное царизмом и Временным правительством, было мрачное.

В статье «Очередные задачи Советской власти»,

помещённой в газете «Правда» 18 апреля 1918 года, В. И. Ленин писал, что «все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией..., не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложения *не могут* иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и *нужна железная рука*.

Не было ни одной великой революции в истории, когда бы народ инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной твердости, расстреливая воров на месте преступления».

Поворот от гражданской войны к миру происходил в сложной политической и экономической обстановке. Страна была разорена четырехлетней империалистической войной и трехлетней борьбой против интервентов. «Россия,— писал В. И. Ленин,— из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти...»

Да, нужно было время, нужна была железная рука. Стране был нужен совершенно новый государственный аппарат. По предложению В. И. Ленина был образован Наркомат внутренних дел. 10 ноября 1917 года НКВД принял постановление «О рабочей милиции», которая, по идее Ленина, не должна была иметь «сходства с полицией. Милиция должна быть крепко связана с трудящимися, опираться в своих действиях на честных людей, которые заинтересованы в поддержании порядка в советском обществе».

В советскую милицию шли новые люди — лучшие представители рабочих, крестьян, работники умственного труда, горевшие желанием отдать свои силы на благо трудового народа. Они несли традиции первых отрядов рабочей милиции, зародившейся в огне революции 1905—1907 гг., традиции стачек иваново-вознесенских ткачей, традиции отрядов Совета рабочих депутатов города Николаева, отрядов рабочей милиции периода декабрьского вооруженного восстания в Москве. Подводя итоги первой русской революции, В. И. Ленин назвал рабочую милицию «единственным надежным оплотом революции».

С образованием Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем во главе с Ф. Э. Дзержинским милиция как в центре, так и на местах действовала в тесном контакте с органами ЧК.

Служить в школе пролетарского органа — в рабоче-крестьянской милиции, организатором и руководителем которой по указанию партии в бурные дни 1917 года в Белоруссии был Михаил Васильевич Фрунзе, я считал за честь, за продолжение выполнения присяги, принятой в рядах Красной Армии в годы гражданской войны.

Правда, школа была очень маленькая, она занимала только нижний этаж небольшого двухэтажного дома по Долгобродской улице. Ныне там билетная касса трамвайно-троллейбусного парка. В нижнем этаже этого дома размещалась вся школа с ее общежитием, классами, учебной частью, библиотекой, столовой. Там же была квартира начальника школы.

Было тесно и неудобно. В общежитии стояли железные солдатские койки с набитыми соломой матрацами и подушками. Вместо сеток матрацы лежали на досках. Между койками стояли тумбочки. Как койки, так и тумбочки были старые, некрашенные и очень скрипели. Но главное неудобство общежития заключалось в том, что здесь размещались другие службы. Оно служило залом для разного рода собраний, а по вечерам, в субботу и воскресенье, — зрительным залом для кино, концертов и постановок художественной самодеятельности, а иногда и для платных постановок и танцев.

Койки и тумбочки в таких случаях выносились в класс, а со двора вносились скамейки. По окончании концерта или танцев койки снова вносились, а скамейки выносились во двор. Нам зачастую приходилось ложиться спать, не успев убрать грязь с пола.

Это перевоплощение общежития в театральный зал, и наоборот повторялось дважды каждую неделю.

Классный зал для занятий был очень длинный и узкий, с одним окном. К нему мы садились лицом. Вход в класс был из общежития. Зал неудобный, к тому же в 1926 году здесь соорудили кирпичную будку для стационарной киноустановки.

Здание школы им. Фрунзе в г. Минске в 1922—1941 гг.
(Восстановлено после Великой Отечественной войны).

Столовая была тоже очень маленькой. Нашему небольшому коллективу приходилось есть в две смены.

Школьный транспорт состоял из одной лошади и повозки. За ними присматривал кладовщик С. М. Бич.

Рядом, во дворе, размещался питомник служебно-розыскных собак уголовного розыска республики. Это было дополнительным неудобством.

Кстати, питомник служебно-розыскных собак существовал здесь и в прежние времена. После освобождения Минска от польских оккупантов в 1920 году в ведение вновь созданного уголовного розыска перешел и этот питомник. В нем находилось десять годных к работе собак.

Первым начальником уголовного розыска стал некто Рутинский. Узнав о существовании питомника, он, долго не думая, приказал выгнать собак на улицу, а питомник закрыть. Чем руководствовался этот «мудрый» криминалист, давая такое распоряжение, сказать трудно. Возможно, он считал, что собаки, которые содержались для служебных целей в полиции при царской власти, да еще при оккупации Минска немцами и

полями, в советском розыскном аппарате нетерпимы, или он думал, что собака не может найти по следу преступника, что это лишь детская игра, пустая затея, неизвестно. Знаем только, что его приказ был выполнен немедленно. Питомник был открыт, и собаки, предоставленные самим себе, отправились искать лучших хозяев.

Но в 1923 году вновь создали питомник служебно-розыскных собак и разместили по соседству со школой. Стоял постоянный вой и лай собак. Их обучали дрессировщики С. С. Ехов, И. А. Гиндельгеш и другие. Слышались громкие команды:

- Держать, Трезор!
- Барьер, Герась!
- Взять, Герта!
- Апорт, Тарзан!

Все это очень мешало занятиям в классах, отдыху и вызывало отвращение ко двору, который к тому же еще был слишком мал.

И все же при таких условиях мы учились и учили людей.

В разоренной войнами стране трудно было найти подходящие помещения.

Долгобродская улица (ныне Варвашени), по которой размещалась наша школа, не намного моложе Минска. Длина ее около двух километров. Северным концом упиралась в Конную площадь. Здесь и стояло здание нашей школы.

От школы она, как и теперь, шла на юг, пересекала главную магистраль — Советскую улицу (ныне Ленинский проспект). Затем переваливала возвышенность с польским кладбищем — Золотую горку и от Белоцерковной улицы шла мимо военного кладбища. Дальше на ее пути встречался летом небольшой, а весной бурный, с глубоким оврагом ручей Слепянка с долгим бродом.

Долгий брод — это длинная лужа вдоль улицы. Через лужу весной и особенно осенью можно было переехать только верхом на лошади или на пустой телеге.

Учебная база школы была тоже бедна. Вся библиотека и учебные наглядные пособия размещались на трех полках в небольшом кабинете начальника учеб-

ной части. Этот же кабинет являлся и комнатой для преподавателей.

В школе был один взвод, или учебная группа, которую возглавлял А. О. Липский, ныне пенсионер, живет в Минске. Учащиеся именовались курсантами. Большинство их было участниками гражданской войны, даже империалистической, бывшие работники милиции 1917—1920 гг. Все они выходцы из рабочих, батраков, бедняков, кровно связанные с трудовым народом и заинтересованные в строгом поддержании революционного правопорядка. По своему общему образованию курсанты были примерно на одном уровне.

Если классные занятия в присутствии преподавателя проходили тихо, спокойно, разъяснения выслушивались с большим вниманием, то в вечернее время всегда было очень шумно, много спорили, доказывая что-либо друг другу. В часы самоподготовки в классе почти все читали вслух.

Общеобразовательные предметы давались тяжелее. Зато изучение винтовки, пулемета и гранат шло легко. Эта грамота была хорошо усвоена еще в окопах или в борьбе с многочисленными бандами.

Практика курсантов по борьбе с преступниками проходила в Минске и являлась разнообразной. Здесь было чему учиться. В то время шла борьба с контрабандистами, фальшивомонетчиками, вооруженными и невооруженными грабителями, взломщиками, карманщиками, мошенниками, спекулянтами и другими паразитическими элементами.

Вчерашние солдаты, рабочие, батраки, бедняки совершенствовали свои знания, чтобы стать в ряды тех, кто охраняет мирный труд советских людей.

Страна нуждалась в своих, преданных ей кадрах. С этой целью и создавались школы, которые вместе с другими органами управления явились началом большого пути становления и упрочения Советской власти.

К сожалению, в школе пришлось работать недолго. Через год меня перевели в Главное управление НКВД на должность заведующего оружием. Главное управление в то время размещалось в доме на углу улиц Советской и Свердлова, а позже — в таком же доме, только на углу Ленинской и Юрьевской улиц. Работа с

оружием для меня была интересной, но вместе с тем и неудобной, так как я подчинялся и начальнику снабжения Главного управления и начальнику снабжения городского управления.

Одновременно продолжал работу военруком в 6-й еврейской школе.

Для повышения своего общеобразовательного уровня в 1924 году поступил в вечернюю совпартшколу при Октябрьском райкоме КП(б)Б. Меня зачислили в группу, где учились главным образом работники НКВД. Школу окончил в 1927 году.

В 1924 году нашу страну постигло большое горе — умер Владимир Ильич Ленин. День 22 января мне запомнился на всю жизнь. Я работал в оружейном складе, когда ко мне зашел мой начальник Евгений Михайлович Балабушевич и, не здороваясь, немного постояв, тяжело выговорил:

— Вчера умер Ленин.

Эти слова потрясли меня. Я крикнул:

— Неправда!

И не удержался, заплакал. Это были мои первые слезы, когда стал взрослым человеком. Балабушевич больше ничего не сказал, у него тоже были слезы на глазах.

Ко мне заходили и уходили товарищи. Но никто не разговаривал. Постоят молча и уйдут. Работа валилась из рук. Народ скорбил о преждевременном уходе от нас Владимира Ильича.

До этого несколько месяцев в газетах печатались бюллетени о болезни Ленина, все их читали, но никто о таком роковом исходе не думал. Ведь Ленин еще молодой, ему нет и 54 лет. Каждый думал, что он победит недуг, выздоровеет. Ленин не может умереть. И вдруг такое ошеломляющее известие. Дни тянулись медленно. У всех была одна и та же мысль, что же будет дальше, устоит ли Советская власть без Ленина.

В учреждениях проходили митинги, посвященные памяти Владимира Ильича. Выступавшие говорили мало, чувствовалось, что все убиты горем.

27 января, в день похорон В. И. Ленина, я шел в колонне работников НКВД на площадь Свободы, на митинг. Стоял 20-градусный мороз. Довольно боль-

шая площадь Свободы не могла вместить всех желающих присутствовать на митинге. Колонны людей с траурными знаменами стояли по улицам Ленина, Энгельса, Интернациональной, Революционной. Наша колонна остановилась между зданиями ЦИК и Совнархоза БССР.

В тот скорбный день во всех городах, селах и даже на железнодорожных путях нашей страны на пять минут были приостановлены все работы. А когда гроб с телом Владимира Ильича вносили в Мавзолей, раздались траурные гудки фабрик, заводов, паровозов, морских и речных кораблей. В эти минуты все сняли шапки и стояли с обнаженными головами, отдавая последний долг своему вождю Владимиру Ильичу Ленину.

В 1926 году меня вновь перевели в школу, размещавшуюся по-прежнему по улице Долгобродской. К этому времени ее значительно расширили. Отдали одноэтажный деревянный дом по Советской улице.

В 1927 году контингент учащихся еще больше увеличился. Снова улучшили размещение. Постепенно укомплектовали хороший преподавательский состав. Вели занятия Иван Григорьевич Шахотько — по белорусскому языку, Гермоген Митрофанович Терравский — по русскому языку, Михаил Григорьевич Гулякевич (ныне член Верховного Суда БССР) — по уголовному праву, Михаил Маркович Малкин — по уголовному процессу, Федор Леонтьевич Долгополов — по политэкономии. Позже в школе читали лекции по отдельным предметам такие высококвалифицированные преподаватели, как Исаак Натанович Фридман, — консультант по уголовному законодательству Совета Народных Комиссаров БССР, профессора Василий Федорович Чарваков — по судебно-медицинской экспертизе, Михаил Осипович Греденгер — по гражданскому законодательству, Гольблят — по психиатрии. Привлекались к чтению лекций и проведению занятий преподаватели Объединенной белорусской военной школы: Абрам Миронович Меркин — по истории партии, Лукьян Антонович Соколовский — по топографии, Александров — по теории стрелкового дела. Часто читал лекции Алексей Андреевич Скапин из Управления пограничных войск.

Регулярно посещали школу, читали лекции и вели практические занятия ответственные работники республиканских управлений и отделов НКВД, такие, как заместитель начальника уголовного розыска республики Исаак Семенович Чертов, начальник оперативного отдела Михаил Миронович Чертов (ныне пенсионер, живет в Ленинграде), начальник научно-технического отдела Михаил Михайлович Бурцев (погиб в Отечественную войну) и другие.

В школе не раз встречали председателя ЦИК БССР Алексея Григорьевича Червякова и председателя Совнаркома Иосифа Александровича Адамовича, наркома внутренних дел и его заместителей.

Школа стала средним учебным заведением. 7 декабря 1925 года Совет Народных Комиссаров Белоруссии с целью увековечения памяти Михаила Васильевича Фрунзе официально присвоил школе имя М. В. Фрунзе.

Мы гордились этим именем и носили его с честью. Еще в 1925 году я стал семейным человеком, получил хорошую квартиру на площади Свободы. В том же году как командира Красной Армии меня зачислили на вечерний курс Объединенной белорусской военной школы. По окончании ее меня направили на три месяца дублером командира пулеметной роты в 24-й стрелковый полк 8-й дивизии, стоявшей в Бобруйске. Это способствовало моему общеобразовательному и военному развитию.

После тяжелой разрухи, вызванной первой империалистической и гражданской войнами, немецкой и польской оккупацией, Белоруссия, как и вся страна, постепенно залечивала раны и развивала промышленность и сельское хозяйство. В магазинах и на рынках появилось больше продуктов, промышленных товаров. Отменили карточную систему, закрыли биржу труда. Страна покрылась строительными лесами.

К этому времени я хорошо знал Минск, он мне нравился. Особенно центр города и его улицы — Советская (бывшая Захарьевская), Ленинская (Губернаторская), Карла Маркса (Подгорная), Кирова (Магазинная), Энгельса (Петропавловская), Комсомольская (Богодельная), Свердлова (Коломенская), Республиканская (Романовская), Интернациональная (Преображен-

ская), Революционная (Койдановская), Немига и другие.

Знал и окраины города — Комаровку, Цнянские болота, Сторожевку, Переспу, Людамонт, Ляховку, Тучинку, Грушевский поселок, Сеньжаны, Серебрянку, Козырево, Антоново и Три корчмы — позже поселок имени Коминтерна.

Многие окраины города были похожи на мою деревню Ворониловичи. Взять хотя бы завокзальный район, близкий к центру города, такие улицы, как Койдановский тракт (ныне Чкалова), Каменная, Гражданская, Слонимская, Красивая, Уфимская, Толстого, Тифлисская и другие. Вдоль улиц стояли деревянные дома с сараями во дворах, садиками, огородами, декоративными деревьями, огромными кленами, березами, тополями и соснами. Улицы были неблагоустроены, летом зарастали зеленой травой. Здесь пасли коров, коз, свиней, ходили куры. Зимой все заносило снегом так, что трудно было не только проехать, но и пройти. Ну чем не наши Ворониловичи: только воду брали не из колодцев с «журавлями», а выкачивали из колонок насосом. Вот и все внешнее различие. Из домов доносился стук деревянных ткацких станков — кросен. Это хозяйки ткали холст.

Население разговаривало на смешанном русско-белорусском языке. Одежда была очень простая, особенно в будние дни. Многие мужчины и женщины носили верхнюю одежду из самотканого серого сукна, зимой — полушубки. Население окраин города — в большинстве переселенцы из деревень.

Хорошо помню городские рынки (базары) — Виленский, Троицкий, Нижний, Рыбный, Ятки, Конный. Я часто бывал на Троицкой горе, на рынке. Ныне это площадь Парижской коммуны с известным в Белоруссии театром оперы и балета.

Я жил в угловом доме от площади Свободы по Козьма-Демьяновской улице. В народе ее звали «Між цёмных крам». Улица действительно была очень темная и настолько узка, что две подводы разъехаться не могли. На Троицкий рынок мы ходили пешком, а иногда ездили конкой. Она проходила с площади Свободы по улице Бакунина и дальше по Коммунальной (ныне Максима Горького).

Рынок на Троицкой горе был копией базара в Ружанах, только больших размеров. Сюда съезжались крестьяне из окрестных деревень и привозили свои нехитрые товары: жиры, мясные и молочные продукты, мед, воск, пшеницу, рожь и другое зерно. Здесь продавались картофель, фрукты, ягоды, грибы, гончарные и столярные изделия, ткани, дрова, сено — все, что производилось трудом сельского труженика.

На рынке можно было встретить людей в одежде от городского покроя и до полесской свитки, в сапогах и в лаптях, сплетенных из липовых лык, веревочных и сшитых из кожи с десятью ушками и без ушек, стянутыми ремешками по краям. Сюда приходили люди близкие и понятные мне. Я очень любил ходить по базару и прицениваться к разным товарам. Часто покупал сухой крестьянский сыр, который очень любил.

В 1925—1926 годах в стране, в том числе и у нас в Минске, особенно в ученом мире, практиковались диспуты на разные темы. На один из таких диспутов попал и я. Темой было: «Родился ли, жил ли, умер ли и вознесся ли на небо Иисус Христос?» Диспут состоялся в здании еврейского театра по улице Володарского, ныне русский театр имени А. М. Горького. Главным докладчиком был епископ Ведынский. Оппонентами — профессора Белорусского и Харьковского университетов, член ЦК КП(б)Б Щукевич-Третьяков, а главным оппонентом — бывший профессор богословия Никольский.

Довольно вместительный зал и второй ярус — балкон театра — были переполнены. Диспут платный, и входные билеты продавались и перепродавались нарасхват. Первый и второй ряды заполняли священники, раввины и другие церковные служители. Как и следовало ожидать, аудитория разделилась на сторонников Ведынского и сторонников оппонентов. Ведынского поддерживали первые ряды. Уже первый выход его на трибуну в этих рядах вызвал аплодисменты.

Ведынский был одет в суконную тогу повседневной носки, с массивным крестом на груди и палицей на золотых цепях. Среднего роста, с черными подстриженными «под польку» волосами, маленькой клинообразной бородкой, с узкими прорезями глаз, Ведынский был похож на восточного человека.

Красивая русская речь, простота изложения своих мыслей, умение аргументировать их, находчивость в споре внушили аудитории вначале некоторое уважение к докладчику, как к ученому. Он подробно рассказал о жизни Христа со дня рождения и до смерти. Доклад длился около двух часов и был насыщен цитатами из литературы тысячелетней давности, а также более современной.

Далеко не во всем разобрался я, но очень многое понял. Меня удивило, почему такой диспут разрешили.

Во время и после гражданской войны духовенство, особенно высшее (а это те же капиталисты и помещики, только в рясах), было на стороне контрреволюции. Многие из служителей культа для борьбы с трудящимися использовали не только церковь и монастыри, но и огнестрельное оружие. Некоторые бежали за границу. Оставшиеся постепенно изменяли форму борьбы и всеми силами стремились удержать массы под своим влиянием, помешать социалистическому строительству в городе и деревне. Требовалось развенчать идеологию церковников, показать народу, что бога нет и не было. С этой целью, как я потом понял, и устраивались дискуссии.

Из выступлений оппонентов особенно запомнилось окончание речи профессора Харьковского университета, который обратился с вопросом к Веденскому:

— Чем заслужила Земля, что бог послал своего единого сына именно к нам? Если же он посылал сыновей и на другие планеты, то сколько было сыновей у бога?

На этот вопрос Веденский не ответил, сказав, что так могут спрашивать лишь ученики 2—3-х классов, а не профессора.

Помнится выступление Щукевича-Третьякова. Он научно обосновал физическую невозможность хождения человека по воде. Показал, что в религиозных легендах упоминались подобные человеко-боги еще до христового века. Например, Будде и ему подобным приписывали такую же способность ходить по воде. Следовательно, религиозное учение о Христе позаимствовано из легенд у других народов.

Выступление Щукевича-Третьякова вызвало бурю аплодисментов задних рядов зала и на балконе.

Он юридически доказал, что не могли в Иерусалиме слышать пение петуха, так как в те времена законом запрещалось содержать кур, а ослушники карались смертью.

В ответном выступлении Веденский все доводы Щукевича-Третьякова обошел и только насчет запрета содержания кур сказал, что и в наш век запрещена контрабанда, однако дефицитные товары тайно доставляются во многие государства и в большинстве случаев удачно. Могло быть тайное содержание каким-нибудь знатным вельможей или контрабандистом кур и в Иерусалиме.

— Воистину ваша речь на смех курам! — закончил свою речь Веденский.

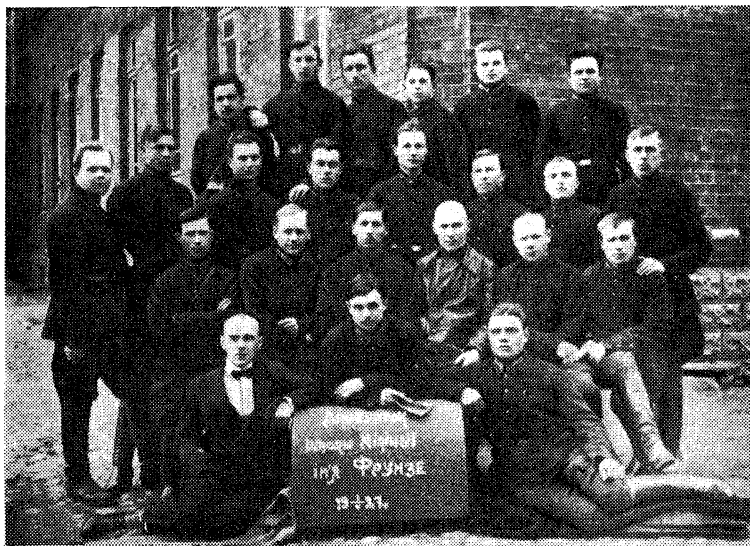
Этот выпад вызвал в зале бурю возмущения.

Выступление профессора Никольского было выслушано с исключительным вниманием. Он имел физический недостаток — заикался, и каждый хотел помочь ему выговаривать трудные слова.

Прежде всего Никольский указал Веденскому на его нетактичность: Веденский цитировал его труды, от которых он, Никольский, публично отказался. Эти труды написаны им в бытность учителем богословия в семье царя Николая II, написаны вынужденно, под диктовку высокопоставленных церковных властей, о чем Веденскому хорошо известно. Труды, написанные позже, Веденский почему-то игнорирует.

Профессор Никольский подробно остановился на Евангелии, на которое ссылался и Веденский. Рассказал, кем и когда оно написано, кем исправлено, кто внес изменения и какие существуют в нем противоречия. Дальше охарактеризовал процедуры похорон тех времен и показал, что снятый с креста мертвый не мог воскреснуть, а заживо похороненный вполне мог прожить в могиле три дня и не задохнуться, так как земли не засыпался, а лишь закрывался сверху каменной плитой. В заключение Никольский спросил Веденского:

— Какими документами или трудами можно доказать, где именно родился Иисус Христос? Даже в Евангелии на этот счет много противоречий. Например, в Евангелии от Матфея написано, что Христос родился в доме своих родителей в Вифлееме, где они жили

Драматический кружок школы им. Фрунзе в 1927 г.
(Руководитель Гринев).

безвыездно. В Евангелии от Луки сказано, что родители Христа проживали в Назарете. В Евангелиях от Марка и от Иоанна место рождения Христа вовсе не упоминается. По более ранним толкованиям Иисус Христос явился на землю сразу взрослым человеком. Так была ли такая историческая личность, как Иисус Христос?

Веденский не смог ответить на эти вопросы и от заключительного слова отказался.

Мне уже тогда подумалось, что аргументы Никольского против религиозной легенды о Христе были более вескими, чем у Веденского.

В 1926 году у меня увеличилась семья: родилась дочь. Забот прибавилось. Из 6-й еврейской школы я ушел и стал работать только в школе НКВД. Сначала был командиром взвода, потом помощником начальника школы по строевой части, а позже начальником учебного отдела — заместителем начальника школы. Работа мне нравилась, и я отдавал ей все свое свободное время.

Школа комплектовалась демобилизованными из Красной Армии солдатами, младшими командирами, комсомольцами по путевкам. Люди приходили молодые, развитые, грамотные. Здесь обучались белорусы, русские, евреи, поляки, украинцы и даже цыгане. Школа была, в полном смысле, интернациональная. Конечно, большинство курсантов — белорусы.

Хотя время и стерло многое из памяти, но кое-что и сейчас хорошо помню. Из случайно сохранившихся и разысканных фотографий смотрят на меня знакомые лица: курсанты Плащинский, Барадулько, Лисовский, Мнишка, Лабада, Котов, Пискунов, Пукальчик и другие. О некоторых хочется рассказать более подробно.

Николай Васильевич Пукальчик родился в деревне Руссиновичи Минского уезда. У отца было полтора гектара земли, хата, одна корова. До революции семья жила очень бедно. Постоянным и единственным местом работы как отца, так и подростков-детей было имение помещика Аниховского, что в полукилометре от Руссинович. Взрослые и дети работали от темна и до темна. И, несмотря на это, часто ложились спать без ужина.

Оплата за труд была мизерной, но других работ не было. Так жили и другие односельчане Пукальчика.

Началась империалистическая война. Руссиновичи в числе многих других деревень Белоруссии оккупировали немецкие войска. До ноября 1918 года они хозяйничали как колонизаторы.

В конце 1918 года Советская власть установилась в деревне, но ненадолго. В марте 1919 года на молодую Советскую республику напали легионы Пилсудского, и Руссиновичи снова оказались под властью интервентов.

На оккупированной территории установился военно-колониальный режим грабежа, насилий и издевательства над населением. В бывших имениях вновь стали хозяйничать помещики. Вернулся и Аниховский. Для крестьян ввели принудительный труд. Рабочий день в имении установили 12 часов, а оплата за труд была ничтожной. У крестьян насильственно изымали скот, хлеб и другие продукты и все увозили в Польшу.

Под руководством агентов польской охранки, Бу-

лак-Булаховича, Савинкова и им подобных из кулацких и уголовных элементов создавались банды. Они рыскали по деревням, сжигали мосты, школы и другие постройки общественного пользования, терроризировали население, а подозреваемых в сочувствии Советской власти расстреливали на месте или увозили в тюрьмы, откуда уже никто не возвращался.

Но как и в период немецкой оккупации, на занятой польскими войсками территории развернулось партизанское движение. В Русиновичах тоже был создан партизанский отряд, в который вступил и Николай Пукальчик. Отряд охранял деревню и часто сам нападал на банды. На счету Николая числилось четыре убитых бандита.

В июне 1920 года Красная Армия освободила Минск, а в начале 1921 года был заключен мир с Польшей.

В 1922 году в Русиновичах организовалась комсомольская ячейка, в которую вступил и Николай Пукальчик. Позже он стал ее секретарем.

В 1925 году по рекомендации партийной и комсомольской организаций Самохваловичской волости, в которую входили и Русиновичи, Николай приехал в Минск и был принят в ряды милиции. Сначала работал постовым в 1-м отделении милиции, а через год его направили на учебу в нашу школу.

— Пребывание в школе, — рассказывал потом Николай Васильевич Пукальчик, — было лучшим периодом в моей жизни. Школа явилась для меня академией. Я здесь изучал не только военные и специальные дисциплины, не только формы и методы борьбы с уголовно-преступными элементами, но и повышал общее образование. Активно участвовал в художественной самодеятельности. Мне очень нравились хоровой и драматический кружки. Часто выступали мы не только в школе, но и в клубах совторгслужащих по улице Энгельса и деревообделочников по Советской улице.

Особенно хорошо помнятся выступления в народном театре «Белорусская хатка», который находился в ста метрах от нашей школы, на Конной площади — бывшем конном базаре.

Конечно, такие театры, как Первый белорусский государственный драматический по улице Карла Марк-

са, Красный зал по улице Урицкого или театр по Московской улице, нам были не по плечу. Мы изредка там бывали только зрителями и то на галерках. Но в клубе пролетарской молодежи — «Хатке» мы были своими людьми. Смотрели не только кинокартины, концерты, но часто и сами выступали, ставили современные постановки, даже платные.

«Белорусская хатка» — этот народный театр, был очень популярным, особенно среди молодежи. Старожилы помнят, что клуб «Хатка» — это не только сравнительно небольшое деревянное здание. Он сыграл в развитии белорусского театрального искусства огромную роль. В двадцатых годах в «Хатке» ставились пьесы Максима Горького, Антона Чехова, Владимира Маяковского, Янки Купалы, Якуба Коласа. В «Хатке» начинали свой творческий путь такие таланты, как народные артисты СССР Борис Викторович Платонов, Лидия Ивановна Ржецкая, Александр Константинович Ильинский и другие известные в республике артисты.

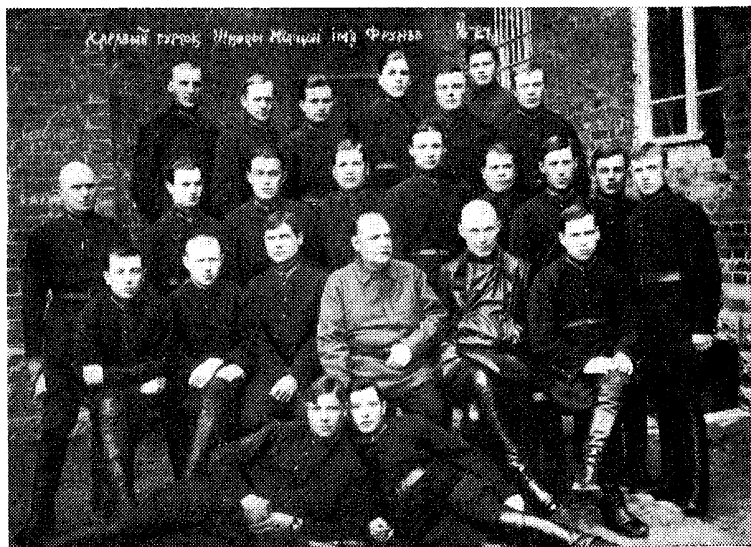
Мы очень любили «Белорусскую хатку» и с большой охотой играли на ее сцене.

На Конной площади, вокруг «Хатки», мы часто проводили строевые занятия, а на крыльце клуба во время перерывов отдыхали.

В противоположную сторону от школы была площадь с интересным названием — Золотая горка. На ней почти каждое утро мы занимались спортом. Эти две площади — Конная и Золотая горка, были нашим излюбленным местом занятий днем, а вечером здесь курсанты назначали свидания с девушками.

По окончании школы Н. В. Пукальчик работал участковым инспектором в Логойском районе, позже — заместителем начальника милиции Костюковичского района, а потом — начальником милиции Узденского района. Ему не раз приходилось участвовать в ликвидации банд, уголовных шайк и других паразитических элементов. В 1929 году за активное участие по уничтожению банды и поимку ее главаря — резидента польской дефензивы Зубовича в Логойском районе — Николая Васильевича наградили ценным подарком — часами.

В Великую Отечественную войну Пукальчик был на фронте, тяжело ранен.

Хоровой кружок школы в 1927 г. (Руководитель П. А. Шишков).

Член партии с 1928 года. Ему уже под семьдесят лет, но чувствует себя хорошо, работает директором подсобного хозяйства Белорусской железной дороги.

Многие бывшие курсанты нашей школы были на руководящей работе не только районного звена, но областных и республиканских учреждений. Так, полковник Петр Платонович Крюков работал начальником паспортного отдела Министерства внутренних дел БССР. Полковник Александр Леонтьевич Радюк — начальником Пинского областного управления НКВД. Подполковник Иван Васильевич Меженный — заместителем начальника отдела кадров Министерства внутренних дел БССР, а по выходе на пенсию работал в Министерстве иностранных дел БССР. Полковник Александр Александрович Ошуйко до войны заочно окончил Военную Академию имени Фрунзе, а в Отечественную войну командовал дивизией. При освобождении Орши он погиб. В Орше А. А. Ошуйку установлен памятник, его именем названа одна из улиц города.

Состоящий из трудового народа, личный состав школы имени М. В. Фрунзе был в первых рядах защитни-

ков своей Родины и в Великую Отечественную войну. Вместе с частями Красной Армии курсанты и преподаватели с боями отходили из Минска на Могилев.

11 июля 1941 года из 250 бойцов и командиров там был создан батальон под командованием капитана милиции Константина Григорьевича Владимирова. Комиссаром батальона назначили преподавателя марксизма-ленинизма Кузьму Филипповича Чернова. В состав батальона вошла и Минская школа имени М. В. Фрунзе.

12 июля командование 172-й стрелковой дивизии поставило задачу — батальону милиции занять оборону в районе деревень Старое Пашково — Гаи, что северо-западнее Могилева, и прикрыть подходы к железнодорожному узлу со стороны шкловского шоссе.

Несколько дней батальон милиции упорно удерживал свой рубеж. Бойцы и командиры, курсанты и преподаватели, несмотря на ураганный огонь артиллерии и минометов, не дрогнули, не отступили. Раненые, способные держать оружие, оставались в боевых порядках. Когда раненым Касьянову и Бурмистренку Владимиров сказал: «Отправляйтесь немедленно на перевязочный пункт, ведь вы обливаетесь кровью!», то они ответили: «Сейчас вся страна обливается кровью, товарищ капитан, и мы никуда не уйдем».

Остался в окопах и раненный в кисть правой руки комиссар батальона К. Ф. Чернов.

Шесть суток без сна и отдыха под непрерывающимся пулеметным, минометным и артиллерийским огнем стояли насмерть бойцы батальона. Гитлеровцы не раз переходили в атаку, но, понеся большие потери, откатывались назад.

День 18 июля 1941 года был особенно трудным. В 14 часов противник бронированной лавиной обрушился на сильно поредевшие шеренги защитников Могилева. Нависла угроза прорыва фашистов к железнодорожной станции, и тогда капитан К. Г. Владимиров, раненный в ногу и голову, поднял остатки батальона в контратаку.

— Умрем за Родину! — с такими словами ринулись вперед бойцы.

Все, кто мог стоять на ногах, поднялись за своим командиром. Схватка была короткой. Пали смертью храбрых капитан К. Г. Владимиров, бойцы — работни-

ки милиции Кутаков, Касьянов, Бурмистренко, Каган, Мельников и многие другие. Лишь 19 человек осталось в живых.

Но и батальон уничтожил более 400 фашистов и много боевой техники.

Но вернемся к событиям двадцатых годов.

В первый послевоенный период, особенно в 1923—1927 годы, в Белоруссию забрасывалось много банд с территории Польши. Бандиты убивали партийных и советских работников, грабили магазины в сельской местности, угоняли и истребляли скот, уничтожали хлеб, терроризировали население. А такие главарь банд, как Монич и Шевченко, годами были неуловимы. Когда же нападали на их след, они уходили в Польшу, отсиживались там, а потом, выполняя волю своих зарубежных покровителей, снова появлялись у нас и творили свои черные дела.

Особенно возмутительным было убийство в 1927 году заместителя председателя ГПУ Белоруссии Иосифа Казимировича Опанского.

Школа не раз прекращала занятия и выезжала в леса Березины, на Мозырщину, где участвовала в ликвидации банд или преследовала их до границы. К концу 1927 года все банды были ликвидированы.

В 1929 году я прошел переподготовку на курсах усовершенствования командного состава (КУКС) имени Ленина в Ленинграде. Курсы размещались в здании бывшего Владимирского юнкерского училища на Большой Гребецкой улице. Это место знала вся страна. Здесь был последний оплот контрреволюции в 1917 году. В этом здании яростно сопротивлялись остатки юнкеров, кадетов и другое контрреволюционное отребье. Фото-снимок пробитых снарядами стен был помещен в первом Кратком курсе истории ВКП(б) под редакцией Е. М. Ярославского. Теперь здесь учились бывшие кожевники, шахтеры, железнодорожники, крестьяне.

Ленинград мне очень понравился. Чудесные улицы, площади, дома, памятники, парки, красавица Нева и ее набережные. Да разве все перечислишь! Я восхищался Эрмитажем, картинной галереей. Посчастливилось побывать в Кронштадте, в Торговом порту, Народном доме и его парке, в Петропавловской крепости, даже в Монетном дворе.

В том же 1929 году у меня увеличилась семья — родился сын Вова. Как хорошо устроена жизнь! Как хотелось увидеть свою мать и порадоваться вместе с ней!

В 1930 году начальнику школы Александру Васильевичу Атаманову (погиб на Курской дуге в должности заместителя командира дивизии по политчасти) и мне разрешили посетить школы нашего профиля в Москве, Киеве, Харькове.

В Харькове мы побывали на тракторном, паровозостроительном имени Коминтерна, велосипедном заводах и на заводе электротелефонного оборудования. Здесь я впервые увидел заводы тяжелой индустрии, в цехах стояли разнообразные металлообрабатывающие станки. Они произвели на меня неизгладимое впечатление. За станками стояли люди, советские специалисты. Все механизмы подчинялись им. Так я увидел производство первых ста тысяч тракторов, о которых мечтал великий Ленин.

В Киеве, после приема наркомом Балицким, мы направились на Лысую гору, в школу старшего начальствующего состава. Школа располагала всем необходимым современным оборудованием. Прекрасные общежития, просторные классы, учебные кабинеты, подсобные службы, спортивные сооружения. Мы побывали в оперном театре, музее, на Днепре, в Софийском соборе, Лавре, обошли Крещатик, Владимирскую горку, осмотрели могилу Оскольда, памятник Богдану Хмельницкому, Тарасу Шевченко. Я был благодарен за предоставленную возможность посетить Киев.

Затем мы выехали в Москву.

В Центральной Высшей школе (сокращенно ЦВШ) нас хорошо встретили. Мы впервые были в Москве. После отдыха нам показали Кремль, площади, улицу Горького и некоторые другие достопримечательности города. Вечерами, как и в Киеве, мы знакомились с постановкой учебного процесса. Побывали в Мавзолее Ленина, в Историческом музее, Третьяковской галерее и парке имени Горького.

В Москве мы пробыли 6—7 дней, а всего наша служебная поездка длилась более двух недель. Так я бывал в местах, о которых раньше только мечтал.

Хорошо бы самому окончить ЦВШ! Тогда я был бы полноценным оперативным работником. Но для того

Александр Васильевич
Атаманов — начальник
школы им. Фрунзе,
гор. Минск.

чтобы попасть в ЦВШ, нужно иметь законченное среднее образование, а у меня было только семь классов. Надо готовиться и поступить в вечернюю школу. Иначе рано или поздно мне предложат уступить место более подготовленному человеку. Козыри моего прошлого — происхождение, участие в гражданской войне могут быть битыми.

Так оно и случилось. Летом 1931 года из Москвы прибыл Е. С. Щепетнев, окончивший ЦВШ, и предъявил документы о его назначении на мое место. А мне даже должность преподавателя не предложили. Получилось, как говорится, с большого бега — резкая остановка. Все мне сочувствовали, но с работы

я должен был уйти. Школе нужны хорошо подготовленные преподаватели, имеющие высокое общее и специальное образование.

Не помогли и награды за хорошую работу в школе. А кроме юбилейных поощрений я был награжден именными часами, оружием и знаком почетного работника НКВД. Все это пришлось сложить в ящик стола как знаки внимания прошлого.

В школе я проработал 8 лет. Что она мне дала? Конечно, здесь я вырос. Вращаясь в кругу образованных людей, я многое от них перенял. Прослушал курс лекций по специальным дисциплинам. Окончил Совпартшколу. Прочитал много художественной и специальной литературы. Мой кругозор расширился. Конечно, я мог работать и в другом месте. Но расставаться со школой было жалко.

За время моей работы в школе ее окончило около 200 человек, в среднем по 25 в год. Для того времени это не мало. Из стен школы вышли неплохие специалисты. Многие остались моими друзьями.

Школа имела солидную учебную базу, была укомплектована хорошим преподавательским и командным

составом. О некоторых преподавателях мне хочется сказать несколько слов.

Иван Григорьевич Шахотько имел привычку начинать занятия с вопроса: «У кого, товарищи, есть часы?» Когда их получал, просил еще и карандаш. Лишь после этого садился к столу и начинал занятия.

Однажды в одном из классов к приходу Ивана Григорьевича слушатели собрали 4—5 штук часов и 10—15 карандашей и все аккуратно разложили на столе. Когда в класс зашел Шахотько и увидел проделку, сначала засмеялся, немного постоял у стола, затем быстро вышел из класса. Он обиделся. Позвал меня. Но когда я вошел в класс, на столе лежал только журнал. Часы и карандаши уже были убраны. Я воспринял это как шутку. Но Шахотько больше не стал просить у слушателей часы и карандаш.

Преподаватель Гермоген Митрофанович Терравский свой отпуск до революции, когда еще был молодым, проводил в путешествиях. Он объездил свою страну, был в Китае, Индии, Персии, Турции, Франции, Германии, Италии. Его рассказы всегда были интересными, увлекательными.

Как-то он рассказал нам о случае, как он выразился, высшей честности. В далекие, еще дореволюционные годы, он потерял десять рублей золотом. Прошло много времени, свершилась революция, потерю давно забыли. И вот в двадцатых годах Г. М. Терравский отдает в переделку свое зимнее пальто. При получении из мастерской ему вместе с пальто вручают десять рублей золотом, которые обнаружил портной за подкладкой.

Профессор Василий Федорович Чарваков рассказал о таком любопытном случае. В Харькове с дореволюционных времен существует научно-исследовательский институт судебно-медицинской экспертизы. Из поколения в поколение, как по наследству, его возглавляли ученые Бакариусы. И вот, когда Чарваков гостил у Бакариуса, в институт доставили труп человека, который, по-видимому, умер от алкоголя. Было это в субботу. Произвели вскрытие и содержимое желудка — пшеничную кашу изъяли и в посуде поставили в шкаф. Назавтра было воскресенье, институт не работал, и только в понедельник сотрудник, которому поручили

произвести анализ каши, в шкафу ее не нашел. Каша исчезла. Через четыре или пять дней выяснилось, что еще в день вскрытия трупа вечером ее съел подвыпивший сторож.

Решили ему об этом не говорить. Но кто-то все же проболтался, и ему вскоре стало известно, какой он кашей лакомился. У сторожа началась рвота. Спасти жизнь ему не смогли.

В 1927—1928 годах профессор Василий Федорович Чарваков готовил к изданию книгу под названием «Судебная медицина». Для иллюстраций требовались фотоснимки пробойн из винтовки, обреза, револьвера, пистолета, охотничьего ружья и других видов огнестрельного оружия. Произвести выстрелы из оружия Чарваков попросил меня. Я с удовольствием согласился.

Стрелял я на разное расстояние для определения ожога, окопчения, внедрения порошинок, чистых пробойн. Стрелял из оружия в ватманскую и другую чертежную и простую бумагу, а также во всевозможную ткань верхней и нижней одежды. Эксперименты увлекали меня так, что я мог уверенно определять по пробойнам образец оружия и расстояние, с которого производился выстрел.

Но во время стрельбы из охотничьего ружья на расстоянии от 50 сантиметров до одного метра меня постигла неудача. Одна дробинка, попав в сук доски, отскочила и ударила мне в правый глаз. Меня тут же доставили в глазную клинику. К счастью, ранение было неглубокое и глаз остался целым, но на нижнем веке у носа до сих пор заметен бугорок.

Книга профессора В. Ф. Чарвакова с автографом была для меня хорошей памятью. К сожалению, она утеряна во время Отечественной войны.

Профессор Гольблят рассказал такой любопытный случай. Он, старый холостяк, питался в ресторанах и столовых. Но если возвращался домой поздно ночью, ужин готовил сам. В один из таких дней он решил сварить себе два яйца. Зажег примус, налил в кастрюлю воды и поставил ее кипятить. Взял в одну руку два яйца, а в другую карманные часы и задумался над какой-то проблемой. А когда вспомнил, зачем он зажег примус, обнаружил, что яйца держит в руке, а часы кипят в кастрюле.

Мы верили, что с ним могло это произойти. Он постоянно путал классы, хотя их было всего четыре. После десятиминутной перемены отыскать свой класс он не мог, возвращался в учебную часть и просил:

— Никак не могу найти класс, где я занимался, заведите меня туда, пожалуйста.

При опросах курсантов вместо фамилии называл:

— Товарищ аркуш, ответьте на вопрос...

Конечно, для ответа в классе никто не подымался, так как слово «аркуш» обозначало — лист, оно было напечатано типографским шрифтом на каждом листе классного журнала. Фамилии же курсантов вписаны чернилами. Безусловно, это было не незнание белорусского языка, а рассеянность преподавателя.

Как-то Алексей Андреевич Скапин рассказал о приключении с ним. Часть, в которой служил Скапин, стояла в районе городского поселка Заславль, недалеко от бывшей границы с Польшей. В трех километрах от части на одном хуторе летом он снимал комнату для семьи. Приходил домой поздно, но всегда старался заставить еще не спящих детей, чтобы поиграть с ними. Раздеваясь, он клал пистолет под подушку, а для безопасности обойму с патронами вынимал и ложил в шкаф.

Однажды, когда он и дети улеглись спать, кто-то тихонько постучал в окно. Скапин слышал стук, но на улицу вышла жена, полагая, что за мужем пришли из части. На дворе стоял незнакомый молодой мужчина. Он попросил разрешения зайти в дом. В комнате предложил зажечь свет, занавесить окно и дать ему молока и хлеба. Сказал, что за все заплатит. Когда свет был зажжен, пришелец спросил, кто спит. Получив ответ, что это хозяин, он успокоился и сел к столу.

Скапин понял, что это шпион или диверсант. Алексей Андреевич вскочил с кровати, выхватил из-под подушки пистолет и скомандовал поднять руки вверх. При этом пригрозил, что при малейшем неповиновении будет стрелять. Оказавшись застигнутым врасплох, незнакомец поднял руки. Скапин был в одних трусах. Жена накинула ему что-то на плечи и открыла дверь. Алексей Андреевич впопыхах забыл обыскать задержанного и так с поднятыми руками повел его перед собой в свою часть.

Но когда они отошли более километра от хутора, вспомнил, что обойма с патронами осталась дома и пистолет не заряжен. Дальше начинался лес. Идти было опасно. Тогда Скапин повернул к ближайшему хутору. Разбудив хозяина, завел задержанного в дом, усадил к столу, а сам встал сзади и предупредил, что при малейшем движении будет стрелять. Крестьянина послал в часть вызвать наряд.

Видимо, ночной гость был один, иначе ему помогли бы. И Скапину было бы несдобровать.

Прибывший из части наряд обезоружил задержанного. У него оказались парабеллум и финский нож. На вопрос, почему он так легко сдался, ответил, что советский командир был физически развит, сильный и убил бы его с первого выстрела. Но когда Скапин показал пистолет без обоймы, задержанный заскрежетал зубами так, что выплюнул часть зубов с кровью. Перешедший границу хорошо владел приемами самбо.

Так, исключительная смелость и находчивость заставили коварного врага сдаться.

Сохранилась хорошая память о друзьях, близких товарищах из других подразделений.

Я часто проводил занятия по строевой подготовке в городских отделениях милиции Минска. Занятия были программные, обязательные для всех. Многих работников я знал не только в лицо.

С Александром Леонтьевичем Радюком впоследствии дважды встречался в Отечественную войну на Калининском фронте. Он стал полковником, умер после войны. Его единственный сын погиб на фронте.

Бывший начальник отделения Антон Осипович Липский, ныне персональный пенсионер, живет в Минске.

С бывшим начальником канцелярии Минского городского управления милиции Владимиром Гермогеновичем Шабловским был близко знаком. Приходилось встречаться с ним в Отечественную войну под Гродно. Его единственный сын, как и А. Л. Радюка, погиб на фронте. Жена Шабловского, Валентина Петровна, сестра известного революционера Пулихова, повешенного царской охранкой в 1905 году за покушение на минского губернатора Круглова, живет в Минске.

Был в близких отношениях с заместителями начальника городского управления милиции Василием Ва-

сильевичем Дубининым и Ильей Мерковичем Млодыком.

Часто приходилось встречаться с работниками уголовного розыска Михаилом Мироновичем Чертовым, Архипом Дмитриевичем Лишаем, Фомой Андреевичем Грибовым, Залманом Михайловичем Мацем, М. М. Бурцевым и многими другими. Знал заместителя начальника уголовного розыска республики Исаака Семеновича Чертова. В 1917 году он был принят в органы НКВД одним из первых его организаторов в республике Михаилом Васильевичем Фрунзе.

И. С. Чертов был единственным из моих знакомых, который работал при М. В. Фрунзе, знал его и встречался с ним в годы гражданской войны. Чертов преподавал в школе предмет уголовного розыска, часто делился своими воспоминаниями о работе в прошлом.

Весной 1931 года Минск постигло стихийное бедствие — было сильное наводнение. Еще с вечера меня вызвали в школу и приказали поднять курсантов по тревоге, распределить и разослать их в помощь городским отделениям, а самому с небольшим резервом прибыть в главный штаб по борьбе с наводнением. Там я получил приказ срочно, с двумя кавалеристами, отправиться на улицу Широкою (ныне Куйбышева) и вывезти семью И. С. Чертова, который находился где-то в командировке.

Дом, в котором жил Чертов, был деревянный, одноэтажный, располагался в глубине двора. Двор значительно ниже улицы с большим покато́м к реке Свислочь.

Мост через реку в районе Торговой и Широкой улиц мы проехали верхом на лошадях (позже мост был снесен водой). Вода вышла из берегов и затопила несколько крайних домов. Она поднялась выше колена. К дому Чертова обратиться верхом было невозможно. Передав лошадей одному кавалеристу, мы вдвоем сняли ворота у соседей, разломали забор и пробрались к квартире.

Семья Чертова: жена и двое детей, стояли на столах. Вода занимала подоконники. Все плакали, звали на помощь. Разбив окно, мы сначала вынесли детей, потом жену. Затем поспешили на помощь их соседям.

Командир подразделения милиции К. И. Божко. 1924 год.

Назавтра меня назначили ответственным (уполномоченным) по спасению граждан и их имущества в районе Большой и Малой Татарских улиц (позже Дмитриева, Совхозная, Колхозная и др.). Ближайшие к реке дома были затоплены до чердаков. Людей приходилось снимать с крыш. Много погибло скота, птиц, имущества. Были и человеческие жертвы.

О чрезвычайно сильном наводнении рассказывают очевидцы еще и сейчас — спустя сорок лет. Как-то я зашел в дом по Колхозной улице к Фатиме Яковлевне Милькаманович. Ей уже около девяноста лет. Она рассказала, что хорошо помнит 25 апреля 1931 года. Помнит гибель соседки с малым ребенком.

За участие в спасении населения и его имущества во время весеннего паводка я получил от Минского городского Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов благодарность и грамоту.

Органам милиции, таким образом, приходилось не только ловить преступников.

Часто приходилось бывать в конном подразделении милиции, где проводил занятия по огневой подготовке, даже некоторое время жил там в общежитии. Кроме командира подразделения Ефима Матвеевича Рахлиновича (ныне пенсионер, живет в Минске), помню командиров взводов — Устина Устиновича Лукашевича и Николая Фомича Вознечука, а также рядовых — Александра Васильевича Харитонов, Аксентия Петрова, Тимофея Петрова, Макара Петрова, Соломона Марковича Минца, Василия Константиновича Такуша, Александра Борисовича Ганцевича, И. М. Покумейко, Ф. А. Вакульчика, Р. Я. Иванова. Это были участники гражданской войны, дисциплинированные люди. Некоторых и сейчас встречаю.

В то время в Минске стояла прославленная 7-я Са-

марская имени английского пролетариата кавалерийская дивизия, в которой 39-м полком командовал Георгий Константинович Жуков — ныне Маршал Советского Союза. С конниками этой дивизии бойцы эскадрона милиции не раз соревновались в верховой езде, рубке, стрельбе.

Конный эскадрон был образцовым подразделением, блюстителем порядка в городе. Но благодаря своей подвижности не раз пресекал преступления и в сельской местности, участвовал в ликвидации диверсионных банд.

Как-то на грузовой автомашине с группой людей меня послали в город Червень за оружием, изъятым у населения и ликвидированных банд. В складе находилось более ста винтовок, несколько ручных пулеметов, ящики с патронами, гранатами.

Начальником Червенского районного отдела милиции был Владимир Владимирович Павлов (полковник, живет в Минске), а старшим уполномоченным уголовного розыска — Владимир Яковлевич Харевич (майор, пенсионер, тоже живет в Минске). Они предложили мне из райцентра не выезжать, так как в лесу между Червенем и Смиловичами появилась банда и я мог попасть с оружием ей в руки.

В тот же день из Минска получили телеграмму с предписанием выехать в 10 часов утра следующего дня (стояло число). Почему назначен день и часы выезда, мы не знали, и только в лесу между Червенем и Смиловичами поняли это. Нашу машину встретил и сопровождал до города взвод конного эскадрона во главе с Устином Устиновичем Лукашевичем.

Преступники боялись нашего уголовного розыска. Немало было случаев, когда они, видя безнадежность своих попыток скрыться от правосудия и надеясь смягчить свою вину, приходили с повинной или сознавались на первых же допросах.

Не помню, в каком году, из Москвы возвращалась не то французская, не то итальянская торговая делегация. Между Оршей и Борисовом у одного из делегатов в вагоне похитили чемодан с вещами. Остановившись по своим служебным делам на три дня в Минске, делегация заявила о происшествии в пути.

Для розыска чемодана выехала группа оператив-

ных работников. К концу пребывания делегации в Минске похищенный чемодан возвратили его владельцу.

Но были преступники и хитрые, с многолетним стажем. Об одной группе таких мошенников мне и хочется рассказать.

Для такого большого города, как Минск, приезд четырех человек остался незамеченным. Внешность всех четырех не вызвала подозрений. В руках портфели, дорожные чемоданчики. Все как обычно.

Но скоро цель приезда их выяснилась. В первом часу дня звонок дежурного:

— Сегодня в 12 часов 40 минут у кассира в госбанке в момент платежа по векселю похитили портфель, в котором было 2700 рублей и документы...

Пригласили потерпевшего в уголовный розыск.

В кабинет вошел взволнованный, бледный, со слезами на глазах и дергающимися уголками губ мужчина. Постепенно успокоившись, он начал рассказывать.

— Сегодня в первом часу дня я пришел в госбанк, где должен был внести деньги по векселю в сумме 2700 рублей. Портфель, в котором лежали деньги и разные документы, я положил возле себя и оперся на него. Публики в банке было мало, а возле меня, у приходной кассы, почти никого не было. И только я хотел вынуть деньги и внести их в кассу, как тут же обнаружил, что у меня в руках другой, хотя такой же по виду портфель. В нем находился еще один, меньшего размера, портфель, и оба были пусты. Деньги и документы исчезли. Единственная примета на моих кредитках — это две цифры, написанные мной на одной десятирублевой купюре химическим карандашом.

Немедленно были задержаны и проверены все присутствующие в банке клиенты. Но найти ничего не удалось.

Ряд моментов, которые вытекали из обстоятельств этого происшествия, давали основание полагать, что в городе появилась группа опытных преступников, не здешних.

В тот же день, зная, что приезжие воры после крупного дела постараются как можно быстрее выехать из города, И. С. Чергов с одним инспектором уголовного розыска направился на вокзал железной дороги и уста-

новил наблюдение за посадкой пассажиров на московский поезд.

— Получасовое наблюдение, — рассказывал потом Исаак Семенович, — не дало результатов. Внимательно осматриваю каждого выходящего к поезду пассажира. Вдруг к выходу на перрон приближается степенной походкой важный мужчина средних лет. По внешнему виду похож на представителя иностранной торговой фирмы. Мне он как-то сразу не понравился. Заметив его издали, я стал незаметно наблюдать. И тут уловил чуть заметную тень тревоги на его лице.

Самые смелые, самые ловкие преступники, несмотря на свою необыкновенную выдержку и натренированность, все-таки не могут в самые критические моменты скрыть своей душевной тревоги. Ее выдают глаза. Надо только уметь заметить эту тревогу.

— Я инстинктивно почувствовал, что передо мной аферист, — рассказывал далее Чертов. — Есть такое в нашей уголовной практике, что чувству иногда веришь больше, чем фактам. Один настороженный взгляд на постового, чуть обозначенный рефлекс мускулов, быстро отведенные в сторону глаза могут свидетельствовать, что перед тобой человек, только что совершивший преступление.

Подозреваемого задержали и привели в дежурную комнату вокзала. Держался он важно и внешне спокойно, даже чересчур спокойно. За все время обыска ни один мускул не дрогнул на его лице, не подвел и голос. И даже тогда, когда из найденных у него 1000 рублей одна десятирублевка оказалась отмеченной химическим карандашом и явно указывала на кражу, он оставался спокойным.

— Это недоразумение, я попытаюсь выяснить, я готов остаться еще на несколько дней в Минске, хотя дела неотложной важности требуют моего выезда немедленно, — заверял нас задержанный.

Его благородный вид, изысканные манеры, вежливость в обращении вызвали неуверенность у потерпевшего, он даже стал просить отпустить подозреваемого, опасаясь недоразумений в дальнейшем. Но работники уголовного розыска решили проверить все до конца.

По дороге с вокзала в управление задержанный заявил, что он приехал из Житомира для покупки большой

партии товара. Между тем во время обыска у него нашли плацкарт к билету из Екатеринослава (Днепропетровска) на имя другого человека, с которым он жил в одном номере гостиницы. Задержали и того, тот сказал, что они ехали вместе из Екатеринослава.

Тщательно проведенным следствием было установлено, что задержанный на вокзале был крупным фальшивоманетчиком, арестовывался в 1911 году в Варшаве, там же окончил университет. Зарегистрирован многими уголовными розысками страны, но был неуловим. Вскоре он и остальные три его соучастника предстали перед судом.

Народный комиссариат внутренних дел, в том числе и уголовный розыск, принимали активное участие в ликвидации бандитизма, диверсионных банд, засылаемых в республику с территории Польши. Банда Монича — агента 2-го отдела польского генерального штаба, например, была одной из самых крупных, она терроризировала население Оршанского, Борисовского и других округов не только в населенных пунктах, но даже останавливала поезда и грабила пассажиров.

Как-то в декабре 1967 года меня навестил Ефим Матвеевич Рахлинович. Он был одним из активных участников ликвидации банд в тридцатые годы. Ефим Матвеевич много чего сам рассказал и помог мне многое вспомнить.

Главным руководителем по ликвидации политических и уголовных банд на территории республики был заместитель председателя ГПУ Белоруссии Иосиф Казимирович Опанский.

Хорошо помнятся операции против банд Монича, Казака, Махнача, Иванова, Шевченко.

Многие банды на протяжении ряда лет были неуловимы. Большинство из них стремилось быть ближе к границам наших западных и северных соседей и в опасное для них время уходило за кордон.

Несомненно, были благоприятные условия для укрывательства банд и на нашей территории. Ведь кроме обширных лесных массивов, перелесков, кустарников и болот, укрывательству способствовало также наличие многочисленных хуторов. К одноусадебным хуторам, введенным царским министром Столыпиным, в двадцатых годах добавились хутора, на которые тогда

перешли из деревень многие крестьяне Белоруссии.

Хуторяне жили разобщенно, и некоторые, особенно кулаки, прямо помогали бандитам. Другие же в результате шантажа, под угрозой быть убитыми или сожженными, часто вынуждены были укрывать бандитов, давать им приют на ночь или на день. Бандиты Махнача, например, если кто из крестьян-хуторян им не угодит, на первый раз засыпали его лошади горох в уши. Через некоторое время лошадь погибала. Хозяйство оставалось без тягловой силы.

Главаря банды Махнача мы окружили на одном хуторе в Любанском районе. Он был один. Подпустив нас вплотную к дому, он бросил несколько гранат и сумел вырваться из окружения, добежал до леса, но на опушке его догнала пуля. При проческе леса мы вторично наткнулись на Махнача. За короткое время он смог наложить на свою раненую ногу шину, перевязать рану бинтом и смастерить костыли из палок. На них он стремился уйти от преследования, но в перестрелке был убит.

Надолго запомнилась операция по ликвидации одной из самых жестоких банд, которую возглавлял польский разведчик Шевченко. Банда действовала в Могилевском округе. Главарь ее много лет был неуловим.

В ноябре — декабре 1925 года были созданы специальные оперативные группы по ликвидации этой банды. В ней насчитывалось до 50 человек. Одной из оперативных групп, состоящей из бойцов конного эскадрона, руководил Рахлинович.

Шевченко был отличным стрелком, на довольно приличном расстоянии он с первого выстрела убивал наповал избранную им жертву. Работники земельных и финансовых органов боялись показываться на территории, где действовала банда. Смельчаков, которые появлялись в Бельничском районе, он не просто расстреливал, а применял ряд изуверских, инквизиторских пыток. Шевченко был защитником воров, самогонщиков, хулиганов, порубщиков леса, бывшей сельской знати. И они поклонялись бандиту, как своему кумиру. О появлении значительного отряда милиции его всегда вовремя предупреждали. Даже в городе Могилеве и

Оперативная группа по ликвидации банды Махнач. Сидят (справа налево): командир конного эскадрона Е. М. Рахлинович, начальник Слуцкого окружного уголовного розыска (позже заместитель прокурора БССР) Мелешко, начальник Слуцкой окружной милиции Ильинков, зам. начальника Слуцкой окружной милиции Кононович, уполномоченные уголовного розыска Копоть и Шапиро с бойцами конного эскадрона милиции.

Белыничях у него были свои люди, способствовавшие укрывательству.

Пять лет Шевченко хозяйничал в Могилевском округе. Безнаказанно охраняемый своими пособниками, он терроризировал честных людей. Представителям власти на местах постоянно угрожала опасность.

Тщательно разработав план ликвидации банды, оперативная группа Е. М. Рахлиновича 15 декабря 1925 года выехала в Могилевский округ. По предварительным данным, было известно, что сам Шевченко с небольшой группой ближайших помощников находится на одном из хуторов в 8—12 километрах от районного центра Белыничи.

В Белыничях и деревне Княжицы жили связные, от которых оперативная группа ожидала более точных

сведений. Но прошло более недели, а сообщений от наших людей не поступало. И вот наконец передали, что Шевченко с двумя своими собутыльниками пьянствует на хуторе в 7—8 километрах от Бельнич. Это было 25 декабря — в день рождества христового.

Уточнив данные, группа Рахлиновича в составе 10—12 человек выступила из Могилева в направлении деревни Княжицы. Одновременно к Бельничам выехали еще две оперативные группы, одна — из Минска, а вторая — из Орши.

На саях и лошадях из пожарного депо, с колокольчиками, будто на пожар, быстро ехала группа Рахлиновича. Мелькали хутора, шел снег. Вот и княжицкий лес. А дорога в лесу — излюбленное место нападения бандитов. Теперь необходима осторожность. Все приготовились к внезапному бою. Работники милиции и уголовного розыска уже были опытные в этом деле. Многие из их товарищей погибли от гранат и пуль Шевченко. Его карабин не знал промаха. Бывший мастер по оружию, он владел им отлично.

Кончился лес, показались Княжицы. Подводы подъехали к зданию сельского Совета. Рахлинович подошел к телефону, чтобы позвонить в Бельнич, но кто-то на линии оборвал провода. Связной показал дорогу дальше.

В Бельничах группу встретил начальник милиции и верхом на лошади, в сопровождении конного милиционера, поехал впереди. Проселочная дорога вела на хутор, где, по предположению, веселился Шевченко.

При подъезде к хутору оперативная группа увидела двух привязанных к забору лошадей. Они были оседланы. Узнали лошадей начальника Бельничского районного отдела милиции и его сопровождающего. Вдруг раздались винтовочные выстрелы.

По команде Рахлиновича бойцы стали окружать хутор. Удалось приблизиться к нему вплотную. Бандиты открыли огонь из окон и чердака дома. Бойцы, прячась за постройками, начали вести стрельбу по вспышкам выстрелов. При попытке подойти к дверям дома был ранен в руку Вакульчик.

Прошел час, второй. Бандиты не сдаются и не убегают с хутора, видимо, рассчитывают на подмогу. Не остается ничего другого, как поджечь дом. Из клубов

дыма, отстреливаясь и бросая на ходу гранаты, ринулись к другим постройкам бандиты. Один из них наскочил прямо на Тимофея Петрова (погиб в Отечественную войну). Выстрелом в упор Петров убил бандита. Им оказался Шевченко. Два других сумели забежать за соседние постройки. Но и там их окружили, а потом уничтожили.

И вот лежит полураздетый бандит, так хорошо знакомый милиции по фотографиям, по описанию избитых, искалеченных, ограбленных граждан и советских служащих, побывавших в лапах атамана шайки и чудом избежавших смерти. Восковое, мертвенно-бледное лицо еще сохраняет звериное выражение. Выпуклые скулы, веснушчатый нос, отвисший подбородок. Новый карабин, револьвер-наган, три комплекта патронов, четыре гранаты лежат на скамейке.

Из оперативной группы погиб Перенков, ранены начальник Бельничской районной милиции Павловский и боец Вакульчик.

Убийство Шевченки наполовину облегчило разгром банды. Без руководителя бандиты разбежались кто куда. Через две недели оставшиеся в живых оказались в тюрьме и вскоре предстали перед судом.

На Могилевщине и в Борисовском округе стало спокойно. Легче вздохнул народ.

За успешную ликвидацию банд, особенно банды Шевченки, многие бойцы конного эскадрона были награждены ценными подарками. Е. М. Рахлиновича наградили именованным оружием и знаком «Почетного милиционера», Тимофея Петрова — орденом Трудового Красного Знамени Белоруссии.

Я без работы не был ни одного дня. Меня назначили, вернее перевели, на довольно хорошую работу в отдел кадров НКВД БССР, а через месяц-полтора вызвали в Москву в Наркомат внутренних дел СССР, где предложили должность начальника учебного отдела школы той же системы в городе Алма-Ата.

Привыкнув за восемь лет к Минску, окрепнув здоровьем, став семейным человеком, мне очень не хотелось ехать в Алма-Ату. Я розыскал в Минске много знакомых из нашей местности, обзавелся новыми друзьями, и с ними мне было хорошо и приятно. Было где и с кем провести свободное время. А на новом месте

надо начинать все сначала. И я категорически отказался от предложенного мне места. Сослался на свое семейное положение, на незнание казахского языка.

Мне казалось, что мои аргументы, особенно незнание казахского языка, будут признаны вескими. Мне объяснили, что о моем отказе доложили начальнику управления кадров — заместителю наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглову. Тот меня не принял, а приказал передать, что посылают меня не как знатока языков, а как работника национальных школ и, если я откажусь и не выеду в Алма-Ату, пошлют на Крайний Север. Мне предложили выехать в Минск, посоветоваться с женой и через четыре-пять дней явиться в Москву с ответом и за получением предписания в Алма-Ату или на Крайний Север.

Каково было мое настроение, говорить не приходится. С женой, Зинаидой Леонтьевной, мы избрали Алма-Ату, и я выехал к моему новому месту службы.

В Алма-Ате из старейших начальников меня принял заместитель наркома внутренних дел Казахстана Бокша — очень высокий, приветливый и разговорчивый человек. Рассказав об условиях работы в республике и в школе, он сделал затем небольшой экскурс в прошлое. Оказывается, столицей Казахстана вначале был Оренбург, затем Актюбинск, потом Кзыл-Орда и не так давно ею стал Верный, бывшая резиденция атамана семиречинского казачества. Верный переименовали в Алма-Ату, что в переводе на русский язык означает — отец яблоч. И действительно, здесь очень много садов, обилие яблоч.

Город постепенно начал застраиваться. Уже были возведены Дом правительства, здания некоторых наркоматов, управления Турксиба и несколько жилых домов. Но еще не было электрического света и водопровода. Улицы прямые, немощеные, дома преимущественно деревянные, одноэтажные. Железнодорожная станция в одиннадцать километров. Но на фоне северного хребта Зайлийского Ала-Тау город очень красив. Он похож на огромный сад.

Школа, как и столица Казахстана, тоже долго кочевала. Раньше размещалась в Оренбурге, потом в Актюбинске, а теперь в Кустанае. Туда и предстояло мне выехать.

Исидор Минаевич Кукс.

Мое путешествие из Алма-Аты в Кустанай заняло четверо суток. Я ехал по Турксибу через Семипалатинск, Барнаул, Новосибирск, Омск, Курган, Челябинск, Троицк. Мне хотелось посмотреть Турксиб и хоть маленькую часть Сибири. Вот почему я поехал не через Оренбург, а через Новосибирск.

Кустанай в то время был обыкновенным районным городком. Но электрический свет и водопровод уже были. Школа, в которой мне предстояло работать, размещалась в двух просторных зданиях. Курсантов в школе насчитывалось в полтора раза больше, чем в Минске.

В основном это были казахи. Учились здесь также русские, украинцы, татары и выходцы из народностей Востока.

В школе было киргизское отделение. Оно комплектовалось Киргизской республикой.

Начальником школы был Миргаил Успанович Успанов. Человек с незаконченным высшим агрономическим образованием. В гражданскую войну он командовал Алаш-Ординским кавалерийским полком у Колчака. Однажды мы как-то вспомнили бой под Оренбургом, Актюбинском, Уральском. Только я был в рядах Красной Армии, а он на стороне белых.

Комиссаром школы был Исидор Минаевич Кукс — бывший командир батальона, затем полка 25-й Чапаевской дивизии. Еще в 1919 году за взятие Уфы его наградили орденом боевого Красного Знамени. Там же под Уфой его тяжело ранило.

Начальником учебного отдела, заместителем начальника школы, до меня был Михаил Пантелеевич Банников — бывший секретарь Оренбургского губкома комсомола.

Преподавательский состав в основном состоял из казахов. Асанов, например, вел спецпредметы, Тугузбаев — политэкономию, Киреев — историю партии,

Оразов — казахский язык. Среди преподавателей были и русские. П. М. Кузнецов, С. Н. Житников, Л. П. Емуранов являлись уроженцами республики, хорошо владели казахским языком. Не знали казахского языка только Иосиф Моисеевич Кабак, Иван Иванович Тележкин, Н. И. Зайцев (недавно окончивший Московский государственный университет) и я. Почти все преподаватели имели высшее образование.

Вот в какую среду я попал на новом месте работы.

Учебная база и обеспечение школы были лучшие, чем в Минске. Имелось свое подсобное хозяйство — около ста гектаров земли, один трактор, более двадцати дойных коров, столько же лошадей.

Планирование учебной работы я знал неплохо. Школа мне понравилась. Единственным недостатком была большая отдаленность ее от столицы республики и даже от областного города Актюбинска. Но поговаривали, что скоро школа перебазирована в Алма-Ату.

В январе 1932 года я взял семью в Кустанай. Горсовет предоставил мне вблизи школы отдельный домик. Хотя он был и очень маленький — всего две комнаты, но мы с женой остались им довольны. За время моей поездки за семьей домик отремонтировали.

На второй или третий день приезда семьи произошел непредвиденный инцидент. Вечером я находился в школе, жену пригласил женсовет в клуб, дети остались одни в квартире. Часов в девять вечера мне позвонила дочь (ей было шесть лет), что к нам приехал какой-то дядя с вещами и будет у нас жить. Я тут же ушел домой. За столом в кухне сидел молодой человек и что-то рассказывал детям, все громко смеялись. Подздоровавшись, спросил, как он нашел квартиру и кто ему открыл. Незнакомец встал, назвал себя и рассказал, что он приезжий, из Тургая, студент какого-то техникума, уже несколько лет учится в Кустанае и жил на квартире в этом доме. Хозяин дал ему запасной ключ от входных дверей. Но в этом учебном году опоздал на занятия по болезни. Сейчас он только что с дороги, возница уехал ночевать к своим знакомым, оставив его перед дверями дома. Очень просил разрешить ему остаться у нас до утра. А если нельзя, уйдет ночевать на вокзал, а вещи пусть на время побудут у нас, пока он не подыщет новую квартиру.

Тому, что он студент, по болезни опоздал на учебу и раньше жил в этом доме, я поверил. Дом был частный и совсем недавно по ходатайству школы горсовет предоставил бывшему домовладельцу лучшую квартиру. Хотя мне и показались подозрительными чемоданы и узлы, которых было шесть — восемь штук и едва ли они могли быть собственностью студента, но безукоризненное поведение, просьба оставить в доме до утра хотя бы вещи, убедили меня, что ему можно верить.

Вскоре пришла жена. Посоветовавшись с ней, мы разрешили ему заночевать у нас. Он разделся, и все стали готовиться пить чай.

В квартире еще не было электрического света, горела керосиновая лампа. Только сели за стол, как к нам постучали. Зашел начальник административно-хозяйственного отдела школы Рудаков и электромонтер с городской электростанции включить свет. Электромонтер сразу узнал нашего гостя и спросил:

— А ты, Ивашко, зачем здесь?

Студент вместо ответа ударил по керосиновой лампе, в темноте кого-то сбил с ног и бросился бежать. Мы сначала растерялись, затем начали погоню.

Взять его удалось только минут через тридцать-сорок. Привели ко мне в квартиру. Вызвали милицию. И тут выяснилось, что Ивашко — крупный вор, в Кустаная прибыла их целая группа с крадеными чемоданами и узлами. Они ограбили в поезде несколько пассажиров и в городе Троицке священника. Среди краденого были кресты, чаши и другое серебро.

Дом, в который я вселился, раньше был воровским центром — «малиной». Группа Ивашко еще не знала, что хозяева дома заменены, и вор попался случайно. Электромонтер раньше работал в уголовном розыске где-то в областном центре и там встречался с Ивашко.

Так состоялось мое первое знакомство с воровским миром Кустаная.

Первый год было тяжело. Знакомился с преподавательским и командным составом школы, с их методикой ведения занятий, привычками. Вникал во все процессы учебной работы. Мой рабочий день продолжался от подъема и до отбоя. Трудности усугублялись еще и тем, что я не знал казахского языка, на котором гово-

рили и в школе и вне школы. Изучение языка давалось с трудом, ему я уделял много времени.

Начальник школы Успанов часто выезжал в Алматы и Актюбинск на различные совещания и конференции. Кроме того, он был большим любителем охоты. Всякие служебные и неслужебные поездки сочетал с посещением дальних лесов и озер.

В летнее время, когда все уходило в отпуск, многие преподаватели и строевые командиры с семьями выезжали в район школьного подсобного хозяйства. Оно находилось в тридцати пяти — сорока километрах от Кустаная. Каждой семье выдавалась военная палатка. Семьи размещались в лесу, отдыхали, а некоторые в меру возможностей работали на полях подсобного хозяйства.

С городом и многими жителями Кустаная я быстро познакомился. Особенно подружился с райвоенкомом Бахтигуловым. Он часто бывал в школе. Узнал и прошлое Кустаная. В 1918—1919 годах борьбу за Советскую власть здесь возглавляли известные вожаки, такие, как Л. И. Таран, достойные наследники легендарного батыра Амангельды Иманова. Город имел богатое революционное прошлое.

В Кустанае были и свои оригиналы. Помнится такой случай. Как-то ко мне зашел и представился человек небольшого роста в старой офицерской форме, только без погон.

— Военврач бывшей колониальной администрации в Средней Азии Литвиненко Николай Степанович. Окончил ее императорского величества Марии Федоровны медицинский институт в Петербурге. В данное время живу в Кустанае и нигде не работаю. Я уже был у начальника школы и заместителя его по политической части и по их совету обращаюсь к вам и прошу вашего ходатайства перед командованием зачислить меня врачом в школу.

Я не возражал. Тем более что школьный врач Макаусов по болезни уволился. Н. С. Литвиненко приняли на работу. Это был грамотный, наблюдательный, остроумный человек. Исключительно честный, внимательный, трудолюбивый, дисциплинированный. Хорошо знал жизнь народов Средней Азии. Он сразу завоевал авторитет как специалист своего дела.

Женат он был на графине Анне Александровне Кочетковой. У них было четыре сына. Пищу готовил всегда сам. Ел за столом — и даже в гостях — только стоя. Страстный охотник и, как все охотники, любитель анекдотов. Теперь пенсионер, живет в Алма-Ате.

Кустанай расположен в степной части Западной Сибири, леса находятся от него на значительном расстоянии. Потому всегда проблемой была заготовка дров. А их требовалось много.

Особенно запомнилась зима 1932/33 года. Полагаясь на обещанный перевод в Алма-Ату, школа запасов топлива не сделала, а зима наступила холодная. По разрешению горсовета разбирали даже бросовые дома. Но и их не хватило. Школа оказалась в затруднительном положении. Тогда отпустили нам лес на корню за 80—100 километров от Кустаная. Начальник школы решил послать меня во Владимировский сельсовет, на территории которого был отпущен лес, чтобы я на месте организовал вырубку и отгрузку дров. Дали надежную лошадь начальника школы, на которой он бывал во Владимировке и окрестностях. Лошадь могла в случае чего сама найти путь домой и к ближайшему населенному пункту.

В тридцати пяти — сорока километрах на пути к Владимировке находилась деревня Рыбное. Здесь мы и заночевали у члена сельисполкома. Фамилии его сейчас не помню. Был он уже в годах, жил вдвоем с женой. Единственный сын, красноармеец, погиб в борьбе с басмачами. Хозяин и его жена были очень приветливые, разговорчивые, гостеприимные люди. К тому же они нашли, что я очень похож на их сына. В доказательство показали несколько его фотографий и стали меня звать сыном. Я не перечил и, в свою очередь, называл их отцом и матерью. Мы долго беседовали за чаем, и хозяин рассказал массу случаев из его жизни.

Он и его жена родились в этой деревне, все знали о здешних краях и старожилах. От них я впервые услышал о неписаном законе сохранять от урожайных лет одну треть немолоченной пшеницы или ржи на следующие один-два года, как резерв хлеба и корма скоту. Рассказали нам о суровых зимах, буранах, когда из-за сильного ветра никто не выходит на улицу, а кор-

мить скот люди пробираются, держась за веревку, натянутую от дома к сараю. Многое узнал о волках, которые, не боясь, рассказывают по деревне, врываются в сараи и даже в дома. Люди носят топоры за поясом, а в поездки обязательно берут с собой железные вилы.

Однажды хозяин возвращался из Кустаная домой. Лошадь была молодая, сильная. Снега в ту зиму выпало много, и с проторенной дороги съезжать в сторону было опасно — не выедешь. И вот километрах в двадцати от Рыбного ему встретились два волка. Лошадь вздыбилась, начала храпеть. Повернуть назад — значит, засесть в снегу и отдать на растерзание зверям лошадь. Хозяин удержал ее. Волки разошлись по обе стороны и метрах в десяти сели в снег. Он взял вилы в правую руку, а левой стал управлять лошадью, приговаривая:

— Но, милая, но, вперед, вперед, но.

Поравнявшись с волками, лошадь рванулась вперед и понесла. Вожжи выпали из руки, хозяин опрокинулся, но ноги зацепились за перекладыны в розвальнях, и он, как привязанный, потянулся на спине за бешено скачущей лошадью.

Вилы, шапку и рукавицы потерял сразу. Тулуп вскоре протерся и слетел. Пиджак и белье ссунулись на голову. Спину и руки изрезал кочками и неровностями дороги. Ожидавшие его жена и сын освободили ноги хозяина, внесли в дом и тут же с помощью соседей увезли в больницу Кустаная, где он пролежал более месяца.

Волки преследовали хозяина до тех пор, пока не остался лежать на дороге тулуп. Его наполовину съели. Овчинные рукавицы и шапку не нашли, видимо, тоже съели.

Во Владимировку мы добрались на следующий день. Организовали вывоз дров и отправились в обратный путь. Отъехали не больше двенадцати километров, как начался сильный снегопад, перешедший в буран. Днем в степи стало темно. Лошадь сбилась с дороги и шла целиной, часто останавливалась. Ее почти не было видно, — так крутил снег.

Нас ехало двое — я и начальник административно-хозяйственной части Рудаков. Одеты мы были в полушубки и тулупы, на ногах — валенки. Сидеть в санях

стало неудобно, снег попадал под тулуп, в рукава и даже в валенки. Тогда один ложился в сани, а второй шел сзади, держась за веревку.

Куда ехали, мы не знали. Потеряли всякую ориентировку. Мы рады были вернуться назад во Владимировку, но в каком направлении эта деревня, тоже не знали.

По нашим подсчетам, мы давно должны достичь леса, но леса не было. У нас был топор, но не оказалось лопаты, чтобы сделать какое-нибудь укрытие в снегу. Главное — мы не могли укрыть лошадь, поэтому вынуждены были двигаться дальше и дальше.

Как-то внезапно в дневной темноте надвинулась ночь. Мы оказались как в мешке.

Ревел ветер, нас заносило снегом. Лошадь обессилела и через каждые десять — пятнадцать шагов останавливалась. Снег на ней таял, и она вся дрожала. Наконец остановилась совсем и на наше «но-но» перестала реагировать. Когда мы добрались до ее головы, оказалось, что впереди какой-то высокий сугроб, возможно, лес. Начали руками разгребать снег и наткнулись на что-то твердое. Почти сразу же услышали глухой лай собаки.

Ревущий буран заглушал наш крик, и за преградой никто не отзывался. Я взял в санях винтовку (их было у нас две) и начал стволом пробивать снег. Стена оказалась плетеной из прутьев. Наконец лай собаки приблизился, а вскоре послышался и голос женщины. Она спрашивала, кто там. Я всунул голову в пробитую дыру и ответил, что мы — двое военных, сбились с дороги, очень просим пустить нас переночевать. Но женщина заявила, что пустить нас не может, а если мы начнем ломиться, она станет в нас стрелять.

Из дальнейших переговоров мы узнали, что это дом лесника и никакой деревни вблизи нет. Мы оказались в восьми-девяти километрах в стороне от нашей дороги, где-то на окраине лесного массива.

Чтобы доказать наши мирные намерения, разрядил и выбросил в лабаз свою винтовку.

— Мы не грабители, вот наше оружие, впустите хотя бы в лабаз, иначе замерзнем, — убеждали мы.

Видно, передача винтовки подействовала, хозяйка позвала парня лет пятнадцати-шестнадцати, который

появился с зажженным фонарем и охотничьим ружьем. Посоветовавшись, они подали нам деревянную лопату для расчистки снега, а сами стали открывать плетенные ворота.

Мы очень обрадовались, когда очутились в крытом дворе, и не знали, как отблагодарить нашу хозяйку.

Лабаз оказался довольно вместительным, примерно двадцать метров в длину и десять в ширину. Здесь было сравнительно тепло. Сюда выходили двери из дома, сарая и погреба, а посередине стоял рубленый колодец, у одной стены были сложены дрова.

Распрягли лошадь и укрыли ее тулупом. Хозяйка пригласила в дом. Даже не верилось, что мы в безопасности. А буран ревел.

Лесника Вали Мухометжанова дома не было. Четыре дня тому назад он уехал на совещание. Кроме хозяйки дома был их приемный сын, казах по национальности. Они его взяли в одной кочевой семье в тридцатые годы, когда группа казахов уезжала из Кустанайской области куда-то на юг.

Хозяйка, Зугра Мухометжанова, по национальности была татаркой. Муж тоже татарин. Она оказалась очень гостеприимной, приготовила ужин из кролика, заварила душистый чай. Мы вынули свои продукты. Сели к столу. Хозяйка сказала, что мы сильно замерзли и желательно было бы выпить по сто граммов водки, но водки в доме нет.

Накануне выезда из Владимировки председатель сельского Совета пригласил нас на ужин, где среди гостей оказался председатель сельпо. Нашу просьбу отпустить нам из магазина немного хлеба, консервов и пол-литра водки председатель сельпо удовлетворил. В день выезда мы заглянули в магазин, где для нас был завернут пакет. Расплатившись и поблагодарив за продукты, мы уехали. В дороге пакет не раскрывали, было не до него. И вот теперь извлекли водку и разлили по рюмкам. Но при первом глотке обнаружили, что вместо водки нам подсунули керосин. Настроение испортилось. Конечно, мы поужинали с аппетитом, но очень возмущались обманом, тем более перед такой дальней и тяжелой дорогой.

Буран нас задержал в лесной сторожке более чем на сутки. Пришлось еще ночевать. Случай заезда сюда в

столь ненастную погоду Зугра объяснила тем, что на этой лошади здесь не раз бывал начальник школы Успанов. Мы с ней согласились, так как знали страсть начальника к охоте.

На вторые сутки мы выехали в Кустанай. Буран стал немного тише, но все еще свирепствовал. Километров пятнадцать мы ехали лесом и хорошо различали дорогу.

В Рыбное прибыли, когда уже было темно. В дом моего названного отца привела сама лошадь. Хозяин нашему приезду обрадовался. Убрав лошадь, ушел искать водку, но буран угнал его от домов, и он оказался в двух-трех километрах от деревни на озере с названием Кочковатое. Там сориентировался и только к утру добрался домой. На водку нам явно не везло.

Ночное отсутствие хозяина нас очень беспокоило, но выходить на розыск хозяйка не решалась и нам не советовала. У ворот дома, на столбе, висел какой-то кусок железа, и мы по очереди выходили с молотком и звонили, подавая сигнал. Но сигнала хозяин не слышал.

Дровами Владимировка обеспечивала школу бесперебойно.

Весной пришлось мне побывать в дальней деревне Алексеевке, где школа купила трактор «Форд Путиловский». Перегон на подсобное хозяйство из-за отсутствия в школе тракториста пришлось делать мне. Еще в 1929 году я окончил автокурсы в Минске и неплохо водил машину. Алексеевский колхоз был очень богатый. Мы любовались прекрасными лошадьми, рогатым скотом, чудесными производителями, хорошими постройками. Колхоз имел собственную электростанцию, которая подавала свет даже в дома колхозников.

В 1933 году школа получила две грузовые автомашины — «АМО-Ф-15» и «ГАЗ-А». Теперь она была полностью обеспечена своим транспортом.

Летом ко мне обратились жены начальствующего и преподавательского состава доставить их за 40—50 километров в степные вишневые заросли за ягодами. Просьбу пришлось уважить.

Кустанайские степные дороги летом совершенно не похожи на зимние, они доступны любому транспорту. Но когда поднимаются сильные ветры, возникают пыльные бури.

Заросли ягодника вишни — это не отдельные деревья и даже не кустарники. Низкие ягодники тянутся на километры. Кусты высотой в 30—40 сантиметров напоминают заросли черники, только покрыты они красными гроздьями спелых плодов, которые по размеру меньше ягод нашей вишни, немного кислее. Но вполне годны для употребления в свежем виде и для приготовления варенья, настоек, джемов.

Мне пришлось бывать на сборе степной вишни два три раза.

В ближайшие заросли в выходные дни из Кустаная прибывало много людей, а за 80—100 и более километров выезжали на автотранспорте специальные заготовительные группы из Троицка, Карталлов, Магнитогорска и других рабочих центров.

Плоды спелой вишни там в большом почете.

Летом 1934 года школа в полном составе выехала в Алма-Ату, где приняла от одной воинской части благоустроенные летние лагеря за городом. В них мы и стояли до сентября. Лагерь располагался в фруктовых садах, в которых было много яблок, особенно чудесного Вернинского апорта.

Таким образом, школа приблизилась к столице республики. В 1935 году она окончательно переехала в Алма-Ату. Предоставленные школе стационарные помещения в городе были удовлетворительными. Под квартиры отвели три двухэтажных дома, и постоянный состав разместился хорошо.

В том же году сняли с работы Успанова. Обязанности начальника школы временно возложили на меня. Лекции читали работники центрального партийного и советского аппарата, что значительно улучшило учебный процесс. Кроме того, курсанты получили возможность закреплять свои знания на практической оперативной работе.

В 1936 году Наркомат обороны СССР присвоил мне воинское звание капитан.

В январе 1937 года мою семью постигло большое горе — умер сын Вова. Ему было 8 лет. Как это случилось, никто не видел. Дети играли во дворе, соседский мальчик Избасаров бросил камень в моего сына и попал в переносье. Образовалась рана, началось заражение крови. Мальчика положили в клинику Совнаркома

Казахстана, но спасти его не удалось. Это было исключительно тяжелое горе в моей семье.

В том же году я окончил вечернюю среднюю школу при 1-й алма-атинской дневной школе. Получил свидетельство о среднем образовании. И сразу же поступил на заочное отделение Центральной Высшей школы в Москве (ЦВШ).

И наконец в 1937 году наша семья еще раз увеличилась. У нас родился мальчик — Борис.

1937 год был и для школы особым годом. Сдали в эксплуатацию новое здание учебного корпуса. Прибыл новый начальник школы — Федор Иванович Рыбалкин. До этого он был начальником пограничного отряда где-то на границе с Маньчжурией.

Школа расширилась. Были оборудованы хорошая библиотека, клуб, организован духовой оркестр. Школа превратилась в солидное учебное заведение, готовила квалифицированные национальные кадры.

Обновился командно-преподавательский состав. В 1938 году убыл начальник школы Ф. И. Рыбалкин.

Из многих желающих поступить в ЦВШ было зачислено из Алма-Аты только два человека — работник политотдела П. И. Ильченко и я. В данное время он подполковник в отставке, живет в Алма-Ате. С сентября 1937 по сентябрь 1939 года у меня наступила учебная страда. С Ильченко мы усердно занимались.

Одна из комнат моей квартиры была превращена в учебный кабинет, где я почти ежедневно засиживался до двух-трех часов ночи. Работать и одновременно учиться было очень тяжело. Но знания мне были очень нужны для дальнейшей работы. Нельзя руководить людьми с высшим образованием, не имея этого образования самому.

В работе особенно много помогали мне заместитель начальника школы по политической части Михаил Петрович Баюшев (ныне пенсионер, живет в Минске) и преподаватель Н. И. Зайцев, прибывший в школу вместе со мной по окончании Московского государственного университета имени Ломоносова (ныне пенсионер, живет в Каунасе).

Начальника школы по-прежнему не было, и на меня легла чрезмерно большая нагрузка. В дополнение ко всему летом 1938 года меня вызвали в Москву на

трехмесячные курсы переподготовки начальников школ и их заместителей по учебной части. Одновременно пришлось сдавать зачеты и на курсах и в ЦВШ.

На курсах читали лекции видные политические и государственные деятели, такие, как Е. М. Ярославский, Змеул, И. И. Минц, Кудрявцев, академик П. И. Степанов, первый заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин, а также Герой Советского Союза М. Т. Слепнев и другие.

Побывали на экскурсии в музее Владимира Ильича Ленина и многих других музеях Москвы. Посетили многие театры и концертные залы. Проехали по каналу Москва — Волга.

Учеба на курсах осталась в моей памяти навсегда.

Летом 1939 года мы с Ильченко отбыли в Москву для сдачи государственных экзаменов за ЦВШ. Окончание учебы для меня и моей семьи было большим событием, все волновались, переживали.

Наконец экзамены остались позади. 15 или 16 сентября состоялся выпускной вечер. В тот же день нам выдали свидетельства об окончании ЦВШ. Многие выпускники, в том числе и мы с Ильченко, за успешную учебу получили путевки в санаторий. Наши путевки были в Ялту.

Отправились на Курский вокзал. Подъезжаем и видим — всюду у радиорепродукторов стоят толпы людей и что-то внимательно слушают. Мы тоже подошли. Передавалось заявление Советского правительства о переходе нашими войсками границы с Польшей с целью освобождения Западной Белоруссии. Я был настолько взволнован и обрадован, что невольно на глазах появились слезы. Сбылась мечта — моя родина объединяется с Советской Социалистической Республикой. Теперь я уже не зарубежник.

Ильченке заявил, что в Ялту не поеду, путевку сдам и буду просить разрешения выехать в Ворониловичи. Возвратился в министерство и подал заявление. Там сказали, что вопрос с выездом будет решен через некоторое время, а теперь следует выехать на место прежней службы.

Возвратясь в Алма-Ату, написал два или три письма в Ворониловичи. Очень хотелось поскорее узнать, что там и как. Но только в ноябре пришло долгожданное

письмо от брата Александра, в котором он коротко сообщил о семье и приглашал приехать в гости. В декабре получил разрешение на выезд с женой на месяц в Ворониловичи.

Сборы были короткие, подарки давно закуплены.

В Минске пересели на поезд, идущий в Брест. Вот и станция Нехачево. Сходим с поезда. Нас встречает брат Александр. Сразу узнаем друг друга. Объятия, поцелуи, путанные вопросы:

— Как дома?

— Как доехали?

— Как у вас?

— А у вас?

От станции Нехачево до деревни Ворониловичи — сорок километров, а ехать надо на санях, декабрь, холодно, мороз более сорока градусов. Сыну Борису два года. Замерзнет ребенок. Дочь 13 лет осталась в Алма-Ате у нашего друга Исидора Минаевича и его жены Марии Андриановны Кукс. Как довести ребенка? Наконец устроили его у жены на груди под зимним пальто, сверху накинули какой-то тулуп, привезенный братом. Ноги укрыли сеном.

Сорок километров проехали с одной остановкой в местечке Коссово, где зашли в дом, обогрелись и размяли отекавшие ноги, привели себя в порядок.

В Ворониловичах нас ждали. Была и радость, были и слезы. В первый вечер в наш дом собралась буквально вся деревня. Негде было повернуться. Многие стояли на скамейках у стен. Слышались разговоры:

— Ну, вы уже посмотрели, пропустите нас!

На нас смотрели с нескрываемым любопытством, как на пришельцев с другой планеты. Молодежь не знала нас. Более пожилые здоровались и вступали в разговор.

Но в первый же вечер мы с женой были и возмущены. Кто-то пустил слух, будто одежда на нас не наша, а выдана нам Советами (так называли органы Советской власти в Польше). Выдана временно, только на период поездки в Ворониловичи, по возвращении ее придется сдать назад. И мы снова будем ходить полураздетыми. Подарки же получены специально для обмана населения.

Двадцатилетняя агитация против Советской власти,

видимо, дала свои плоды. Находились люди, которые верили всяким небылицам о Советском Союзе. Верили, хотя сами хорошо знали, что от притеснения польских властей и тяжелых условий жизни очень многие из деревень и даже из тех же Воронилович бежали в Советский Союз.

Чувствовалось, что густо насажденная агентура польской дефензивы продолжала свои провокационные действия, распуская слухи о нашей стране один нелепее другого.

Как-то жена постирала белье и вывесила сушить в закрытом сарае, где складывались дрова, а мать, натянув веревку во дворе, перевесила его туда, ближе к улице. На вопрос, почему она это сделала, мать ответила:

— Пусть посмотрят, что у вас есть белье, и даже шелковое.

Оказывается, кто-то распустил слух, что у нас нет белья.

Очень грустно было слушать нелепые сплетни и вместе с тем смотреть на тяжелые условия жизни моих односельчан.

Рядом с нашим домом стояла халупа соседа Матвея Козла. Он и его сын Филипп жили очень бедно. К ним через разбитое окно кухни постоянно забирались чужие коты и лакомились молоком из кувшина, обмакивая туда лапу и облизывая ее потом.

Сын Филиппа приходил к нам всегда босиком. Он даже к своему отцу на гумно, где цепями молотили рожь, прибегал босиком, а зима была холодная, и ему приходилось попеременно стоять то на одной, то на другой ноге, согревая их о голень по очереди. И отец не обращал на это внимания.

Григорий Ахраменя на мой вопрос, как жилось при Польше, рассказал:

— Знаешь, Павлюк, я всю жизнь охотился за землей. Как сам знаешь, своей земли у меня было мало, и мне хотелось прикупить 3—5 гектаров. Денег не хватало, а земля была дорогая. Продавали землю помещики,— объяснял далее Ахраменя,— или разорившиеся крестьяне, уходившие в города на поиски лучшей жизни. Но крестьянская земля была очень плохая, песчаная, малоурожайная. Помещицкая была куда луч-

ше, но и намного дороже. В нашем Коссовском повете не было ни одного торго, на котором я не присутствовал бы. Но за 19 лет земли так и не купил.

Вечерами собирались ко мне товарищи по детству, по совместной жизни в Оренбурге. Приходили и старики. Многие приглашали к себе домой. Некоторые были моими близкими товарищами. И все же они были не похожими на тех, которых я знал раньше. Они были другими, какая-то грань легла между нами.

Сначала я не понимал, что разделяет нас. И только через несколько дней заметил привитое им раболепство. Мне стали надоедать низкие поклоны от детей и до стариков, с обязательным снятием шапки, несмотря на сорокаградусный мороз. Никакие доводы, что я такой же, как и они, не могли их убедить. Низкопоклонство продолжалось.

Очень неприятны были и подачи. Да, настоящие подачи. Ко мне зачастили за советами: куда обратиться за розыском родственников, которые ушли в Советский Союз в период нахождения Западной Белоруссии под польской властью или остались в России с 1915 года. Обращались и с другими вопросами. И каждый обязательно приносил и клал в кухню кусочек сала, десяток яиц или немного масла. На мое требование взять подачи назад отвечали:

— Так положено.

Наш отказ от платы за советы был им непонятен.

Из друзей по Оренбургу в Ворониловичах были только Александр и Андрей Ерши.

Из старожилов меня навестили Николай Хадыка — сын моего дяди Антона, Григорий Ахраменя, Александр Суходольский, Игнат Козловский, Антон Рудый, Лука Баран, Максим Ахраменя, Антон Прокопеня и другие. Они рассказывали о тяжелой жизни при Польше, о вечных поисках заработка, дороговизне, о мучительном ожидании освобождения из-под власти польских оккупантов. Поведали и о политической борьбе белорусского народа против буржуазии и помещиков. Рассказывали о пожарах имений, купеческих контор, иностранных заготовительных складов в лесах, о подпольных организациях, тайной читке запрещенной литературы, слушании радио, об арестах и осуждении на многие годы активистов из многих деревень. Инте-

ресовались жизнью в Советском Союзе. Особо расспрашивали о колхозном строительстве. Наши беседы затягивались до позднего вечера.

В январе 1940 года с женой и сыном я возвратился в Алма-Ату.

В феврале 1941 года меня направили в город Владимир на курсы усовершенствования командного состава Красной Армии. Начальником курсов был полковник Иосиф Иустович Санковский.

Моя жена с детьми временно переехала в Минск к своим родственникам. Накануне Великой Отечественной войны семья оказалась разделенной.

ТРУДНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Владимир — областной город с населением менее ста тысяч человек и промышленностью местного значения. Правда, уже начал строиться тракторный завод.

В прошлом Владимир претендовал на первозванную столицу центральной части великой, но разобщенной Руси. Как крепость, основан на высоком берегу реки Клязьмы князем Владимиром Мономахом в 1108—1109 годах. Сохранилось много исторических памятников. Успенский собор, построенный в 1158—1161 годах, Дмитриевский собор, возведенный в 1193—1197 годах, и Золотые ворота 1164 года, служившие главным входом в город. Во многих местах сохранился крепостной вал.

Наши курсы усовершенствования командного состава (КУКС) размещались на улице Фрунзе, в здании бывшего женского монастыря. Он был огорожен высокой каменной стеной, а для связи с внешним миром имел только одни ворота. По внешнему виду здание похоже на тюрьму, небольшие комнатки, напоминавшие камеры. Внутри двор без растительности. После Алма-Аты отсутствие зелени действовало угнетающе.

Это было мое второе пребывание в зданиях бывших монастырей. Летом 1936 года я отдыхал в санатории «Новый Афон» (Ахали-Афони). Впервые в жизни получил такую путевку, да еще на побережье Черного моря. Я был очень рад. На время своего отпуска семью отправил к родственникам в Минск, сам выехал в санаторий. До Сочи ехал поездом, а оттуда малым автобусом, вмещавшим десять — двенадцать человек. Из автобуса все мы, пассажиры, любовались необычным для нас пейзажем. Дорога, извиваясь, то удалялась, то приближалась к морю. Круто, а местами полого спускались Кавказские горы. Мы смотрели то направо, то налево. Вдруг кто-то закричал. С горы на большой скорости

прямо на нас шла грузовая машина. Наш шофер растерялся и не смог предотвратить столкновения.

От удара груженной дровами машины наш автобус опрокинулся на правый бок. Произошло это в 6—8 километрах от Гагр. Жертв не было, но несколько человек получили повреждения, в том числе и я — вывих левой руки. Моя первая поездка на побережье Черного моря была омрачена.

Санаторий был размещен в бывшем Ново-Афонско-Симоно-Кананитском мужском монастыре, основанном в 1876 году. Здесь постоянно жил академик Украинской Академии наук Кинги. Я с большим удовольствием прослушал несколько его лекций по истории Кавказа и, в частности, по истории Нового Афона. Лекции сопровождался показом тех мест или предметов, о которых говорил академик. Мы совершали экскурсии по территории монастыря, рассматривали его достопримечательности, даже совершили с академиком поход на Иверскую гору, побывали там в развалинах бывшей римской крепости и античного храма, где хранилось много памятников старины.

Здание монастыря представляло собой замкнутый квадрат, в середине большой двор, на котором стоял собор и копия кремлевской Спасской башни с такими же курантами.

Из рассказов академика Кинги мы узнали, что для написания над царскими воротами собора иконы «Тайная вечеря» был приглашен из Италии какой-то знаменитый иконописец (фамилию не помню). Договорились о цене. Но когда иконописец прибыл в Новый Афон, скупой настоятель монастыря за работу предложил только половину цены. Художник страшно возмутился и решил оскандалить жадного настоятеля.

Разделив отведенную под икону площадь на две равные части, с левой стороны он написал Иисуса Христа и шесть апостолов, снял леса и драпировку и предложил администрации принять икону за половину обещанной настоятелем цены. Поднялся скандал, начались угрозы, требования воссоздать всю икону с двенадцатью апостолами. Настоятель согласился уплатить полностью запрошенную иконописцем цену. Но ничто не помогло. Иконописец твердо заявил, что он никогда не переделывал своих работ. Единственное, на что он

согласился — за доплату написать копию только что воспроизведенной им части иконы и на правой стороне отведенной площади и обязал это сделать одного из своих учеников. В результате получилась «Тайная вечеря» с двумя Христами и у каждого по шесть апостолов сбоку.

Собор именовался Александровским в честь императора Александра III. Скандал и тяжба настоятеля с иконописцем длились до октября 1917 года.

Владимирские курсы подчинялись непосредственно Наркомату обороны. Я был в 16-й учебной группе. Она состояла из командиров-пулеметчиков, имевших звание от старшего лейтенанта до майора включительно.

В одной группе со мной были капитаны Н. В. Ермилов (ныне пенсионер, живет в Минске) и Горшков, москвич. Было среди нас четверо награжденных орденами Красного Знамени за гражданскую войну.

Из постоянного состава курсов запомнились начальник — полковник Иосиф Иустович Санковский (в войну генерал-лейтенант), комиссар — полковой комиссар Зиновий Григорьевич Кузнецов, начальник учебного отдела полковник Александр Иванович Дубинкин (во время войны служил вместе со мной в одной части), командир батальона майор Андрей Михайлович Маликов.

Из преподавателей помню полковника Анциперова, майоров Хотемкина и Звингула, капитана Киндеса (в войну генерал-майор). Руководителем нашей пулеметной группы был орденосец майор Герасим Ефимович Фондеранцев (ныне полковник в отставке, живет в Минске).

На курсах была очень хорошая учебная база. Кабинеты по тактике, артиллерии, стрелковому оружию, связи, топографии и военной химии были хорошо оборудованы. Имелись новейшая материальная часть, наглядные пособия. Учиться было с кем и с чем.

Очень много времени отводилось на полевые занятия. Мы ходили в походы на сорок — шестьдесят километров с полной солдатской выкладкой снаряжения, зачастую с ночевками в деревнях и даже в лесах, в примитивных лагерях, в плащ-палатках. Питание готовили сами в котелках из сухого пайка, полученного на руки.

Полевые занятия были очень интересные и полезные.

На курсах поддерживалась строгая дисциплина, особенно ревностно за ней следил полковник Санковский. Он был очень серьезным. Выделил группу слушателей, которые назначались дежурными по курсам. В эту группу включил и меня. Должен сознаться, что дежурить при полной выкладке снаряжения и без ночного сна было очень тяжело.

Увольняли в город редко. Больше ходили по городу в строю — на полевые занятия, в баню и на экскурсии. Экскурсии занимали почти все наши выходные дни.

Вначале нам выдали бывшее в употреблении хлопчатобумажное обмундирование и ботинки с обмотками. Большинство слушателей наматывать обмотки не умело, они всегда развязывались и тянулись под ногами, мешая движению строя. Особенно плохо было с ними в ночных походах и во время тревог. И только на третьем месяце обучения нам выдали хотя и старые, кирзовые, но все же сапоги.

Тревожило нас, курсантов, международное положение. Быстрый захват гитлеровцами одних государств, присоединение к фашистскому блоку других создавало реальную угрозу нам.

Очень хотелось прочитать в газетах, услышать по радио или хотя бы от командования курсов, даже просто от людей о каком-либо поражении немецких войск во Франции или в другом месте. Но таких ободряющих сведений или хотя бы слухов не было.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года наш батальон был в шести — восьми километрах от города, на занятиях. Мы сдавали зачеты: «Батальон в наступлении ночью». Одно из подразделений находилось в обороне, остальные — в наступлении. Я был с пулеметом «максим» и деревянной трещеткой в боевых порядках наступающих.

Примерно в шесть часов утра к командиру батальона подъехала легковая автомашина, и тут же мы услышали сигнал горниста «отбой». Занятия прекратились. Последовала команда «сбор». Батальон быстро построился. У автомашины стоял полковник И. И. Санковский.

Мы ожидали разбора незаконченных занятий, по-

лагая, что у нас были какие-то непростительные ошибки и занятия придется повторить сначала. Но полковник сел в машину и уехал в направлении города. Почему нас сняли с занятий, мы не знали. Где-то впереди запели песню, но тут же последовала команда:

— Отставить петь!

Во дворе здания курсов нам почему-то не подали команду «разойтись», а приказали следовать в клуб. Вскоре сюда прибыли и остальные батальоны, пришел весь постоянный состав курсов.

На сцену поднялись И. И. Санковский и З. Г. Кузнецов. В зале наступила тишина. Начальник курсов сделал ошеломляющее сообщение:

— В 4 часа 00 минут сегодня, 22 июня 1941 года, фашистская Германия совершила вероломное нападение на нашу Родину — Союз Советских Социалистических Республик — и уже бомбила целый ряд наших городов.

В числе городов, которые подверглись бомбежке, он назвал и Минск. А там моя семья. Что будет с ней?

О чем говорил затем комиссар курсов, я не помню. Все мои мысли были о Минске, о семье. Как они там? Возможно, уже погибли? Теперь не мог простить себе, что перевез их из Алма-Аты.

Из клуба завтракать не пошел. Попросил у кого-то папиросу. Закурил, хотя уже несколько лет не брал в рот папирос. Побежал на почту, откуда послал семье в Минск телеграмму, чтобы они немедленно выезжали в Алма-Ату. Тут же написал и письмо. На почте стояла огромная очередь наших курсантов.

Весь день я только и думал о семье. Наша квартира и вещи находились в Алма-Ате. Какая совершена роковая ошибка? А ведь все предвидели, что рано или поздно Германия нападет на нас. Несмотря на договор о ненападении, Гитлер не отказался от лозунга «Дранг нах Остен» (поход на Восток), от своих идей мирового господства. И в такой обстановке я послал семью поближе к западной границе!

Сообщение о бомбежке наших городов еще не говорило об успехах немцев вообще. Мы ждали сообщений о разгроме зарвавшихся фашистов у наших границ.

В 12 часов дня слушали заявление нашего прави-

тельства. Оно подняло дух и вселило веру в нашу победу.

У кабинета начальника курсов стояла очередь слушателей с ходатайствами послать их в округа, в которых происходили бои и жили их семьи. Я тоже написал рапорт и просил направить меня в Западный особый военный округ. Но всем нам отказали.

Ночь прошла без сна. Вспомнилась вся жизнь: гражданская война, бои на Восточном фронте, на Кавказе. Но тогда почти не было танков и авиации. Передвижение артиллерии осуществлялось только на лошадях, а войска шли пешим порядком. Теперь все же много машин, танков, самолетов, подвижность войск возросла. Было ясно с самого начала, что война будет иной.

На третий день войны, 24 июня, когда мы занимались, в класс зашел из штаба курсов писарь и попросил разрешения сделать объявление. Он зачитал список слушателей, которым надлежало немедленно явиться к начальнику курсов. В этом списке был и я, а всего около двадцати человек.

В кабинете Санковского находились комиссар Кузнецов, несколько штабных и хозяйственных работников. Нам приказали убыть в распоряжение Наркомата обороны, в Москву. Старшим назначили меня. Оружие, снаряжение и учебные пособия распорядились не сдавать, а оставить в пирамиде, в общежитии. Разрешили заменить на складе обмундирование и обувь. Пакет с документами обещали вручить при отъезде.

Мои друзья Ермилов и Горшков в список не попали.

Итак, конец учебы. Мой путь теперь в действующую армию. Но почему сначала надо ехать в Москву? Возможно, это к лучшему — в Наркомате обороны буду просить направить меня в Западный особый военный округ, чтобы попасть в Белоруссию.

Проводить нас собралось много слушателей. Мы простились со всеми и сели в автобусы.

Рано утром были в Москве. Город еще спал. На улицах никого. Вот Исторический музей, ГУМ, собор Василия Блаженного, памятник Минину и Пожарскому, Кремль, Спасская башня с курантами, которые два раза в сутки слушает вся страна. Серебряные пушистые елочки, Мавзолей Владимира Ильича Ленина, два

часовых у входа. Все на своих местах, никаких изменений. Мои спутники смотрят на Мавзолей Ленина и думают, думают. Я тоже думаю и мысленно докладываю Ленину: «Дорогой Владимир Ильич — война». И кажется, слышу ответ: «Ничего, спокойней, выстоим, победим».

Машины и людей оставляю у здания ГУМа, а сам с пакетом иду в Наркомат обороны. Разыскиваю нужный подъезд, вхожу в комнату дежурного, докладываю о прибытии. Предлагают отпустить машины назад, во Владимир, а людей построить. Объявляют назначение в части. Всех оставляют в Москве. Высказываю просьбу направить меня в Западный особый военный округ, но мне отказывают. Дежурные автобусы развозят нас по частям. Группу из четырех человек, в том числе и меня, доставляют в Лефортово, в здание Военного училища имени Верховного Совета РСФСР.

Как я мечтал раньше, еще в мирное время, попасть в это прославленное училище, которое после революции размещалось в Кремле, и его слушатели стояли на посту у кабинета Владимира Ильича Ленина. Не только все курсанты лично видели Ленина, но и Владимир Ильич знал многих из них. Моя мечта тогда не сбылась. Мне пришлось войти в здание училища теперь, на четвертый день Великой Отечественной войны.

В Лефортово я получил назначение на должность заместителя командира 257-го отдельного пулеметного батальона, который предстояло сформировать здесь же. Остальных моих товарищей по Владимирскому КУКСу направили в другие части.

Здесь меня познакомили с капитаном Попковым, офицером военного училища имени Верховного Совета РСФСР, который назначался командиром батальона, и комиссаром Казачком.

Мы с Попковым распределили между собой обязанности. Он взял на себя оформление документов, денежную и продовольственную часть, вооружение, средства связи и транспорт, я — прием людей из военкоматов, назначение командиров и укомплектование рядовым составом батальона.

Вскоре из райвоенкоматов прибыли первые группы командиров запаса. Мне представили заместителя командира батальона по артиллерии капитана Сергея

Сергеевича Луковкина, начальника штаба батальона младшего лейтенанта Смирнова. Командиром 1-й роты стал старший лейтенант Гришухин, начальником АХО — лейтенант интендантской службы Григорьян, его заместителем — младший лейтенант Михаил Иосифович Хромой, командиром хозяйственной роты — инженер Брашнин. К сожалению, имен и даже фамилий многих командиров не помню.

Люди прибывали из мобилизационных пунктов и даже прямо с заводов и учреждений.

Кто-то из корреспондентов брал интервью, фотографировал.

После передачи личных вещей семьям и прощания с теми, кто пришел проводить своих отцов, мужей и братьев, батальон с оркестром выступил на Ржевский вокзал.

Вот и определилось мое положение. Еду на фронт, хотя и не через Минск, но еду.

Нас провожало много людей. Рядом с колонной шли отцы, матери, жены, дети и родственники, знакомые бойцов и командиров. Они наказывали скорее возвращаться с победой домой.

Все погружено на платформы и в вагоны, и наш состав медленно отошел от Ржевского вокзала в направлении Великих Лук Калининской области.

Первую ночь я не мог уснуть. Только начинал дремать — вместо стука колес слышалось: «Папа спаси, папа спаси». Я тут же подхватывался, пересаживался к дверям и курил, курил.

На перегонах между Великими Луками, Новоскольниками и Пустошкой эшелон два раза бомбили. Небольшие группы фашистских самолетов налетали при подъезде к Себежу и на самой станции сбрасывали небольшие бомбы, но попаданий в поезд не было. Мы обстреливали самолеты из винтовок. Зенитных средств не было.

У нас появились раненые, но ощутимых потерь бомбежка не нанесла.

На станции выгрузились из вагонов. Автомашин у нас было мало, а конный транспорт, мобилизованный на предприятиях Москвы, состоял из разных тяжело-весных повозок, годных перевозить грузы по асфальтированным дорогам или улицам города. В Себеже мы по-

добрали несколько фургонов военного образца, их отдали под пулеметы. На проселочных дорогах они были прекрасным транспортом, в дальнейшем сыгравшим большую роль.

Вечером того же дня батальон был уже в укрепрайоне.

Построенный в довоенный период Себежский укрепленный район занимал шестидесятикилометровую полосу по фронту и от одного до нескольких километров в глубину вдоль бывшей границы Советского Союза с Латвией. В этой полосе были сооружены железобетонные доты, которые выдерживали удары снарядов даже крупнокалиберной полевой артиллерии. Укрепрайон был оборудован скрытой телефонной связью, параллельно существовала и радиосвязь. В дотах — специальные отсеки для продовольствия и воды.

Укрепрайон при полном вооружении представлял для наземных войск, в том числе и танков врага, совершенно непроходимую зону. Любое наступление врага с фронта и флангов безусловно было бы отбито.

По переднему краю протекала, хотя и небольшая, река Исса, но вместе со значительным понижением склонов она создавала хорошие условия для обороны. Далеко просматриваемая местность позволяла разработать систему ведения прицельного огня. Недостатком являлось лишь то, что на территории укрепрайона размещалось несколько деревень. Они демаскировали оборону и, самое главное, мешали ведению фланкирующего обстрела. В полосе, занимаемой 257-м пулеметным батальоном и соседями слева, было три деревни — Толстяки, Грошево и Селиваново.

Себежский укрепрайон, по моему мнению, строился правильно. Но в 1939 году строительство было прекращено и вместе со всем оборудованием и вооружением законсервировано.

До 1941 года укрепрайон занимали пулеметно-артиллерийские батальоны, но накануне войны их передислоцировали куда-то вместе с демонтированным вооружением. На месте остались небольшие подразделения для внешней охраны.

С первых дней пребывания в укрепрайоне мы начали вновь его осваивать, составлять схему расположения огневых точек, определять поражаемые и мертвые про-

странства, разрабатывать порядок взаимодействия огня, вновь устанавливая телефонную связь. Скрытую проводную связь и радиоаппаратуру освоить не смогли. С болью в сердце пришлось заделать в дотах артиллерийские амбразуры мешками с песком. В батальоне не было артиллерии и зенитных установок. Отсутствовали и топографические карты этих мест.

Станковых и ручных пулеметов было достаточно, но подготовленных пулеметчиков не хватало. Патронами батальон был обеспечен.

В конце июня — начале июля через правый фланг укрепрайона из Латвии начали отходить разрозненные воинские части. Они оставили нам две сорокапятимиллиметровые пушки. Но снарядов было ограниченное количество.

Мы усиленно готовились к бою — изучали доты, местность, осваивали связь, разрабатывали взаимодействие между подразделениями.

Над укрепрайоном часто появлялись фашистские самолеты, но большого вреда нам не причинили. Особенно был противен «фоккевульф», прозванный рамой. Он постоянно «висел» над нами и, как хищник, высматривал добычу. К сожалению, стрелять по «раме» мы могли только из стрелкового оружия.

В первые дни нашего затишья создали партийные и комсомольские организации. Провели короткие собрания в подразделениях и беседы с бойцами в дотах.

Из газет и передач по радио мы знали о положении на фронтах. Запомнилось на всю жизнь, что Минск сдан фашистам 28 июня 1941 года. С болью в сердце воспринял это известие.

В батальоне были грамотные люди, среди солдат находились даже кандидаты наук. Были учителя, артисты, но больше всего мастеровых людей. Как-то очень быстро все подружилось, военная обстановка за столь короткое время сблизила их.

Усиленно занимались изучением материальной части пулеметов. Расчеты «обживали» пулеметные гнезда в дотах. Отырыли окопы для стрелковых отделений и ручных пулеметов.

Питание людей было нормальное. Но запасов продуктов и воды в дотах не смогли создать.

Правым нашим соседом был 258-й отдельный пуле-

метный батальон. Командовал им майор Ушаков, заместителем был капитан Гольберг. 258-й батальон сформировали в первые дни войны тоже в Москве и одновременно с нашим направили в Себежский укрепрайон. Он занимал район железной дороги Рига — Великие Луки.

Слева оборону держала 170-я стрелковая дивизия 22-й армии. Дивизией командовал генерал-майор Тихон Константинович Силкин. В оперативном отношении ему подчинялись наши батальоны.

Первые столкновения с передовыми немецкими частями произошли 4 июля. Атаки пехоты были отбиты без потерь с нашей стороны. До 14 июля шли сильные бои. Немцы применили артиллерию и танки, однако прорвать укрепрайон не смогли.

Лишь обход укрепрайона с флангов, где оборонялись наши малочисленные войска, поставил нас в трудное положение. Отдельные отряды немцев с минометами появились даже в нашем тылу. Они оседлали дорогу Себеж — укрепрайон, Себеж — деревня Толстяки.

На дороге Себеж — укрепрайон погибла наша застава. Я как раз находился тогда в тыловых подразделениях. Услышав бой, взял станковый пулемет, установил его на грузовую автомашину и немедленно выехал к заставе. Мое появление изменило ход боя.

Машина последние метры шла задним ходом с открытыми бортами. Немцы, сбив заставу, бежали по дороге прямо на нас. И тут буквально напоролись на огонь моего пулемета. Часть атакующих была перебита, а остальные бросились назад к лесу.

Позже немцы попытались прорваться к деревне Толстяки, но тоже были отбиты. На дорогах и возле них лежало много трупов немцев.

В тот же день напряженный бой разгорелся на нашем левом фланге. Но прорваться к дотам немцы не смогли. Все поле возле дотов было усеяно трупами вражеских солдат.

Хозяйственная часть батальона и транспорт переместились в центр укрепрайона. В нашем тыловом охранении появились потери.

14 июля прекратилась связь с соседями слева и справа. Батальон оказался в окружении. Дальнейшее пребывание в укрепрайоне стало бесполезным.

15 или 16 июля с наступлением ночи батальон, взяв из дотов часть пулеметов и повредив остальные, оставил укрепрайон. Двинулись в направлении Себежа, но, встретив сильное сопротивление немцев, свернули в лес.

Колонну бойцов и командиров с винтовками и ручными пулеметами возглавлял капитан Попков, я шел во главе транспорта.

Где-то южнее Себежа между озерами Себежское и Белое в районе деревни Глубочица нам предстояло перейти шоссейную дорогу Полоцк — Опочка — Псков, по которой двигались колонны автомашин и конного транспорта немцев. Люди капитана Попкова сумели быстро проскочить шоссе, моя же, более громоздкая колонна, задержалась. Наша лесная дорога окончилась на шоссе, а с противоположной стороны была канава и дальше — болотистая местность. Только через час-полтора мы сумели вклиниться в промежуток немецких колонн, проехать 2—3 километра в сторону Полоцка, а затем южнее озера Белое свернуть на первую попавшуюся тропу влево, в лес. К утру в районе деревни Рудня разыскали колонну капитана Попкова. Перед этим преодолели вязкое болото с большими плесами воды. Для прохода транспорта пришлось строить из бревен настил. К счастью, срубленного леса вблизи плеса было достаточно.

Первый светлый день после выхода из укрепрайона мы провели на каком-то заросшем кустарниками бугре, среди болота. Рядом находилась деревня Луково. Со стороны шоссе мы ожидали нападения и подготовились к бою. На вероятных путях движения противника установили станковые пулеметы и пушки. В нескольких направлениях выслали разведку.

В обозе оказалось небольшое количество хлеба, консервов и других продуктов, припасенных нашими хозяйственниками. Продуктам мы вели строгий учет и выдавали определенную норму.

Потери людского состава к этому времени не превышали пятнадцати процентов. Мы ревностно следили за поведением рядового и командного состава. В батальоне не было случая срыва петлиц, нарукавных знаков или утери оружия. Люди были очень дисциплинированные. Мы не знали случаев дезертирства или отставания в походе. Все стремились бить врага.

Вторая ночь прошла без боя. Но повозки в болотистых местах пришлось тянуть людям. Транспорт вывели со всем имуществом. Потеряли только одну двуколку и бойца. Но утром потерявшаяся лошадь нашла нас. Она шла тропинкой вслед за нами. Бойца на повозке не оказалось. Передняя часть двуколки была залита кровью. О судьбе бойца мы так ничего и не узнали. Лошадь приняли, как одного из наших верных друзей.

Днем остановились в лесу юго-западнее Пустошки, в районе деревень Горки, Васьково. Начали готовиться к переходу шоссейной дороги Пустошка — Невель. Восемнадцатого июля утром встретились с колонной 258-го пулеметного батальона. С ним были другие отходящие группы войск, даже танки и артиллерия.

В районе Пустошки шли бои. Вскоре к нам подъехала группа командиров, среди них был и генерал. Он приказал пулеметным батальонам занять оборону вдоль шоссе Пустошка — Себеж.

Наш батальон пополнили людьми, а хозяйственники загрузили подводы хлебом и другими продуктами из какого-то склада. Хлеб бойцам выдали целыми буханками, а также по головке сыра. Продуктам мы были очень рады. Патронов у нас хватало. Правда, ручных гранат и бутылок с зажигательной жидкостью (ЖС) было маловато.

Днем начались ожесточенные бои. Они не прекращались до утра следующего дня. У нас появились потери. Тяжело ранило командиров 2-й и 3-й рот. Контужило заместителя комбата по артиллерии капитана С. С. Луковкина. Их отправили в Новосокольники.

Утром получили приказ отходить. От Пустошки до Великих Лук 257-й и 258-й пулеметные батальоны сначала двигались по шоссейной дороге. Потом нам приказали свернуть вправо и двигаться параллельно через деревни Пятовщина, Ребле, Песчанка, Клевцово, Станьково, Климово, Волнеино.

В деревне Песчанка произошел встречный бой с немецкой колонной, которая двигалась к шоссе Пустошка — Новосокольники. В этом бою один из наших командиров младший лейтенант Гарген Аркадьевич Мартиросов противотанковыми гранатами уничтожил два фашистских танка. До войны Г. А. Мартиросов был артистом Московского колхозно-совхозного театра.

Сильные бои развернулись вблизи Великих Лук, в районе деревень Токолово и Малахино.

Великие Луки были захвачены немцами 20 июля, мы прошли 23 или 24 июля, уже после его освобождения от немецко-фашистских войск. Даже однодневное пребывание в городе фашисты использовали для массовых погромов. Они оставили после себя много взорванных и сожженных домов. Мы воочию убедились, что фашисты — настоящие варвары. Все шло молча, на лицах был гнев и желание за все отплатить врагу.

Очень много гражданского населения шло на восток.

Фронт у Великих Лук стабилизировался. Снабжение стало нормальным. Все попытки немцев прорваться на этом направлении были тщетными. Больше месяца мы удерживали свои позиции.

С Попковым и со мной беседовал командующий 22-й армией генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков. Он предложил особо отличившихся в боях представить к награждению. Из нашего батальона представили Мартиросова, меня и двух бойцов-разведчиков. К сожалению, фамилий их не помню.

В беседе с генералом мы узнали, что командующий Себежским укрепрайоном и командир 170-й стрелковой дивизии генерал-майор Т. К. Силкин погиб в бою за Великие Луки.

В последние дни июля наши пулеметные батальоны были упразднены, а личный состав передан в 179-ю стрелковую дивизию. Командовал ею полковник Николай Григорьевич Гвоздев. Начальником штаба был капитан Мельцев, а заместителем по артиллерии — майор Дмитрий Дмитриевич Плеганский (ныне полковник в отставке, живет в Минске).

Капитана Попкова назначили командиром батальона 234-го стрелкового полка. Еще под Пустощкой я был легко ранен в правую ногу, но остался в строю. Первого или второго августа меня назначили начальником отделения штаба 179-й стрелковой дивизии. Командир 258-го пулеметного батальона майор Ушаков стал командиром 259-го стрелкового полка той же дивизии.

Наша дивизия была полностью укомплектована по штатному расписанию и хорошо обеспечена вооружением. Она занимала оборону в районе деревень Соколово, Еромкино, Аничково — юго-западнее шоссе Вели-

кие Луки — Невель. По всему фронту шли тяжелые бои с противником, пытавшимся прорваться к Великим Лукам.

После перегруппировки сил 22 августа вечером немецко-фашистские войска, прорвав наконец оборону наших соседей слева и левый фланг нашей дивизии, начали заходить нам в тыл. Захватив дороги на Торопец, немцы пустили танки со стороны Великих Лук, пытаясь окружить нас и уничтожить. Отступив, наши войска остановили противника на рубеже Западная Двина, в ее верхнем течении.

Мне пришлось выбираться из окружения. Очень сильный бой произошел в 6—8 километрах восточнее Великих Лук, в районе деревень Пески — Борок, где немцы преградили отход нашим войскам к Торопцу. Мы взяли севернее. Вспышки выстрелов немецкой артиллерии и их осветительные ракеты служили ориентирами ночью. Мы шли по полям и перелескам, уклоняясь от столкновения с сильными группами противника.

Второй заградительный огонь немцы открыли утром следующего дня вдоль реки Кунья у деревень Суворово — Усвята, но, к счастью, был близко лес, в нем мы и скрылись. Конный транспорт и автомашины двигались значительно севернее нас. Реку Кунья пришлось переходить дважды.

Весь день мы двигались на восток, в основном лесом.

Мне уже пришлось до этого один раз выходить из окружения, когда оставили Себежский укрепрайон. Тогда все командиры и бойцы были на своих местах. При встрече с противником мы организованно принимали бой, искали слабое место в обороне немцев и прорывались. Здесь же все перемешалось, не было четкого командования.

Хотелось есть. На огороде маленькой деревушки я нашел три огурца и сорвал их. Кто-то дал две отваренных картофелины. Где он взял их, я не спросил. Съел — стало легче. Завязался разговор с идущим рядом. Постепенно вокруг меня образовалась группа людей. Впереди тоже шла большая группа военных. На опушке леса нас остановили и приказали разобратся по частям.

Из 179-й дивизии собралось более трехсот человек, но не было полковника Гвоздева и командиров полков.

Из штабных работников оказался я один. Разбив людей на три группы, я дал им названия — 1-я, 2-я и 3-я роты, выделил командиров и приказал составить списки людей. Затем повел их за другими подразделениями в направлении Торопца.

Заночевали в лесу, костров не разжигали, так как часто пролетали фашистские самолеты. В деревне Ватолиха нам выдали по 250—300 граммов хлеба, собранного у населения.

На следующий день, 31 августа, к нам присоединилось еще несколько групп людей. Здесь я встретил начальника отделения штаба нашей дивизии старшего лейтенанта Усачева. Нашлось несколько человек, знающих меня еще по 257-му пулеметному батальону, в том числе и два бывших разведчика, представленных к награде.

У старшего лейтенанта Усачева сохранилась печать дивизии. Мы решили попытаться восстановить нашу дивизию. С этой целью Усачев выдал на мое имя удостоверение, подтверждающее, что я сопровождаю обоз и личный состав в район сосредоточения — в деревню Рожанка.

Мы с Усачевым понимали, что удостоверение, выданное начальнику отделения дивизии капитану и подписанное другим начальником отделения старшим лейтенантом, не внушает доверия. Но другого выхода не было. Надо как-то собрать людей.

Деревню Рожанка выбрали по карте, как более подходящий населенный пункт, расположенный вблизи главной магистрали, к которой устремились все выходящие из окружения.

В районе Торопца стояли в обороне наши войска, и всех отходивших задерживали и направляли в свои части. Остановивший мою группу командир потребовал предъявить документ, куда подразделение следует. Я показал усачевское удостоверение. Он проверил меня и Усачева, знаем ли мы командный состав дивизии, записал район, куда следуем, и разрешил вести группу в деревню Рожанка.

В Торопце мы получили на людей продукты, которые были крайне необходимы. Здесь к нам присоединилось несколько подвод конного транспорта. Колонна постепенно увеличивалась.

В районе Андреаполя тоже стояли в обороне наши войска. И здесь нашему проходу в деревню Рожанка никто не воспрепятствовал.

Рожанка стала пунктом сбора 179-й стрелковой дивизии. Через два-три дня собралось достаточно людей для восстановления одного полка. К нашей общей радости, группой работников штаба было вынесено из окружения и доставлено сюда Знамя дивизии. Вскоре прибыл к нам командир дивизии полковник Н. Г. Гвоздев.

Сначала восстановили 234-й стрелковый полк. На должность командира полка из штаба 22-й армии прибыл капитан Афанасий Дмитриевич Ширяев. Комиссаром полка назначили батальонного комиссара Василия Степановича Белова, меня — помощником командира полка. Начальником штаба полка стал старший лейтенант Чекунов.

Прибытие в Рожанку людей из окружения продолжалось несколько дней. С одной группой пришел капитан Иван Петрович Булгаков, его, раненого, привели бойцы.

По восстановлении связи с командованием 22-й армии к нам стало прибывать пополнение и вооружение. Дивизия получила район обороны у деревень Васильево, Терешено, Алексеево, Кочергино, Козлово. Хотя у нас был только один полк, район отвели шириной на полную дивизию.

Вскоре восстановили дивизионную артиллерию, на должность начальника прислали майора Дмитрия Дмитриевича Плеганского. Полк получил 82-миллиметровые батальонные минометы и значительно пополнился конным и автомобильным транспортом.

Походных кухонь и другого хозяйственного инвентаря в полку пока не было, пищу приходилось готовить в котлах из бань и скотных ферм, а на передовую доставлять в ведрах.

Как-то скоро восстановили 215-й стрелковый полк, немного позже 259-й.

В районе деревни Васильево шли напряженные бои. Примерно в десятых числах сентября немцы пытались захватить деревню, им удалось даже просочиться в наши тылы. Они открыли огонь из минометов и автоматов, пытаясь вызвать панику. В бой вступили даже ра-

ботники штаба и хозяйственники, а подоспевшее подразделение резерва отрезало фашистам путь отхода. Немцы дорого заплатили за свою дерзость. Ни отступления, ни паники в нашем полку они не вызвали. Незначительно пострадал только наш конный транспорт.

Этот бой с немцами был очень поучительный. Он подтверждал, что при хорошей организации обороны и своевременной поддержке резервов никакие прорывы фашистов не страшны.

Справа и слева нашей дивизии прочно занимали оборону другие части. Фронт 22-й армии снова стабилизировался. Наладилось обеспечение вооружением и боеприпасами. Хлеб и овощи доставлялись своевременно. Хуже было с мясом и жирами.

В одном из боев в сентябре 1941 года в районе деревни Кочергино погиб командир нашей дивизии полковник Николай Григорьевич Гвоздев. Вместо него прибыл комбриг Николай Иванович Кончиц, но и он командовал не больше месяца.

В начале октября, по приказу командования, наша и соседние дивизии оставили позиции в районе Андреаполя и перебазировались в район Большого Юша, Селижарово. На левом берегу Волги заняли оборону, оборудовали новые позиции. Но вскоре и их оставили и отошли в район Осташково. Как позже мы узнали, тяжелая обстановка для нас сложилась на правом крыле Западного фронта.

Отход был значительным, он занял несколько дней. Полки шли колоннами, в основном в ночное время. Днем занимали оборону.

С болью в сердце оставляли мы свою территорию. Но отходить надо, этим мы сохраняли войска и технику, боеспособность воинских соединений, которые могли потом перейти в наступление.

Октябрь и ноябрь дивизия стояла в обороне в районе Кувшиново — Ранцево — Брилево. Особенно тяжелые бои начались со второй половины октября, после прорыва немцев у Ржева и захвата ими города Калинина. Одна и та же местность несколько раз переходила из рук в руки. Немцы пытались отбросить наши войска к Вышнему Волочку, но мы прочно удерживали свои позиции. Хотя наши части несли большие потери, но и

Штаб 234-го стрелкового полка 179-й стрелковой дивизии. Во втором ряду (стоят): второй справа — командир полка майор А. Д. Ширяев, третий справа — военком полка батальонный комиссар В. С. Белов. Сидит второй слева — начальник штаба старший лейтенант Чекунов.

немецко-фашистские войска постепенно выдыхались и в конце концов перешли к обороне.

Из Осташково наша дивизия шла уже только вперед. Для меня окончился отход в глубь страны.

С конца октября дивизией командовал полковник Кузьма Иванович Сазонов, комиссаром был полковой комиссар Мацевский, начальником штаба — майор Политаев.

В ноябре к нам приезжали член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. С. Леонов и начальник штаба армии полковник М. А. Шалин. Впервые за войну было торжество. Член Военного совета фронта вручал правительственные награды командирам и бойцам. Ордена Красного Знамени получили Г. А. Мартиросов и я, орден Красной Звезды — лейтенант В. М. Попов,

медали — четыре бойца, двое из них (разведчики из бывшего 257-го пулеметного батальона) получили медали «За отвагу». Всего наградили семь человек.

Приятным был для меня и подарок, врученный одним из командиров батальона. Мне преподнесли трофейный топор. Обыкновенный металлический топор, годный для рубки дров и других работ. Во время внезапной атаки у немцев захватили несколько подвод. На одной из них, среди разного хозяйственного имущества, обнаружили плотничий топор со свежей пулевой пробоиной. Специалисты установили, что пуля, выпущенная из винтовки на близком расстоянии, сумела пробить лезвие топора. Эпизод малозначительный, но мне памятен этот ближний бой.

Запомнился день 6 ноября 1941 года. Боевой дух бойцов и командиров подняла речь И. В. Сталина на торжественном заседании в Москве. До этого фашистские главарь вoвсю трубили о предстоящем параде на Красной площади немецких войск. Но вместо их парада — наше торжественное заседание.

Доклад я слушал в штабе полка по радио. Доклад записывали все присутствующие, кто как мог. Основное его содержание тут же было кратко изложено и с нарочным передано в батальоны.

Сталин подвел итоги четырех месяцев войны, он не скрывал сложившегося для нас тяжелого положения, ставил задачи нашим войскам о необходимости перехода к решительному наступлению и разгрому фашистских полчищ. Доклад закончил словами: «Наше дело правое, победа будет за нами».

7 ноября в Москве состоялся традиционный парад войск. Это еще больше подняло боевой дух нашей армии. Значит, Москву не намерены оставлять, есть силы защитить ее!

На следующий день из Москвы были доставлены газеты с докладом на торжественном заседании и речью на параде войск. Газеты тут же распределили и разослали в подразделения, где с большим воодушевлением прочитывали, передавая из рук в руки. Любой разговор между людьми обязательно сводился к докладу и речи Сталина. Все чувствовали, что скоро Красная Армия на всех фронтах перейдет в решительное наступление и разгромит врага не только под Москвой.

Готовился к наступлению и наш полк. Изучалось расположение войск врага, его огневых точек. Составлялись различные варианты наступления, взаимодействия с поддерживающей артиллерией и соседями.

Наступление войск нашего фронта началось 5—6 декабря, а 16 декабря уже был освобожден город Калинин. Но наступление на правом фланге 22-й армии, где стояла и 179-я дивизия, было позже.

В последних числах декабря наш полк, выбив немцев из укреплений, значительно продвинулся вперед. Деревни немцами были сожжены, штаб полка и тылы располагались в шалашах из еловых веток. Костры жгли только ночью, днем в целях маскировки огня не разводили. Присланное в декабре зимнее обмундирование выдавалось только бойцам и командирам, находившимся на передовой.

Стояла холодная зима. Как-то полк расположился на месте сожженной фашистами деревни, а на утро следующего дня на пожарищах мы заметили роющихся в замерзшей земле мальчиков. Дети рассказали, что живут они в шести-семи километрах от своей бывшей деревни, голодают, ночью пробрались сюда с целью отыскать ямы с картошкой. Нас собралось вокруг ребят несколько человек. Мы с трудом отыскивали место, где была спрятана картошка, помогли отрыть ее, выбрать из ям и доставили вместе с мальчиками к их семьям. Местное население бедствовало, жить было негде, продуктов не было. Мы проходили по зоне выжженной земли.

Новый год мы встретили в боях. Нас продолжительное время поддерживал дивизион корпусной артиллерии, состоявшей из 152-миллиметровых пушек-гаубиц. Дивизионом командовал майор Никодим Иванович Шманцер (теперь полковник в отставке, живет в Минске). Накануне Нового года дивизион менял огневые позиции. Командир одной батареи, старший лейтенант Пономарев, награжденный орденом Ленина, выделил часть людей и повел их по лесной тропе готовить новые позиции. Проникшая к нам в тыл группа фашистов сделала засаду. Не подозревая об опасности, артиллеристы неожиданно попали под огонь. В завязавшемся бою погибло несколько человек, в том числе и командир батареи.

Но и мы не остались в долгу. 29 или 30 декабря из деревни Карманиха, занятой немцами, к нам пришли два крестьянина. Они рассказали, что в школе на окраине их деревни для встречи Нового года немецкие офицеры готовят елку. Командование полка вместе с командиром артдивизиона решило в ночь под Новый год ударить из орудий по школе. Ровно в 12 часов ночи наша артиллерия открыла беглый огонь по школе. Снаряды ложились исключительно точно. Когда полк через несколько дней занял деревню, у школы мы обнаружили несколько десятков свежих могил с березовыми крестами. По рассказам местных жителей, раненых фашистов было еще больше.

Декабрь 1941 года стал первым месяцем общего наступления Красной Армии по всему фронту. Мы радовались разгрому немцев под Москвой, Ростовом, Тихвином. Это были наши первые крупные победы. Мы ежедневно с нетерпением ожидали вечера, чтобы услышать голос Левитана, рассказывающего о новых победах на фронтах. С большой радостью мы передвигали флажки на карте все дальше и дальше на запад.

Наш фронт освободил города Калинин, Старицу и сотни населенных пунктов. Он продвинулся вперед более чем на сто километров.

В первой половине января 1942 года на правом фланге нашей армии вступила в бой вновь прибывшая из тыла 4-я ударная армия. Прорвав фронт противника в районе озера Волго, она быстрыми темпами наступала в направлении железной дороги Осташков — Андреаполь — Торопец. Наша дивизия 14—16 января завязала бой за Селижарово и взяла его. Наш полк наступал в первом эшелоне дивизии. Очень сильные бои развернулись в районе реки Большая Коша, по занятии которого дивизия получила направление на Ольхово, Ямм Столыпино, Якунино и дальше от станции Земцы на город Белый.

Немцы упорно цеплялись за населенные пункты, всеми силами старались удержать их. Они изымали у населения теплые вещи: валенки, полушубки, платки и даже одеяла. На убитых мы находили надетые поверх шинели крестьянские полушубки, а вокруг шеи были обмотаны одеяла. Во многих деревнях фашистские вояки строили из снега толстые стены, а для проч-

ности обливали их водой, создавая скользкие валы и подходы к ним. Фашисты заставляли местных жителей носить воду не только из колодцев, но из рек на значительное расстояние. Однако никакие уловки не помогли захватчикам.

Трудно было понять, где проходит линия фронта. Она причудливо изгибалась и изламывалась, то вклиниваясь на 100—150 километров в глубь вражеских позиций, то уходила далеко в наши тылы. Наши части стояли фронтом не только на запад, но и на юг, север и даже на восток. Мы нащупывали малейшие слабые места в обороне противника и атаковали его, прорывались в тыл и громили беспощадно.

Занимая оборону в районе станции Земцы, на участке только что перерезанной нами железной дороги Ржев — Великие Луки, один взвод 2-й роты нашего полка захватил небольшую, но господствующую высоту. Она находилась на 250—300 метров впереди. Несмотря на то что высота на три четверти в окружности огибалась немецкой передовой, а тыловое пространство простреливалось, взвод удерживал ее в течение двух суток, пока наши к нему не проложили в снегу туннель. Двое суток взвод не получал продуктов, но высоту не оставил. В дальнейшем она послужила трамплином для наступления на город Белый.

Справа от нас на 100—120 километров впереди вела бои 4-я ударная армия. Она находилась под Демидово, Велижем, а передовые части даже недалеко от Витебска. Слева под Ярцево и Вязьмой в полуокружении дралась 39-я армия. В районе города Оленино была окружена крупная немецкая группировка войск.

По реке Обша немцы создали глубоко эшелонированную оборону. Они стремились не только удержать Белый, но и прорвать наши позиции, чтобы выйти на соединение с фашистской группировкой под Оленино. Весь зимний период под Белым шли тяжелые бои. Весной, во время распутицы, бои несколько ослабли.

Ощущался недостаток продовольствия. В апреле приходилось иногда выделять по 15—20 человек из батальона для сбора щавеля и молодой крапивы, чтобы приготовить щи.

Весна, как и зима, была очень тяжелой. Людской состав пополнялся мало. Вооружения и особенно бое-

припасов недоставало. Дороги очень тяжелые. Наш полк был укомплектован только на половину. Но победы нас ободряли. За зиму полк прошел по прямой более 120 километров и весной сорок второго года стоял на границе с Белоруссией.

Нас очень часто перебрасывали с одного участка фронта на другой. Полк побывал в оперативном подчинении трех-четырех дивизий, а к концу мая его переименовали в 238-й стрелковый полк и закрепили за 186-й дивизией, которой командовал подполковник Михаил Иванович Никитин.

Весной 1942 года под Оленино я впервые наблюдал залповый огонь наших чудесных реактивных минометов, любовно прозванных в народе «катюшами». Да, это была совершенно новая артиллерия, не похожая на известную нам ствольную. И даже не похожая на немецкий шестиствольный миномет, часто попадавший к нам в качестве трофеев. Как-то ночью батарея «катюш» с участка обороны нашего полка произвела залп, а через некоторое время на позициях врага бушевал огненный вихрь. «Катюши» обладали большой маневренностью по фронту и могли наносить удары там, где их не ожидали немцы. Пришлось бывать и на местах, где разорвались реактивные снаряды. Все живое было уничтожено. Поражаемость исключительная.

Май и июнь наш полк держал оборону в районе Нелидово — Оленино.

В июне нашу дивизию посетили командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конеv, член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. С. Леонов, командующий 22-й армией генерал-майор В. И. Вострухов и группа инспектирующего командного и политического состава армии и фронта. Командующий фронтом побывал и в полку. Он интересовался нашей системой обороны, состоянием вооружения и обеспечением личного состава продовольствием и обмундированием. Как дивизия, так и полк особых замечаний о недостатках не получили.

На душе было веселее. В периоды затишья мы изредка слушали музыку и песни. Одна из таких песен запомнилась мне на всю жизнь. Это — «Синий платочек» в исполнении Клавдии Ивановны Шульженко. Пластинку с этой песней мы бережно хранили.

Мне песня «Синий платочек» представляется в плакате художника Жукова «Бей насмерть». В горящем городе на развалинах дома стоит пулемет «максим». Из него стреляет пожилой пулеметчик. На лице гнев и твердая решимость разбить врага. Справа от пулеметчика на кирпичной стене наклеен плакат с изображением молодой, красивой женщины, держащей на руках мальчика. На их глазах слезы, но нет страха. Они с презрением, гневом и возмущением смотрят на фашиста, приставившего к груди женщины окровавленный штык. На голове ее — синий платочек. Защищая мать, мальчик пытается отвести удар, и штык нацелен в детскую ручонку. Под плакатом надпись: «Воин Красной Армии, спаси!»

Плакат был очень впечатляющим и правдивым.

В июле 1942 года меня вызвали в штаб дивизии и объявили, что откомандировывают в распоряжение штаба армии для получения нового назначения. Какое меня ждет назначение, в штабе дивизии не знали.

Жаль оставлять полк, в котором пробыл десять месяцев, где знаю почти весь командный и политический состав, вплоть до старшин рот и даже многих старых бойцов.

С одними прощаюсь за руку, с другими — мысленно. И до сих пор хорошо помню смелых разведчиков комсомольцев сержанта Ивана Давыдовича Иващенко, Семена Кузьмича Азаренко и Степана Николаевича Николаева, старшину 1-й роты коммуниста Александра Михайловича Танина, москвича сержанта Александра Артемьевича Кудряшова, комсомольца Маймеда Тадаева, старшину 2-й роты Тимофея Титовича Тумута и двух родных братьев, коммунистов Ивана и Петра Павловичей Хрустальных, старшину 3-й роты Василия Ивановича Шершова, командира 5-й роты младшего лейтенанта Михаила Григорьевича Аксельрода, политрука 6-й роты коммуниста Сергея Алексеевича Китайцева, пулеметчиков Ивана Денисовича Нагорного и Федора Владимировича Лемешкина, командира 8-й роты москвича младшего лейтенанта Григория Григорьевича Григорьева.

Часто приходилось участвовать в боях с младшим политруком Борисом Григорьевичем Кирпичниковым, старшим сержантом Иваном Ивановичем Михеевым,

Василием Яковлевичем Муравьевым, Слаузданом Досматовым, бронейщиками коммунистом Алексеем Николаевичем Мотогоненком и солдатом Яковом Пантелеевичем Черных.

Попрощался и со своим постоянным и неразлучным спутником ординарцем Владимиром Андреевичем Балашовым.

Полк наш был многонациональным. Здесь плечом к плечу дрались русские Петров, Васильев, Зуборев, белорусы Евтушенко, Григорович, грузин Бенедикт Шалынович Кабунья, армянин Иван Каллистратович Акопов, казах Акмолда Амраджанов, тувинец Виктор Васильевич Беляков, мариец Петр Максимович Горинев, чуваш Тимофей Иванович Иванов. Да разве всех перечислишь.

С некоторыми из них я встретился позже, на территории Белоруссии. Москвичей Анатолия Ивановича Самсонова, Сергея Дмитриевича Соколова и сталинградца Михаила Васильевича Буренина я увидел и поговорил с ними осенью 1944 года в районе Слонима.

Многие мои сослуживцы по 1941—1942 году пали смертью храбрых.

Воевали мы дружно. Когда требовала обстановка, вступали в бой все, от командира и комиссара полка до ездовых на хозяйственных повозках. Когда было затруднение с продуктами, все делили поровну и не роптали. Мы улыбались, когда узнавали о победах Красной Армии, и были грустны при неудачах. Мы понимали друг друга с полуслова и верили друг другу.

За плечами полка были не только неудачи, но и победы. Не раз мы подсчитывали убитых и пленных фашистов, а также взятые трофеи. Не раз доносили об освобождении населенных пунктов и советских людей из-под фашистского ига. Полк прошел с боями около 250 километров вперед, на запад, и теперь стоял у границ Белоруссии.

Больше других в части был командир полка капитан А. Д. Ширяев. В военном отношении грамотный, решительный, как говорят, волевой командир и заботливый хозяин. В полку его уважали.

Комиссаром полка был старший батальонный комиссар В. С. Белов. До войны кадровый политработник. Людей полка лучше его никто не знал. Страстный охот-

ник стрельбы из винтовки по фашистским самолетам, даже в ночное время, но сбить «раму» ему так и не удалось.

Прощаясь со своими боевыми друзьями начальником штаба Черниковым, командирами батальонов капитанами Павлом Андреевичем Козыревым, Иваном Ивановичем Жидковым, Николаем Тимофеевичем Гусаком, старшим политруком Якушиным, уполномоченным особого отдела И. П. Булгаковым, товарищем еще по 257-му пулеметному батальону Брашниным, а также с Липатовым, Ильиным, Тюриным, Эльпидиным и другими.

Забегая вперед, хочется сказать, что мой 234-й полк к концу войны получил новое наименование и стал называться 238-м стрелковым Плоньским Краснознаменным ордена Суворова полком 186-й стрелковой Брестской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии.

Мне вручили пакет с личным делом, и я убыл в штаб 22-й армии.

Командование нашей армии с октября 1941 года было новое. Командовал ею генерал-майор В. И. Вострухов. Членами Военного совета были генерал-майор А. М. Котков и полковник И. Л. Черный (ныне полковник в отставке, директор научно-исследовательского института стройматериалов Белоруссии).

В штабе армии мне объявили, что, согласно предписанию свыше, меня откомандировывают в распоряжение отдела кадров одного из соединений. Меня принял начальник штаба генерал-майор М. А. Шалин. Но почему такое сверхступенчатое перемещение — из стрелкового полка в высший штаб, — объяснить никто не мог.

Из штаба армии к новому месту службы мне предстояло проехать на попутном транспорте.

В пути я впервые увидел контрольно-пропускные пункты, шлагбаумы и проверку документов. Для меня это было новым.

В тылу прифронтовой полосы был образцовый порядок. На перекрестках дорог стояли регулировщики с красными и зелеными флажками. На КПП командиры и бойцы ждали попутных машин. Пришлось и мне на двух-трех КПП выходить из машины, которая дальше была не по пути.

Контрольно-пропускные пункты стали не только узловыми станциями автотранспорта и пересадок отдельно следующих людей от фронта и к фронту. Они являлись и прекрасными агитационными пунктами. На самых видных местах были установлены портреты руководителей партии и правительства, географические карты с обозначением обстановки на фронтах. И что особенно выделялось и запечатлялось, — так это плакаты, написанные на специальных стендах, призывающие беспощадно бить врага и гнать с нашей территории.

Мне запомнился плакат — Ленин на фоне русского пейзажа и красного знамени. На знамени призывный лозунг, а внизу плаката слова: «Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска?»

Очень впечатляющим был плакат «Родина-мать зовет». Советская женщина-мать с седыми волосами в одной руке держит плакат военной присяги, а другой рукой сделала призывный жест стать в ряды тех, кто с оружием защищает свою Родину.

Очень памятен такой плакат. Пожилой боец времен Октябрьской революции и гражданской войны с поднятой вверх винтовкой стоит на фоне вооруженного народа у памятника Минину и Пожарскому. Внизу надпись: «Наши силы неисчислимы».

Часто встречались портреты великих русских полководцев — Суворова с надписью: «Вперед, богатыри, вперед!», портреты Кутузова, Фрунзе, Чапаева.

Хорошо запомнился плакат с изображением великих сражений 1242 и 1942 годов. На плакате — войска Александра Невского и Красной Армии изгоняют с русской земли немецких псов-рыцарей и фашистов. Плакат призывал бить врага беспощадно. Под плакатом надпись: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет».

На многих КПП и перекрестках стояли стенды с плакатами художников Кукрыниксов.

Установленные заботливой рукой, портреты, плакаты и лозунги привлекали проходящих и проезжающих бойцов и командиров, призывали к быстрейшему разгрому и изгнанию врага с советской земли.

У перекрестков дорог и населенных пунктов ука-

затели. Для путника, идущего первый раз, все понятно.

Но вот наконец и Торжок. Это уже глубокий тыл. Артиллерийской стрельбы не слышно. Расстояние до фронта по прямой восемьдесят — сто километров, хотя вражеская авиация в ночное время летает и здесь. Видимо, это воздушные разведчики.

Отмечаюсь у коменданта гарнизона, ночью в городе, а на следующий день убываю в деревню, где расположен отдел кадров, и представляюсь его начальнику комбригу И. И. Свинцову. Дня четыре меня никто не беспокоит. Скучаю. Ожидаю, что же будет дальше.

Но вот через посыльного меня вызывают в отдел кадров. У стола сидят четыре человека со знаками различия на петлицах от майора до подполковника. Предлагают сесть. Перед ними мое личное дело. Сначала задают анкетные вопросы, затем о моем участии в гражданской войне, о работе в мирное время, о семье, о перемещениях на фронте. Такие вопросы меня настораживают. Кажется, простой и ясный путь прошел до этого — и вдруг уточнения. Беседу ведет заместитель начальника отдела подполковник Касьянов. В чем дело и какие за мной грехи, не понимаю. Убедительно прошу направить меня в свою 179-ю дивизию. Мне объясняют, что это зависит от вышестоящего начальства.

Как-то утром на крыше хаты, где я остановился, заметил небольшую группку мирно ворковавших голубей. Это были обыкновенные темно-серые голуби, встречающиеся в любых населенных пунктах, в том числе и в городах. На мой вопрос, чьи это голуби, хозяйка ответила:

— Мои. А сидящий отдельно — этот вчера утром, во время облета, к моим присоединился. Он чей-то чужой.

И она показала на сидящего в стороне более светлого и более длинного чужака.

Я взял длинную палку и согнал голубей с крыши. Слетел и чужак. Они покружились в воздухе и снова сели на крышу. Чужак еще какое-то время попарил в воздухе и как бы нехотя сел отдельно.

У меня возникла мысль, а не почтовый ли это голубь? От долгого перелета обессилел, заметил во дво-

ре домашних голубей, поел с ними и теперь отдыхает. Наберется немного сил и улетит.

Схватив полено, я бросил в него, но не попал. Голубь взлетел, за ним остальные, но, покружив, быстро вернулись на свои места. Чужак опять сел в сторонке.

Подошедшие ко мне товарищи согласились, что голубь — почтовый. Но чей? Не став раздумывать, я заявил:

— Чей бы он ни был, но он сбился с маршрута или устал и не сегодня-завтра улетит от нас. Может сесть на крыше дома на территории, оккупированной врагом, и попадет ему в руки.

Взяв полено, я бросил в голубя и задел его так, что он опрокинулся, но в воздух не поднялся. Кто-то из моих товарищей тоже бросил поленом. И попал. Чужак остался на крыше. Сняли его. При осмотре обнаружили на одной ножке кольцо с припаянной к нему четырех-пятимиллиметровой толщины и двухсантиметровой длины герметически закрытой трубкой. Несомненно, этот голубь нес какие-то донесения.

Быстро одевшись, я направился в отдел кадров к комбригу И. И. Свинцову. Тот кому-то позвонил и попросил меня подождать. Минут через 30—40 явился майор, взял у меня голубя и ушел. Меня отпустили в деревню, приказав никуда не отлучаться.

Я начал волноваться — не своего ли почтового голубя убил и тем задержал, а возможно, сорвал важное оперативное мероприятие. На следующий день меня вызвали в штаб и сняли официальный допрос, где, когда и почему я убил голубя, кто это видел. Товарищей же моих не допрашивали.

Мне никто не объяснил, чей это голубь, прав я или виноват. Стал ждать наказания. Но шли дни, недели, о голубе никто не вспоминал. И только в декабре того же года при вручении мне именных часов напомнили о моей удачной охоте на голубя. Значит, голубь был чужой.

Но вернусь к дням моего пребывания в штабе.

По-прежнему живу в деревне. Нас, таких резервистов, собралось пять человек. Три раза в день ходим за два-два с половиной километра в столовую военторга. Столовая в небольшой хате. Столы на четыре человека. Стоят стулья и табуретки. На столах скатерти и по-

левые цветы. Обслуживающий состав одет, как положено в местах общественного питания. Первое и второе подают в тарелках, а чай — в стаканах с подстаканниками. Хлеб разложен в хлебницы. Обстановка напоминает мирную жизнь, оборвавшуюся год назад.

Отчетливее представляется теперь быт бойца на передовой. Котелки, жестяные кружки, ложки за голенищами сапог, за обмотками. Воды можно напиться из стальной каски, снятой с головы. Вода невкусная, ржавая, болотная. Воздух в низких местах тяжелый.

На передовой люди сильно устают. Чем эту усталость можно измерить? Помнятся слова военного специалиста Кокурина. Усталость на войне он определял так: «Боец на войне теряет энергии за один час столько, сколько рабочий средней руки за станком за восемь часов». Мне думается, что усталость бойца за час в период наступления значительно большая, чем рабочего за восемь часов. А моральной усталости меры нет.

На втором году войны наша армия не только обороняется, она уже наступает. Значит, люди сильно устают.

Из моих новых товарищей по резерву я подружился с полковником Никифоровым. Он тоже фронтовик, был тяжело ранен в ногу, хромотает, но ходит без палки. Замкнут. Изредка рассказывает о пережитом, но больше слушает других. Его ходатайство послать на передовую отклонили, направили в Белорусский штаб партизанского движения. Получили назначение и другие мои товарищи. Вместо них прибыли новые. И каждый ждет своего назначения.

Наконец получаю вызов и я. Прихожу в штаб. В передней комнате дежурный адъютант капитан Арефьев предлагает снять шинель. Докладывает о моем прибытии. Волнуюсь. Вхожу в кабинет, представляюсь. В кабинете длинный стол и много стульев. Карты на стенах и на столе. Здесь планируются операции на значительной территории, сюда стекаются все сведения о противнике. Это штаб фронта.

За столом на простом стуле сидит генерал в шелковой сорочке. Китель с орденами висит на спинке стула. Я уже знал, что генерал-лейтенант М. В. Захаров член партии с 1917 года, участвовал в штурме Зимнего дворца, окончил академию, прошел большой военный

и жизненный путь. Лицо обыкновенное, приятное. В разговоре картавит, вместо буквы «ха» произносит «ка». Прием длится пять-шесть минут.

Через три-четыре дня объявили приказ о моем назначении. Итак, я в штабе. Но меня тянет на передовую.

По характеру своей работы мне часто приходилось встречаться с белорусскими партизанами. На фронт приезжали представители Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, секретари ЦК КП(б)Б Петр Захарович Калинин, Иосиф Иванович Рыжиков. Встречался и с другими руководителями партизанского движения в родной мне Белоруссии: Константином Ивановичем Будариным, Григорием Борисовичем Эйдиновым, Иваном Фроловичем Климовым, Сергеем Саввичем Бельченко, Сергеем Петровичем Мельниковым. Участвовал в обсуждении и сборе подписей под «Обращением воинов-белорусов к партизанам и партизанкам, ко всему белорусскому народу». Прочитав Обращение, я несколько дней не мог прийти в себя. Это был волнующий документ.

«К тебе, народ наш, народ-богатырь, обращаются сыны твои — белорусские воины. Шлем мы сыновний поклон родной земле. Посылаем боевой привет матерям и отцам, братьям и сестрам, женам и детям нашим. Посылаем мы наш братский привет героическим партизанам и партизанкам.

Каждый день и час носим мы в сердце образ любимой Родины, каждым вздохом своим, каждой мыслью своей с вами мы, дорогие, с вами, любимые...

Сейчас на фронтах Отечественной войны в рядах Красной Армии за тебя, наша Белорусь, сражаются 108 генералов-белорусов, сотни полковников, сотни тысяч воинов. Твои сыны не опозорили чести воина Красной Армии, не посрамили памяти наших предков. Они свято выполняют указы отцов и прадедов о кровном единстве с русским и украинским народами... Мы умножили подвиги предков, возвеличили славу народа...

Перед грядущими решающими боями с врагом мы клянемся вам, что... не пожалеем ни крови, ни жизни своей в борьбе за святое дело, за разгром фашистских палачей. Вместе с братьями своими, русскими и укра-

инцами, вместе с воинами всех народов Советского Союза мы принесем освобождение родной земле, возвратим свободу и радость родному и многострадальному нашему белорусскому народу...

Отдадим все силы, все свои способности, всю энергию и волю для того, чтобы в новых решающих боях отбросить, разбить и уничтожить ненавистного врага, навсегда очистить советскую землю от гитлеровских разбойников».

Обращение было опубликовано во всех центральных газетах, а «Красную звезду» от 8 августа 1943 года с историческим документом храню у себя как священную реликвию.

Таким был этот волнующий документ, который обсудило и подписало более 25 тысяч воинов-белорусов.

В каждом слове его была любовь к Отчизне, сострадание к Белоруссии, своему народу, томившемуся еще под игом гитлеровских палачей, и клятва бить беспощадно врага до полного его разгрома. Подписываясь под Обращением, каждый из нас в душе давал клятву быть стойким и мужественным в борьбе с заклятым врагом.

Зародилась мысль просить командование разрешить отправиться в тыл врага, в Белоруссию, и там сражаться в рядах партизан. Но непустили. Слишком много было желающих.

Волновала судьба семьи. Как-то в феврале или начале марта 1943 года меня пригласили в деревню Хворостово вблизи города Торопца в оперативную группу Белорусского штаба партизанского движения. Там присутствовали О. И. Рыжиков, Г. Б. Эйдинов, С. С. Бельченко, С. П. Мельников, К. И. Бударин, И. Ф. Климов и другие руководители штаба. Хорошо не помню, к какой победе над врагом был приурочен торжественный вечер. На улице деревни состоялся митинг и вручение правительственных наград группе партизан, прибывших с оккупированной территории. Я с большим вниманием слушал их рассказы о вооруженной борьбе в тылу врага.

В крестьянских хатах состоялся праздничный ужин. Рядом со мной за столом оказался молодой партизан. Он через 10—15 дней направлялся за линию фронта в Минск. Я обрадовался случаю и попросил

его узнать что-либо о моей семье. Дал ему адреса жены и всех моих и ее родственников, близких, знакомых. Партизан записал адреса в свою книжку какими-то замысловатыми значками и крючками.

Через некоторое время я проводил партизана, пожелал ему счастливого пути, скорого и счастливого возвращения. Но больше его никогда не встречал и ничего о нем не слышал.

После освобождения Минска мне рассказали, что мою семью несколько раз кто-то разыскивал, расспрашивал, когда и куда она уехала. Но никто ничего путного сказать не мог, так как не знал.

Побывала на нашем фронте делегация Монгольской Народной Республики. Я участвовал во встрече ее на станции Торопец. В это время налетели немецкие самолеты, но большого вреда не причинили. Делегация привезла несколько десятков вагонов подарков, в числе которых были полушубки, валенки, шапки-ушанки, в чем мы особенно нуждались. Члены делегации побывали в частях и подразделениях на передовой, беседовали с бойцами, интересовались боевой деятельностью наших войск.

Запомнилась встреча с белорусскими артистами. Это было в марте 1943 года. На наш фронт прибыла бригада в составе народных артистов БССР Иосифа Михайловича Болотина (руководитель), Дмитрия Николаевича Орлова, Риты Вениаминовны Млодек, Софьи Юрьевны Друкер, солистки оперы Доры Захаровны Кроз, солисток балета Юлии Владимировны Хираско, Тамары Сергеевны Узуновой, цимбалистов Станислава Новицкого, Ханана Шмелькина, солиста хора Николая Николаевича Пигулевского. Группа состояла из 12 человек.

Хотя артисты приезжали к нам на фронт уже не один раз, но для меня эта встреча была особенно интересной. Мы не могли наговориться о родной Белоруссии, о борьбе ее народа против немецко-фашистских оккупантов.

Бойцы и командиры приняли артистов очень тепло.

В деревне Талица состоялся большой концерт, на котором присутствовало много людей. Затем бригада выехала в части на передовую, где пробыла полтора

месяца. Концерты белорусских артистов посмотрели более сорока тысяч бойцов. Артисты выступали по два-три раза в день, на открытых площадках в лесах, в землянках, на огневых позициях артиллеристов и минометчиков, в непосредственной близости от передовой.

Артистов переправили даже через линию фронта в тыл врага, в Витебскую область, где они встретились с белорусскими партизанами.

По окончании пребывания бригады на нашем фронте Политуправление фронта объявило благодарность всем артистам. А командование 4-й ударной армии наградило М. М. Болотина медалью «За боевые заслуги».

В день отъезда бригады артистов принял командующий фронтом генерал-полковник М. А. Пуркаев и член Военного совета корпусной комиссар Д. С. Леонов.

В 1943 году меня перевели на более родственную мне работу, в штаб управления артиллерии фронтом. Командующий артиллерией был генерал-лейтенант Хлебников.

Николай Михайлович Хлебников в годы гражданской войны был начальником артиллерии 25-й Чапаевской дивизии, которая в 1918—1919 годах громила белогвардейцев в оренбургских и уральских степях.

Будучи у генерала Хлебникова на инспекционной работе, я постоянно бывал в войсках и очень часто на передовой. В настоящее время невозможно вспомнить,— да, пожалуй, в этом и нет надобности,— какие части и воинские соединения я посетил, но были части, которые запомнились навсегда. Это 8-я гвардейская имени генерала Панфилова дивизия, 130-й Латышский корпус, 20-я и 21-я артиллерийские дивизии. А свою родную, 179-ю стрелковую дивизию я навещал при любом удобном случае.

Дивизия активно участвовала в боях по окружению и уничтожению пятидесятитысячной группировки немецко-фашистских войск в июне 1944 года под Витебском. В то время она входила в состав 43-й армии. Дивизией командовал полковник М. М. Шкурин, который начал войну здесь в чине капитана. Вскоре ему присвоили звание генерал-майора.

О самоотверженности бойцов и командиров

179-й стрелковой дивизии, в том числе и 234-го полка, тепло пишет в своих воспоминаниях командующий 43-й армией генерал армии Афанасий Павлантьевич Белобородов. В сборнике «Полки идут на запад» он отмечает особенно успешные действия бойцов 1-го батальона, которым командовал майор М. Е. Волошин, и бойцов разведывательной роты капитана А. Ф. Чинкова.

За успешные действия по освобождению Витебска было награждено орденами и медалями 4899 бойцов и командиров, а 51 человек удостоен звания Героя Советского Союза, в их числе капитан А. Ф. Чинков, старший лейтенант В. Ф. Цимбаленко, сержант Н. И. Романюк, рядовой В. И. Аверченко из 234-го полка.

Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян в том же сборнике «Полки идут на запад» пишет, что он с болью в сердце чтит память «безымянных героев, незаметных рядовых тружеников войны, вынесших на своих плечах все тяготы жестоких сражений, блестяще осуществивших разгром коварного врага и отдавших свою жизнь ради свободы и счастья советского народа». Да, рядовые труженики много вынесли во время войны.

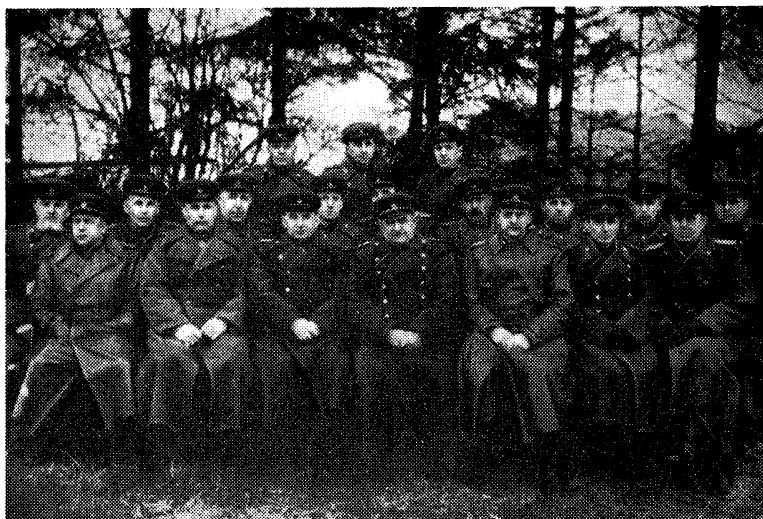
О героизме бойцов и командиров 179-й стрелковой дивизии особенно подробно рассказывает кандидат исторических наук Семен Петрович Кирюшин в книге «43-я армия в Витебской операции».

Во время освобождения Белоруссии мне не раз пришлось бывать в 43-й, 4-й ударной и 6-й гвардейской армиях, входивших в состав нашего, 1-го Прибалтийского фронта. Я осуществлял контроль и помощь в обеспечении частей боеприпасами с артиллерийских складов фронта. Начальниками этих складов были инженер-майоры Шульман и Железковский.

А как же семья?

После освобождения Минска я обратился к командованию с просьбой разрешить мне съездить в город и узнать о судьбе жены, дочери и сына. Но ввиду затянувшихся боев за Шауляй и выход к Балтийскому морю только в конце августа мне разрешили выехать в Минск.

Прибыл в столицу Белоруссии 31 августа. Минск лежал в развалинах. Только на окраинах города сиротливо стояли одинокие деревянные домики.

Управление командующего артиллерии фронта. Сидит в первом ряду в центре — генерал-полковник Герой Советского Союза Николай Михайлович Хлебников. (9 мая 1945 года).

Дом на площади Свободы, где жил я до 1932 года, а позже сестра жены, был взорван. Лежала грудa битого кирпича. Но на уцелевшей глыбе от стены я обнаружил выведенный детской рукой большими буквами адрес: «Лаповы живут на площади Свободы, дом 39, кв. 12». Как оказалось позже, эту надпись сделал 15—16-летний мальчик Борис Лапов, ныне кандидат филологических наук.

Но Лаповы судьбу моей семьи не знали. На следующий день, отыскав семью моего двоюродного брата Антона Капли, узнал, что моя жена еще осенью 1941 года вместе с детьми ушла из Минска. Куда, никто не знает.

Решил съездить в Ворониловичи, полагая, что жена, не имея никаких средств к существованию, возможно, пробралась туда, к брату Александру. Второй брат, Лука, в начале войны находился в Акмолинске, оттуда ушел на фронт и рядовым солдатом пробыл на передовой до разгрома Германии.

Из Минска до Ружан я добрался попутными машинами. По дороге в Ворониловичи стал расспрашивать встречающихся людей, не знают ли они что-либо о моей семье. Никто о ней ничего не слышал. Правда, еще в Ружанах меня направили в дом кузнеца, который при немцах жил в двух километрах от Воронилович. На вопрос, знает ли он Зинаиду Ходакову, ответил:

— Ходаковой Зинаиды не знаю, а вот Зину Хадыка, ее дочь Женю и сына Бориса хорошо знаю. Они какое-то время жили в Ворониловичах, немного в Ружанах, а весной этого года — в деревне Березница. Позже многие семьи, в том числе, видимо, и вашу, увели в лес, в какой-то партизанский отряд. Где они сейчас, не могу сказать.

Уже это сообщение обнадеживало меня, — возможно, семья и жива.

Перед Ворониловичами меня нагнал житель этой деревни и рассказал, что семья моя на днях вернулась из партизанского отряда и теперь находится у моего брата Александра. Шагать стало веселее. Усталость как рукой сняло.

При входе в деревню в первом доме размещался сельский Совет. В это время там была моя дочь Женя. Кто-то ей сказал, что пошел ее отец. Она тут же выбежала на улицу и догнала нас. Но не узнала меня, растерялась и обратилась к моему попутчику, назвав его дядей. Мы остановились. Я потянулся к дочери и обнял ее. Женя, придя в себя, закричала:

— Папа, папа!

Я не мог ее успокоить, и она, не зная, как выразить свою радость, всем встречным кричала:

— Вот мой папа! Вот мой папа!

Напуганную криком дочери жену я нашел в садике у дома брата Александра. Она лежала на подстилке с пробитой в лесу ногой, а рядом с ней сидел сын Борис. Он не помнил меня и в течение шестидневного пребывания с ними звал меня «дядя» или «дядя-папа». Слово «папа» выговаривал с неохотой, куда легче «дядя».

Судьба моей семьи в период Отечественной войны, как и судьба миллионов людей на оккупированной территории, сложилась очень тяжело. Попытка уйти из Минска оказалась безрезультатной. Нести на руках

Автор в кругу семьи. Сидят (слева направо): жена Зинаида Леонтьевна, внук Юра, дочь Евгения. Стоят: автор, сын Борис, муж дочери И. Г. Трофимченко. (Снимок 1956 года).

четырёхлетнего больного ребенка жена не могла. Дороги непрерывно бомбили. Особенно свирепствовали фашистские стервятники к востоку от Минска. Они расстреливали из пулеметов людей на дорогах и вдали от них.

Вокруг Минска немцы сбрасывали диверсионные банды, которые убивали людей, сеяли панику и распускали различные провокационные слухи.

На седьмой день войны в городе появились фашистские танки и колонны их войск. Бои начали отдаляться на восток.

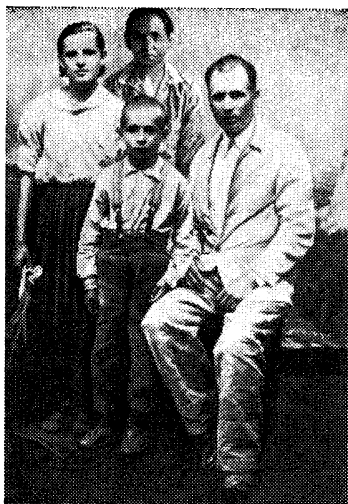
Как жить дальше? Какое-то время жена с детьми находилась в доме своего отца по Домашевской улице. Позже дом сожгли немцы. У них совершенно не было никаких запасов продуктов, не было и денег. Жена ходила на пригородные колхозные поля и собирала щавель, лебеду, кое-какие вещи обменивала на продукты, иногда ей помогали знакомые. С каждым днем жить становилось тяжелее.

Как-то она сходила в деревню Крущы, что в 5—6 километрах от города, там жила ее родственница, тетя Оля Шиманская. Она любила нашу семью и стала помогать продуктами. Позже жена с детьми немного жила у Шиманской.

— Как-то в конце августа или в начале сентября,— со слезами на глазах рассказывала жена,— ко мне пришла знакомая, бывшая соседка по дому на площади Свободы, Юстина Лапова. Она была вдовой, на руках двое малых детей. Мы пошли на пригородное колхозное поле, где была уже выбрана картошка, и стали перекапывать землю, отыскивая отдельные, оставшиеся в земле клубни. У нас уже было по два-три килограмма картошки, когда на поле появился какой-то мужчина. Он быстро подошел к нам, назвал себя полицейским, отнял у нас лопаты и картошку и начал избивать нас. Мы плакали, просили его вернуть нам лопаты и картошку, объясняли, что у нас малые дети, а лопаты одолжили у знакомых и нам нечем за них расплатиться. Но ни лопат, ни картошки он не вернул. Даже пригрозил, что если мы еще раз появимся на его поле, он нас постреляет. Больше мы сюда не стали ходить.

В это время произошел еще один печальный случай. Сын, оправившись от болезни, стал выходить во двор дома.

— Однажды я его одела в поношенное пальтишко с желтыми металлическими пуговицами,— с дрожью в голосе рассказывала жена.— На пуговицах были якоря. Как на грех, во двор зашло несколько немцев. Я быстро вышла и хотела взять мальчика на руки. Но меня опередил один немец. Он что-то прокричал по-немецки, подошел к ребенку и начал с силой отрывать пуговицы на пальтишке. Некоторые пуговицы были пришиты прочно и отрывались с кусками сукна. Ребенок закричал диким голосом, а фашист со злом бросил оторванные пуговицы на землю, начал топтать их ногами и выкрикивать какие-то ругательства. Потом стал угрожать мне. Я совершенно растерялась и не знала, что делать. Наконец фашист толкнул ногой ребенка, и тот упал. Я подбежала, схватила сына на руки и унесла в дом. Ожидала выстрела в спину. Но немцы ушли.

Жертвы фашизма в деревне Байки. Справа налево: Семен Прокофьевич Кава, сын Толя, дочь Лида и жена Варвара (сестра автора).

В городе начались аресты и расстрелы невинных людей. Жизнь стала невыносимой. И жена окончательно решает уйти из Минска.

Но куда? Кто приютит с двумя детьми? Тогда все жили в нужде и страхе. Но, как говорится, свет не без добрых людей. Сначала ее приняла у себя добрая тетя Оля Шиманская. Но и там стало трудно жить. Не хватало продуктов. Зимой 1941 года жена с детьми пешком пошла в Ворониловичи, хотя дороги толком не знала и неизвестно было, как отнесется к ней брат Александр. Но другого выхода не было. Надо же как-то спасти детей. Помнила лишь название деревни, да еще Барановичи и Ружаны.

От деревни до деревни шла с детьми дней двадцать. Всех уверяла, что возвращается домой в Ворониловичи, что муж был учителем и погиб во время бомбежки в Минске. Заходила только в старые, как ей казалось, бедные дома. Большинство людей относилось к ней сочувственно, разрешали заночевать, давали поесть. Все интересовались, что и где видела. В то время многие семьи и одиночки шли кто на запад, а кто на восток, ища пристанища у родственников или у знакомых.

Много людского горя увидела в пути. Запомнилась ей ночевка в деревне Боровики Слонимского района. Приютили жену в ветхом домике две старенькие сестры, одной было лет семьдесят, а второй еще больше. Сына одной из них накануне расстреляли фашисты, а сына второй сестры арестовали, и она не знала, жив ли он. В домике они остались вдвоем, непрерывно плакали и проклинали оккупантов.

Постелив на полу, жена с детьми легла спать. Было

очень холодно, но после тяжелого перехода все вскоре уснули. Часа в два ночи одна из хозяек разбудила жену.

— Встаньте, женщина, в нашем доме второе горе — сейчас расстреливают моего сыночка.

Сестры зажгли свечи, стали на колени перед иконами, начали плакать и молиться. Под печкой пел петух. Жена тихонько спросила у одной старушки, кто им сообщил, что ее сына расстреливают. Та ответила:

— У нас в доме нет петуха, а под печкой поет, как петух, курица. А это к несчастью.

И женщины молились всю ночь до изнеможения. Разубедить их в суеверии было невозможно. Жена тоже плакала вместе с ними, но облегчить их страдания ничем не могла.

Утром, попрощавшись, ушла дальше, а они, бедные, остались в своем холодном домике с тяжелым горем на сердцах.

Брат Александр принял жену с детьми хорошо. Несколько месяцев ели его продукты, а позже жена стала шить крестьянскую одежду, шапки, фуражки и тем зарабатывать на пропитание. Весной и летом работала на крестьянских полях за продукты. Но оккупационные власти преследовали ее повсюду.

Как-то утром в один из летних месяцев 1942 года прибыл отряд немцев. Всех жителей согнали за деревню и стали проверять, кто прописан и в каком доме живет.

Жена, оставив сына с детьми моего брата, стала с дочерью ожидать, что будет дальше. В толпе кто-то сказал, что часть Белоруссии немцы присоединяют к Восточной Пруссии и потому собираются провести паспортизацию всего населения. Что будет после паспортизации, неизвестно.

Проверив документы, всех местных распустили по домам. Жену с дочерью и временно прописанного в деревне кузнеца Ивана Семеновича Жака взяли под охрану.

Жена растерялась. Куда ее поведут? Как быть с сыном? Оставлять в Ворониловичах или брать с собой? А вдруг их расстреляют? Ведь расстреливали же немцы семьи командиров Красной Армии только за то, что их мужья и отцы находились на фронте. Если

расстреляют, тогда сын пусть остается у родственников. Позже он расскажет, как и где погибли его мать и сестренка. Жаль, что рядом стоит дочь. Ей только 16 лет. Может, и она осталась бы в живых, если бы ее не брала с собой, когда выгоняли за деревню.

Женщины подняли крик, плач, начали просить немцев освободить задержанных. А более смелые начали собирать подписи жителей деревни под заявлением, в котором утверждали, что муж задержанной — уроженец Воронилович, был учителем, уехал в Минск и там погиб во время бомбежки. Жена с детьми вернулась на его родину. Под заявлением подписались почти все жители деревни. И эту петицию вручили офицеру.

У жены взяли паспорт. Посмотрели, что он выдан в Алма-Ате, но, к ее счастью, прописка на нем была минская. Жену и дочь освободили, но документы не вернули.

Позже по ходатайству брата Александра, за взятку, местные власти выдали жене и дочери, наравне с другими жителями деревни, немецкие паспорта.

В конце 1942 года жена с детьми переехала в Ружаны. Но и там ей пришлось пережить кошмар фашистского «нового порядка».

Она сняла квартиру в доме по улице с названием Свиная. Начала принимать заказы на пошив одежды. Этим зарабатывала на продукты питания.

Жена рассказывала, что народ в тех местах хороший. Близкие и даже дальние родственники, особенно из деревень Байки, Воля, Кулеши, помогали ей всем, чем могли. Кто корзинку картошки принесет, кто крупы или муки даст, а иногда и кусок мяса положит, воз дров привезет. Но особенно мы с женой благодарны моему родному брату Александру Михайловичу, за бескорыстную помощь, оказанную ей и детям в то тяжелое и опасное время.

Но и в Ружанах жизнь моей семьи постоянно висела на волоске. Чаще всех навещал ее мой племянник — сын брата Александра — Николай. Однажды по какому-то подозрению фашисты избили его шомполами.

Взрослое население немцы выгоняли на разные работы. Однажды, работая на вырубке молодой ольхи, маскировавшей подход к деревне, Николай наступил

на поставленную кем-то мину. Взрывом тяжело ранило племянника.

Николая положили в местную больницу в Ружаках. Он весь был в гипсе, правая нога в нескольких местах оказалась переломанной, тело обожжено.

Жена часто навещала его в больнице и передавала продукты питания, присланные его родителями. Что могла, приносила и свое.

Больница от ее квартиры находилась недалеко, часто к нему ходили одни дети. Как-то Николай попросил принести ему бутылку холодной воды. На следующий день утром жена, одев сына, вместе с соседским мальчиком отправила его в больницу с водой. Прошло порядочно времени, а мальчики не возвращались. Это встревожило жену. Вблизи дома их не оказалось. Стала искать на других улицах. Вдруг с пустыря до нее донеслись лай собак и приглушенный крик ребенка. Бросилась туда и — остолбенела. Жуткая картина представилась ей.

На пустыре стояла группа немцев, а три овчарки прыгали на пытавшегося подняться с земли, кричавшего диким голосом, нашего ребенка. Жена настолько была потрясена происшедшим, что лишилась речи, не могла произнести ни слова. Все в ней омертвело. Не помнит, как добежала до ребенка и отняла его у собак.

Фашисты с громким смехом ушли с пустыря.

Как потом рассказали жене, это оккупанты обучали молодых собак нападать на людей.

Со слезами на глазах жена взяла на руки истерзанного, обезумевшего от страха ребенка и с большим трудом добралась домой. Какой дикий случай! Фашисты не считали местное население за людей. Они убивали, грабили, насиловали.

Жить в Ружанах стало страшно. Но куда податься? Где найти город, деревню или хотя бы дом, в котором можно было бы остановиться и относительно спокойно жить? Вернуться в Ворониловичи не могла — там разместился немецкий гарнизон.

Ушла с детьми в деревню Воля к Михаилу и Адаре Гайдук.

Вскоре жену с детьми взяли партизаны в свой лагерь.

От брата я узнал страшную трагедию. Фашистские

Бывшие беженцы 1914—1920 годов из деревень Ворониловичи, Щитное и Загаличи — участники гражданской войны. Сидят (слева направо): Д. И. Соломка, М. М. Ахраменя, П. М. Хадыка, П. А. Ахраменя, А. Р. Ерш. Стоят: Н. З. Кульба, П. И. Мошка, Д. А. Макаревич, А. М. Химач, И. П. Козловский, П. П. Макаревич. (Снимок 1970 года).

изверги полностью уничтожили деревню Байки. 22 января 1944 года они расстреляли 987 стариков, женщин, детей. Среди них и мою сестру Варю, ее мужа Семена, 15-летнюю дочь Лиду и 10-летнего сына Анатолия. В Байках погибло около двадцати моих родственников.

На третий день мы с братом посетили могилу безвинно погибших жителей деревни Байки. Я был потрясен этим зверством. У меня не укладывалось в голове, как такое могли совершить люди, считающие себя цивилизованными. Расстреливать детей! За что? В чем был виноват ребенок?

С тяжелыми впечатлениями возвращался я в свою часть. Все, что видел, для меня, конечно, не было новым. Это было продолжением варварства фашистов, как и в первые дни войны. Я уже видел разрушенные города, пепелища и траурные печные трубы на месте

сожженных деревень. В лохмотьях, истощенное, встречало нас население, старческий вид имели дети, освобожденные из фашистской неволи.

Сейчас, в сентябре 1944 года, я увидел свою семью, жену и детей в таком же состоянии, раздетых и истощенных. Они прожили три года на своей родной земле, но под тяжелым гнетом фашистского «нового порядка».

Радовало лишь то, что уже были освобождены Красной Армией советские города и деревни, первыми оккупированные фашистскими головорезами, и война шла за пределами Белоруссии. Каждый понимал, что скоро будет освобождена вся советская земля и война перейдет на территорию тех, кто ее начинал.

Будучи в Минске, Дзержинске, Барановичах, Слониме, Ружанах, я видел уже расчищенные от разрушенных домов улицы, а в Минске даже эшелоны с лесом и кирпичом для ремонта того, что можно было восстановить, хотя бы временно. Еще не было в городах и деревнях нужного количества рабочей силы — все мужчины находились на фронтах, — а работы по восстановлению разрушенного хозяйства уже начались. В Минске бросалось в глаза — на фоне обвалившихся и закопченных дымом зданий, чудом сохранившихся стен возвышался всем хорошо знакомый Дом правительства. Взрыв здания подпольщикам и минерам удалось предотвратить. Огромной разрушительной силы фугасы удалось обезвредить. В Доме правительства уже восстанавливали дверные проемы и стеклили окна. Ремонтировали и другие дома. Жизнь в республике постепенно начинала входить в свою колею.

Одновременно с жилым фондом восстанавливались здания культуры. В уцелевшем от бомбежек Белорусском театре оперы и балета теперь жили целые семьи, с детьми и имуществом. Здесь я встретил и семью моего знакомого П. М. Чагана.

Обо всем увиденном в пути и особенно в Белоруссии я рассказал товарищам по службе: Малахову, Балабутевичу, Людчику, Урецкому, Синявскому, Луковкину, Мургазину и доложил своему непосредственному начальнику генералу А. А. Байкову. В кругу близких мне товарищей без моего ведома был сделан сбор вещей и продуктов. Один дал пару нательного белья, дру-

гой — простыню, третий — банку консервов из своего допайка, и все это было послано посылкой моей семье. Этот товарищеский поступок я с благодарностью помню и теперь. Посылка, несомненно, на первых порах послужила ощутимым подспорьем моей семье.

А на фронтах тем временем шли ожесточенные бои. Инициатива как на земле, так и в воздухе была на стороне наших наступающих войск.

Еще в середине июля войсками Белорусских фронтов были освобождены последние белорусские города — Пинск, Волковыск и Гродно. А после освобождения 4 июля Полоцка наш фронт вступил на территорию братской республики Литвы. В октябре войска фронта вели бои уже за освобождение Клайпеды, вышли к Балтийскому морю у города Либава и отсекали таким образом немецкую группировку, находившуюся в Латвии, Эстонии и на Курляндском полуострове, от войск в Восточной Пруссии.

В январе 1945 года наши части штурмом овладели Клайпедой. С освобождением этого города была полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков Советская Литва. 20 января был взят Тильзит, и войска нашего фронта вступили на территорию Восточной Пруссии.

Памятными для меня были бои за Клайпеду, Тильзит и особенно за Кенигсберг и Пиллау, в которых мне лично пришлось участвовать. Бои были исключительно тяжелыми. Немцы отчаянно сопротивлялись. Но они были обречены. Отступать некуда.

Сотни вагонов ежедневно прибывали с боеприпасами и боевой техникой на фронтовые склады. Здесь круглые сутки без сна и отдыха, а зачастую и без горячей пищи, шла напряженная работа. Кроме личного состава складов работали сотни еще не окрепших от ранений и контузий бойцов и командиров из запасного полка. Здесь, как и на передовой, в любой момент можно было погибнуть от своей неосторожности, или неосторожности товарища, или во время бомбежки складов вражеской авиацией. Но никто не жаловался на усталость или ушибы от падения с тяжелым и опасным грузом. Не уходили с погрузочных площадок даже во время бомбежек. У всех была одна мысль — скорее разгрузить вагоны и погрузить на автомашины

снаряды, патроны, мины, ручные гранаты и отправить их на передовую в войска, штурмовавшие последние бастионы врага.

Хочется вспомнить титанический труд начальников складов полковника Никонова, инженер-майоров Железовского, Б. Б. Шульмана, капитана Толстикова, пиротехников и оружейников, которые в любых условиях, даже под обстрелом, хладнокровно и умело руководили работами с опасным, но срочным грузом.

Работа на артиллерийских складах была поставлена отлично, и не раз личный состав, как и на передовой, награждался орденами и медалями.

Хотя бои на нашем фронте закончились взятием Кенигсберга и Пиллау, но еще долго пиротехникам и оружейникам пришлось сортировать на складах боевую технику и особенно трофейное вооружение и боеприпасы.

Моя служба под командованием Героя Советского Союза генерал-полковника Николая Михайловича Хлебникова продолжалась и после 9 мая 1945 года.

Мой рассказ подходит к концу. Хочется кое-что обобщить, подвести итоги.

Став беженцами в 1914—1919 годах, многие ниловцы оказались рассеянными по губерниям России и не вернулись в Ворониловичи. Из 15 семейств, находившихся в Оренбурге, в рядах Красной гвардии и Красной Армии сражалось одиннадцать человек: Иван Мартынович Ахраменя, Петр Осипович Бондарец (погибли в гражданскую войну), Максим Мартынович Ахраменя, Михаил Герасимович Баран, Александр Романович Ерш, Игнат Петрович Козловский, Николай Яковлевич Суходольский, Павел Прокопьевич Тур, Павел Исидорович Тур, Лука Иванович Юнаш и я.

В Отечественную войну против немецко-фашистских захватчиков на фронтах сражался 51 человек.

Погибло в боях за Родину 13 человек: Петр Яковлевич Ахраменя, Александр Степанович Дрозд, Андрей Лукич Ерш, Виктор Михайлович Ерш, Николай Максимович Ерш, Алексей Михайлович Прокопья, Дмитрий Алексеевич Суходольский, Михаил Игнатьевич Суходольский, Николай Алексеевич Суходольский, Алексей Павлович Тур, Василий Степанович Тур, Иван Иванович Тур, Федор Алексеевич Тур.

В партизаны ушло 10 человек, из них погибло двое — Константин Фомич Суходольский и Василий Павлович Суходольский. Последний схвачен немцами и замучен в фашистских застенках.

Еще нет памятника погибшим в гражданскую и Отечественную войны ниловцам. Но придет время, когда такой памятник с именами героев будет сооружен. К нему станут приходить пионеры, комсомольцы, родные погибших, в День Победы возлагать цветы, слушать рассказы, как наш народ боролся и отстаивал Советскую власть.

В Ворониловичах теперь центральная усадьба колхоза «Заря». Он объединяет восемь деревень: Ворониловичи, Капли, Товцвилы, Островок, Верчицы, Шитное, Лососина и Клепачи.

На центральной усадьбе построены здания сельского Совета, почты, АТС, правления колхоза, медицинского пункта, клуба, библиотеки, школы-десятилетки, магазина, бани, хранилища зерна, ремонтных мастерских, гаража, животноводческие помещения.

В деревне 115 домов. Все электрифицированы. Больше половины семей имеют телевизоры. Во многих домах газовые плиты. Все выписывают газеты и журналы.

Труднопроходимая раньше улица Воронилович теперь засыпана гравием-щебенкой, укатана катком и освещается электролампочками.

Некогда медвежий угол, теперь, при Советской власти, стал одним из культурных центров в Пружанском районе Брестской области.

Много ворониловцев работает в промышленности, на новостройках, на целинных землях. Многие трудятся учителями, врачами, инженерами, служат на командных должностях в Советской Армии. Особенно много молодежи учится в высших и средних специальных учебных заведениях, готовится стать достойной сменой старшего поколения.

После увольнения в запас я с семейством остался в Белоруссии, которая за двадцать пять послевоенных лет не только восстановила промышленность и сельское хозяйство, но и быстрыми темпами развивает их дальше, вместе с другими республиками успешно строит коммунизм. Красивым городом стал Минск.

СОДЕРЖАНИЕ

Воронилловцы — потомки Нила	3
Беженцы	21
Служу трудовому народу	34
Кавказ	56
От войны и до войны	85
Трудные испытания	142

Хадька П.

Записки солдата. Мн., «Беларусь», 1971.

192 с. с илл. 50 000 экз. 42 к.

Активный участник боев с белогвардейцами в период гражданской войны, а затем сотрудник органов ОГПУ — НКВД БССР делится своими воспоминаниями о создании милиции в республике, подборе и обучении оперативных кадров, о борьбе с политическим бандитизмом в 1920—1930 гг., рассказывает о кровопролитных боях, в которых пришлось участвовать, против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

1-6-4

7(С)23

72-71

X 14

Павел Михайлович Хадька (Ходаков)

Записки солдата

Издательство «Беларусь».

Минск, Ленинский проспект, 79.

Редакторы П. Щедров, Г. Пармон. Художник С. Ковалев. Художественный редактор А. Труханова. Технический редактор Я. Шляшинская. Корректор Р. Мовшович.

АТ 02554. Сдано в набор 3/XI 1970 г. Подп. к печати 24/II 1971 г. Тираж 50 000 экз. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 8,88. Уч.-изд. л. 10,0. Зак. 461. Цена 42 коп.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа.

Минск, Красная, 23.